

С. ПАТКАНОВЪ.

ТИШЪ ОСТЯЦКАГО БОГАТЫРЯ

ПО

ОСТЯЦКИМЪ БЫЛИНАМЪ И ГЕРОИЧЕСКИМЪ СКАЗАНИЯМЪ.

«While kings, in dusty darkness hid,
«Have left a nameless pyramid,
«Thy heroes, though the general doom,
«Hath swept the column from their tomb,
«A mightier monument command
«The mountains of their native land!»

«The Giaour» L. Byr.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

In Commission bei K. Rickker (Nevsky № 14).

1891.

С. ПАТКОВ

(Отдельный оттискъ изъ «Живой Старины» III в. [стр. 85—116] и IV в. [стр. 67—108])

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Стран.

Остячная эпическая поэзія. Наши свѣдѣнія объ остяцкой эпической поэзіи.— Характеристика нынѣшнихъ Остяковъ и ихъ страны.—Остяцкія былины и при какихъ случаяхъ онѣ поются.—Ихъ древность.—Героическія сказанія болѣе новыхъ временъ.—Объясненіе названія былины: тѣ р н ы й - ѿ р а.—Музыкальные инструменты «лебедь» и «домбра» служатъ аккомпаниментомъ для былинь.— Языкъ остяцкихъ былинь.—Особенности одной былины 1—13

ГЛАВА II.

Княжества и ихъ центры-городки. Дробленіе остяцкой страны на мелкія княжества.—Городки, какъ ихъ центры.—Ихъ устройство.—Категоріи городковъ.— «Мѣдныя» городки.—Селенія, какъ мѣста жительства «простыхъ» людей.—Земле- владѣніе на родовыхъ началахъ у нынѣшнихъ Остяковъ и Вогуловъ.—Въ осно- ваніе прежняго княжества легло родовое начало.—Разселеніе родовъ.—Прежнія княжества суть «волости» историковъ.—Южные Остяки не были кочевниками. . 13—23

ГЛАВА III.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ. Внѣшній видъ прежнихъ Остяковъ.—Признаки красоты и силы.—Мужская одежда.—Вооруженіе: коль- чуги, мечи, луки и т. под.—Жилища: землянки и ихъ устройство.—Обществен- ныя зданія 23—32

ГЛАВА IV.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ. (Продолженіе). За- нятія Остяковъ: охота, рыболовство, оленеводство.—Знакомство ихъ съ рогатымъ скотомъ, овцами, лошадьми.—Собаки.—Пища Остяковъ: продукты охоты, оле- неводства и рыбной ловли.—Посуда.—Хлѣбъ.—Питье Остяковъ... . 33—39

ГЛАВА V.

Князья—военное сословіе. Начало княжеской власти принадлежитъ весьма отдаленному времени.—Богатство князей.—Отношенія простыхъ людей къ кня- зю.—Отношенія князей между собой.—Совмѣстное правленіе нѣсколькихъ кня- зей.—Дробленіе княжествъ и сліяніе нѣсколькихъ въ одно.—Образъ правленія.— Народныя собранія и пиры.—Князья—военная каста.—Воинскія упражненія.— Ристалища.—Доказательства силы и отваги князей.—Плачь князей.—Рогъ сим- воль радости.—Другія качества характеризующія князя-богатыря: соблюденіе клятвы, благородство въ манерахъ, жестокость и великодушіе къ врагамъ.—Кро- ваваа мѣсть.—Умственное превосходство богатырей надъ простыми людьми.—Ско- собность ихъ принимать образъ животныхъ.—Общечеловѣческія чувства 39—47

ГЛАВА VI.

Простые люди и рабы. О простыхъ людяхъ мало упоминается въ былинахъ.— Ихъ вооруженіе и воинскія качества.—«Рабы» героическаго эпоса.—«Холопы» историковъ. 48—50

ГЛАВА VII.

Положеніе женщинъ. Затворничество дѣвицъ.—Занятіе дѣвицъ: рукодѣлье.—Красота ихъ.—Одежда.—Женихи—князья изъ др. городовъ.—Князья избѣгаютъ неравные браки.—Калымъ.—Невѣста устраняетъ недоразумѣнія между отцемъ и женихомъ.—Сватовство.—Переговоры и обманы со стороны отца невѣсты.—Остяцкая княжна въ видѣ филина отыскиваетъ себѣ жениховъ.—Внѣшнее сходство богатыря съ рыцаремъ и отличія ихъ.—Свадебные обряды.—Танта-ней.—Подарки отца невѣсты.—Пріѣздъ молодыхъ въ домъ мужа.—Сравненіе остяцкой княжны съ древне-финской дѣвицей.

ГЛАВА VIII.

Способы веденія войны. Причины войнъ.—Сборы къ походу.—Обряды при отправленіи.—Остановки.—Первыя встрѣчи съ подданными отца невѣсты.—Способы веденія войны на открытомъ полѣ.—Лазутчики.—Караульные.—Сраженіе.—Борьба князей другъ съ другомъ.—Враги иногда расходились, давъ клятву болѣе не воевать другъ съ другомъ.—Лишеніе убитаго врага доспѣховъ и скальна.—Богатыри съѣдали иногда сердца враговъ.—Засады противъ плывущихъ на лодкахъ враговъ.—Исправленіе укрѣпленій.—Осада городковъ и взятіе ихъ штурмомъ и голодомъ.—Союзы князей, какъ средство противъ сильныхъ враговъ.—Военная тактика Самоѣдовъ.

ГЛАВА IX.

Заключеніе. Былины—историческіе рассказы о подвигахъ богатырей, опозитизированные народной фантазіей.—Ихъ реализмъ.—Куда дѣлись богатыри?—Взглядъ Остяковъ на этотъ предметъ.

Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ.

ГЛАВА I ¹⁾.

Остяцкая эпическая поэзія.

Наши свѣдѣнія объ остяцкой эпической поэзіи.—Характеристика нынѣшнихъ Остяковъ и ихъ страны.—Остяцкія былины и при какихъ случаяхъ онѣ поются.—Ихъ древность.—Героическія сказанія болѣе новыхъ временъ.—Объясненіе названія былины т а р н ы й-а р а.—Музыкальные инструменты «лебедь» и «домбра» служатъ аккомпаниментомъ для былинь.—Языкъ остяцкихъ былинь.—Особенности одной былины.

Судьба Сѣв.-Зап. Сибири и культура ея прежнихъ обитателей до водворенія здѣсь Русскихъ намъ почти совершенно незнакомы, а между тѣмъ довольно богатая, но сравнительно очень мало изслѣдованная, поэзія живущихъ здѣсь племенъ Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ предметъ. Мы остановимся исключительно на поэзіи Остяковъ и притомъ южнаго племени. Но и въ этой области мы ограничимся только двумя видами ихъ народнаго творчества: былинами или героическими пѣснями и героическими сказаніями, которыя имѣютъ тѣмъ болѣе интересъ, что въ нихъ довольно ясно отражается жизнь прежнихъ Остяковъ.

Эти виды остяцкой народной поэзіи остались до сихъ поръ совершенно

¹⁾ Передавая остяцкія слова и выраженія при помощи русскаго алфавита, считаемъ необходимымъ сдѣлать указанія, какимъ образомъ Остяки произносятъ отдѣльныя буквы.

Гласныя: а, е, і, о, у произносятся какъ соотвѣтствующія буквы въ русскомъ (е всюду какъ э). Кромѣ того въ остяцкомъ языкѣ имѣются мягкія гласныя: ä, ö и ü, произносимыя, какъ нѣмецкія: ä, ö и ü. Остяцкая буква ы, соотвѣтствующая русскому ы, отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что всегда кратка. Дифтонги: ai, ei, oi обыкновенно выговариваются какъ ай, эй, ой.

Согласныя: б, в, ж, м, н, р, х, ц, ч, ш и твердыя: к, л, н, с, т, д выговариваются, какъ соотвѣтствующія русскія буквы. Мягкія: к, л, н, с, т, д и мягкое г произносятся, какъ кј, лј, нј, сј, тј, дј, гј. Мы ихъ обозначили знаками: к', л', н', с', т', д', г'.

Г передъ а, о, у, ы и въ концѣ слоговъ произносится какъ малорусское г въ словѣ «гора».

Кромѣ того, въ остяцкомъ существуютъ слѣдующія буквы: j, ñ, з', g', изъ коихъ первая произносится, какъ нѣмецкое j, а остальные, какъ слѣдующія сочетанія русскихъ: ñ = нг; з' = дз; g' = дж.

Подробнѣе о произношеніи южныхъ Остяковъ см. у Кастрена («Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre стр. 4—7.

незатронутыми. Кастрень и некоторые другие намекают на существование у этих народов героической поэзии, но почти не приводят никаких образцов. Венгерцъ Регули записал их множество на вогульскомъ языкѣ и на сѣверо-остяцкомъ нарѣчій, но преждевременная смерть его и отсутствіе ключа къ его записямъ сдѣлали его обширный матеріалъ на продолжительное время мертвымъ.

Извѣстный финнологъ, теперь покойный, профессоръ Гельсингфорскаго университета Альквистъ совершилъ три путешествія въ Сѣв.-Зап. Сибирь, составилъ небольшую, первую, хрестоматію для остяцкаго языка; въ ней онъ помѣстилъ переводъ Евангелія Св. Матѳея и заповѣдей, нѣсколько бѣдныхъ по содержанію сказокъ и пѣсенъ новѣйшаго времени, но ничего не говоритъ объ остяцкихъ богатырскихъ пѣсняхъ, а онѣ во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ неизмѣримо выше остальныхъ видовъ остяцкой народной поэзии. Тоже самое можно замѣтить и про другую книгу его, гдѣ онъ говоритъ о поэзии Остяковъ и Вогуловъ. По всему вѣроятію, этотъ типъ угорской поэзии былъ ему мало знакомъ ¹⁾.

Въ 1888—89 году Западную Сибирь посѣтили двое мадьярскихъ ученыхъ: М. Панаи и Б. Мункачи, которые занимались: первый — этнографіей Зап.-Сибирскихъ народовъ, второй—Вогульскимъ языкомъ. Мункачи собрали богатый матеріалъ образцовъ народной словесности Вогуловъ, между прочимъ и большое количество былинь.

Объ остяцкихъ же былинахъ до сихъ поръ нигдѣ ничего не было напечатано. Въ виду этого я позволяю себѣ представить небольшое изслѣдованіе о стародавней остяцкой жизни и ея богатыряхъ, составленное на основаніи собранныхъ и переведенныхъ мною остяцкихъ былинь и сказаній ²⁾. На остяцкомъ языкѣ у меня имѣются 3 былины и 2 сказанія и кромѣ того около 15 краткихъ разсказовъ, записанныхъ по-русски.

Земля Остяковъ или сѣверная часть Тобольской губерніи представляетъ изъ себя низменную равнину, прорѣзанную двумя мощными рѣками: Обью и Иртышемъ и ихъ многочисленными притоками. Правые берега этихъ рѣкъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя террасы болѣе или менѣе возвышенныхъ плоскогорій, которыя тянутся далеко вглубь страны и за исключеніемъ самой сѣверной части края покрыты почти сплошными, но сильно по-

¹⁾ Это явствуется уже изъ слѣдующей фразы его: „An Armuth u. Unvollkommenheit des Gesanges stehen die Ugrer jedoch nicht tiefer, als die anderen ostfinnischen Völker, denn die wenigen Bruchstücke, welche man bei diesen unter dem Namen Volkslieder aufgezeichnet hat, sind ebenso geistesarme u. stümperhafte Versuche, wie die ostjakischen Recitative. Erst an der Dwina u. am Ladoga schuf der finnisch—ugrische Volksgeist im karelischen Runengesange eine dem Inhalt u. der Form nach schöne Volksdichtung, die sich an Innigkeit des Gefühles, am Reichthum der Fantasie u. an sprachlicher Formvollendung mit jeder anderen Volkspoesie messen darf.“ („Unter Wogulen u. Ostjaken“ S. 173).

²⁾ Будутъ изданы особо.

страдавшими отъ огня лѣсами. Лѣвый берегъ, почти всюду низменный, состоитъ изъ испещренныхъ ключами, рѣчками и озерами сѣверныхъ заливныхъ луговъ, называемыхъ здѣсь «сорами», а также изъ гривокъ, покрытыхъ лиственными деревьями, и плоскихъ песчаныхъ холмовъ, носящихъ на себѣ сосновые боры. Но наибольшую часть всей этой страны, какъ въ ея болѣе возвышенныхъ частяхъ, такъ и въ болѣе низменныхъ, занимаютъ обширныя болота: моховыя, торфяныя, осоковыя, покрытыя на значительной части своего протяженія корявыми березками и сосенками. Таковъ лѣтній видъ этой глухой страны сѣвера. Зимой 2-хъ аршинный снѣгъ устилаетъ сплошной пеленой все неровности почвы, густымъ слоемъ покрываетъ деревья и кусты и дѣлаетъ еще болѣе однообразной грустную картину природы Сѣв.-Зап. Сибири.

Иной видъ принимаетъ опять этотъ край весной, когда разлившіяся рѣки затопляютъ низменныя площади лѣваго и отчасти праваго берега на десятки и сотни верстъ во все стороны. При небольшомъ даже вѣтрѣ эта громада водъ уже бушуетъ, какъ море, и горе путнику, котораго непогода застигла на пути. Единственное его спасеніе, если онъ найдетъ убѣжище гдѣ нибудь на холмѣ, выступающемъ изъ воды на подобіе острова, или прямо причалить къ вершинѣ торчащаго надъ поверхностью воды ивоваго дерева и уцѣпится за него. И въ подобномъ положеніи приходится иногда провести день, два и болѣе, пока буря не затихнетъ.

Такова страна Остяковъ, но для нихъ этотъ бѣдный и угрюмый край сѣвера кажется страной обѣтованной и ни одинъ изъ нихъ не покидаетъ своей родины добровольно. Да, впрочемъ, имъ въ этомъ не представляется и надобности. Населеніе ихъ въ 20.000 душъ обоего пола, или около того, живетъ на огромныхъ пространствахъ, которыя при всей бѣдности сѣверной природы могутъ прокормить значительно болѣе густое населеніе.

Остяки, какъ и Вогулы, являются единственными представителями въ Сибири обширнаго финскаго племени. Вмѣстѣ съ Мадырами они составляютъ угорскую его вѣтвь.

Источниками пропитанія служатъ Остякамъ главнымъ образомъ рыболовство и звѣроловство. Самые южныя Остяки, живущіе по Иртышу, занимаются кромѣ того въ весьма небольшихъ размѣрахъ земледѣліемъ, а жители крайняго сѣвера—оленоводствомъ.

Съ 1715 г. Остяки исповѣдуютъ православную вѣру, но, мало знакомые съ началами христіанскаго ученія, исполняютъ лишь нѣкоторые обряды ея. Напротивъ, почти всюду они еще сильно придерживаются своихъ прежнихъ языческихъ вѣрованій, а на сѣверѣ Березовскаго округа извѣстная часть бродячихъ Остяковъ и понынѣ пребываетъ въ язычествѣ.

Остяцкая культура, если такъ можно выразиться, съ каждымъ годомъ все больше падаетъ. Въ болѣе южной части этой области они уже давно ведутъ образъ жизни мало отличный отъ образа жизни сосѣднихъ Русскихъ, но за послѣдніе годы стали пропадать и послѣдніе немногіе остатки ихъ прежней культуры.—Типичный женскій костюмъ, еще весьма недавно бывшій всюду въ употребленіи, замѣнился русскимъ платьемъ и платкомъ, «лебедь» и «домбра» вытѣсняются «бандуркой» и балалайкой, остяцкія пѣсни и пляски—русскими. вмѣстѣ съ этимъ и родной языкъ все болѣе и болѣе забывается и вытѣсняется русскимъ. Благодаря этому всеобщему обрусѣнію, падаетъ и остяцкая народная поэзія и принимаетъ иной характеръ: пѣсни, которые теперь поются на Оби, составлены въ духѣ русскихъ рыбаковъ и воспѣваютъ подвиги рыбопромышленниковъ или любовныя похожденія Остяковъ и Остячекъ. Языкъ ихъ весьма неизященъ и испещренъ русскими словами и выраженіями, а нѣкоторыя изъ нихъ по своему содержанію скорѣе напоминаютъ наборъ словъ, чѣмъ пѣсню. Сказки тоже потерпѣли сильное вліяніе отъ русскихъ и, хотя и выиграли при этомъ, но за то утратили часть своей самобытности. Одни только былины и героическія сказанія остались безъ перемѣны, но въ слѣдствіе этого они и пропадаютъ.

Изъ 72 остяцкихъ юртъ Тобольскаго округа они сохранились лишь въ 3—4-хъ, но и здѣсь постепенно забываются въ слѣдствіе того, что русѣющее молодое поколѣніе мало старается перенимать ихъ у своихъ отцевъ.

Лучшіе знатоки ихъ проживаютъ въ настоящее время въ Шумиловскихъ и въ Красноярскихъ юртахъ Меньше-Кондинской волости; въ послѣднемъ селеніи однако сохранились только героическія сказанія; далѣе—по Демьянкѣ въ Лумкоевскихъ и Цингинскихъ юртахъ. Говорятъ, что по р. Салыму, въ предѣлахъ Сургутскаго округа, и въ бассейнѣ Васъ-югана въ Томской губерніи есть знатоки былинъ, что весьма возможно по захолустью края.

Героическія сказанія болѣе новыхъ временъ сохранились въ весьма многихъ мѣстахъ, но по своимъ мыслямъ, по своему стилю и по чистотѣ языка они значительно уступаютъ былинамъ и старымъ героическимъ сказаніямъ.

При какихъ-же обстоятельствахъ поются былины? Если обыкновенныя пѣсни съ эпизодами и картинами ежедневной жизни поются при всякомъ удобномъ случаѣ, то былины, по своему серьезному и болѣе возвышенному содержанію, а также и въ слѣдствіе своихъ значительныхъ размѣровъ требуютъ особаго вдохновенія и напряженія со стороны пѣвца. И дѣйствительно, поются онѣ весьма рѣдко, всего нѣсколько разъ въ годъ. Такими днями бываютъ большіе остяцкіе праздники: Николинъ день, Крещенье и Петровъ день, когда они уплачиваютъ ясакъ и деньги за гонобу и по этому случаю проводятъ цѣлые дни въ кутежѣ. Въ эти праздники у нихъ обычай ѣздить другъ къ

другу въ гости и не по одиночкѣ, а цѣлымъ селеніемъ, и принимать столь-же многочисленныхъ гостей. Водка, хотя ея привозъ офиціально и запрещенъ, льется при этомъ рѣкой, особенно въ хорошіе года. Среди общаго веселья Остязи всегда любятъ вспомнить старину, и звонкій «лебедь» звенитъ день и ночь. Всякій, умѣющій пѣть или играть, показываетъ теперь свое искусство, причемъ наибольшее вниманіе сосредоточиваютъ на себѣ пѣвцы былины. Выпивъ изрядное количество водки и вдохновившись, какъ слѣдуетъ, они начинаютъ жалобнымъ голосомъ воспѣвать подвиги своихъ отцевъ.

Любятъ эти пѣсни также и иные богатые русскіе рыбопромышленники, хорошо знакомые съ остяцкимъ языкомъ. Они тоже иногда призываютъ въ юрты «погулять» и случалось, что въ припадкѣ великодушія за пропѣтыя Остякомъ 2—3 былины они прощали ему его долгъ.

Изрѣдка, при отсутствіи водки, пѣвецъ для большаго воодушевленія съѣдаетъ передъ началомъ пѣнія нѣсколько мухоморовъ 7—14—21¹⁾, т. е. число кратное семи: отъ нихъ онъ просто приходитъ въ изступленіе и походитъ на бѣсноватаго. Тогда всю ночь на пролетъ дикимъ голосомъ распѣваетъ онъ былины, даже и давно, казалось, забытыя, а утромъ въ изнеможеніи падаетъ на лавку. Мало тронутые его безпомощнымъ состояніемъ, слушатели бывають довольны, что услышали пѣсни своихъ отцевъ, пропѣтыя съ такимъ чувствомъ.

Происхожденія былины довольно древняго и относятся, по всей вѣроятности, къ тому періоду времени, когда сѣверная часть Тобольской губерніи еще не испытала на себѣ нашествія Татаръ, которые, какъ извѣстно, здѣсь появились раньше Русскихъ; однимъ словомъ, по нашему мнѣнію, описываемыя въ нихъ событія относятся къ періоду времени между XIV и XVI столѣтіями, а частью, можетъ быть, и къ XIII-му.

Въ самомъ дѣлѣ, въ былинахъ нигдѣ не упоминается о Татарахъ или Русскихъ, хотя десятки и сотни стиховъ повѣствуютъ—о войнахъ Остязковъ съ Самоѣдами и Остязковъ между собою. Всѣ эти походы Остязковъ другъ на друга, на Самоѣдовъ и обратно имѣли исключительно характеръ хищническихъ набѣговъ, а не завоеваній, почему и трудно предположить, чтобы остяцкіе пѣвцы ничего не упомянули о врагахъ, болѣе сильныхъ, которые не только разоряли страну, но и покорили ее.

У меня есть одно сказаніе про походъ на сѣверъ двухъ остяцкихъ князей изъ городка Т'а паръ-во шъ, слѣды котораго и нынѣ сохранились на красивомъ холму около Цингалинскихъ юртъ (Нарымск. вол.). Этотъ городокъ былъ потомъ занятъ Татарами. Имъ, вѣроятно, онъ и обязанъ своей значи-

¹⁾ По словамъ Кондинскихъ Остязковъ, болѣе 21 мухомора не можетъ съѣсть самый привычный Остязъ.

тельной недоступностью. Около этого городка и теперь видна небольшая ямка, почитаемая Татарами за святыню. Они полагаютъ, что здѣсь покоится прахъ святой дѣвицы Хатица-бибѣ, дочери ахуна Аллогула, пришедшаго сюда вмѣстѣ съ другими святыми людьми изъ Бухары для распространенія вѣры Пророка. Мѣсто это называется у Татаръ, какъ и другія подобныя священныя мѣста, именемъ «âstânâ» ¹⁾. Несмотря на такіе явственныя слѣды пребыванія здѣсь Татаръ и на значительныя размѣры остяцкихъ сказаній и на ихъ подробности относительно жизни Остяковъ и Самоѣдовъ, мы не находимъ никакихъ упоминаній о новомъ и чужомъ, пришломъ съ юга, народѣ, покорившемъ Остяковъ и Самоѣдовъ.

Если мы обратимся къ исторіи, то узнаемъ, что первымъ татарскимъ завоевателемъ остяцкой страны былъ Ногайскій (?) князь Онъ или Онсомъ, основавшій Сибирское княжество на развалинахъ Кипчакскаго царства, распавшагося въ половинѣ XIV столѣтія ²⁾. Онъ, по преданію, господствовалъ не только надъ Татарами, но и надъ Остяками и Вогулами. Дѣло его продолжалъ сынъ (?) его Тайбуга, который во время правленія князя Чингиза, въ качествѣ его военначальника, покорилъ Обскихъ Остяковъ. Такимъ образомъ завоеваніе Татарами долины Иртыша, о которой идетъ рѣчь, могло совершиться въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка.

По Карамзину, занятіе южной части Тобольскаго округа Татарами совершилось позже, именно въ XVI ст. Это онъ доказываетъ тѣмъ фактомъ, что Московскія войска, воюя въ 1483 г. на берегахъ Иртыша, еще не застали Татаръ въ этихъ мѣстахъ. Крѣпость Сибирь существовала уже тогда, и въ ней властвовалъ князекъ Лятикъ, безъ сомнѣнія, остяцкій. Возможно, однако, что вторженіе Тюрковъ въ страну Остяковъ произошло еще въ концѣ XV ст. Что-же касается до распространенія на сѣверѣ магометанства, то оно относится къ болѣе позднему періоду, къ концу XVI и даже къ началу XVII столѣтія, когда страна была уже покорена Русскими.

Намъ извѣстно, что власть Татаръ на сѣверѣ держалась недолго и при прибытіи Русскихъ вліяніе Татаръ едва-ли простиралось далѣе къ сѣверу за р. Демьянку; но все-же вѣроятно, первое время послѣ завоеванія страны Татарами Остяки, хотя-бы болѣе южныя—Иртышскіе, платили имъ дань. Между тѣмъ, объ этомъ нѣтъ и намековъ въ былинахъ, да и вышеописанное предпріятіе двухъ остяцкихъ князей изъ города Т'а п а р- в о ш ѣ на сѣверъ врядъ-ли могло-бы имѣть мѣсто, если-бы Иртышскіе Остяки находились тогда подъ властью

¹⁾ Вѣроятно отъ персидск. слова âstân, âstânâ—seuil, mausolée d'un santou (dict. persan-franç. A. Bergé).

²⁾ A. Castren. «Ethn. Vorles» S. 105. По Миллеру, Онсомъ былъ современникомъ Чингисхана († 1224) «Ист. Сиб.» стр. 33.

Татарь. Въ другой былинѣ князя изъ Карыпоспат-урдат-вошъ¹⁾ принимаютъ далекій походъ въ полуденныя страны (Морда-мыг) и возвращаются назадъ съ добычей. Изъ этого тоже можно заключить, что Остяки въ то время были еще независимы и что въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ къ югу еще не жили племена сильныя, въ родѣ Татарь. Такимъ образомъ можно принять, что былины и сказанія сложились ранѣе нашествія Татарь. Если Карамзинъ вѣрно опредѣлилъ время этого событія, то былины остяцкія имѣютъ не меншую, чѣмъ 300-лѣтнюю давность.

Возможно, что зап. сибирскія былины складывались въ теченіе столѣтій. Иныя изъ нихъ воспѣваютъ подвиги 3-хъ и болѣе поколѣній князей. Описываемыя въ нихъ событія иногда охватываютъ періодъ времени болѣе чѣмъ въ 100 лѣтъ, какъ напр. въ былинѣ о Сонгхушѣ.

Къ тѣмъ же выводамъ относительно древности былинъ Остяковъ можно прийти на основаніи исторіи завоеванія Сибири Русскими.

Непосредственныя сношенія Русскихъ съ Югрою возникли уже въ XI в., когда Новгородцы утвердились на берегахъ Бѣлаго моря. Съ этихъ поръ начались и ихъ походы въ страну Югры. Изъ походовъ московскихъ войскъ въ Сѣверо-Западную Сибирь до Ермака намъ извѣстны бывшіе въ 1483 и 1499 годахъ. Что касается до зависимости Югры отъ Новгорода и Москвы, то она продолжалась лишь короткое время, послѣ каждаго похода, а затѣмъ была только номинальная.

Въ виду того, что эти походы длились лишь короткое время и затѣмъ Остяки въ продолженіи долгаго времени ничего не слыхали о Русскихъ, они могли и не отразиться въ ихъ героическомъ эпосѣ, тѣмъ болѣе, что въ долину Иртыша, откуда происходятъ почти всея былинны, Русскіе, насколько извѣстно, проникли лишь однажды (въ 1483 г.)¹⁾.

Начало прочнаго русскаго владычества надъ Остяками можно отнести къ 1581 году, главнымъ образомъ къ походу Богдана Брязги, который покорилъ всю долину Иртыша и часть Оби до Бѣлогорскихъ юртъ, а въ 1586 г. около устья Иртыша былъ воздвигнутъ Мансуровымъ первый русскій острогъ въ остяцкой землѣ. Семь лѣтъ спустя (въ 1593 г.) были основаны Целинъ, Березовъ и Сургутъ. Прекратилось ли процвѣтаніе героическаго эпоса задолго до пришествія Русскихъ, мы не знаемъ, но только несомнѣнно, что съ этихъ поръ остяцкая страна уже не производила ни богатырей, ни былинъ, которые такимъ образомъ во всякомъ случаѣ имѣютъ давность по крайней мѣрѣ въ 300 лѣтъ.

Подтвержденіемъ этого могутъ служить и всея наши былины и прежнія героическія сказанія. Напр. вышеупомянутое сказаніе о походѣ остяцкихъ князей

¹⁾ См. ст. г. Оксенова «Политическія отношенія Моск. гос. къ Югорской землѣ (1455—1499)» въ «Ж. М. Нар. Пр.» 1891, февр. стр. 245—272. Ред.

на сѣверъ уже потому не могло относиться къ болѣе позднему періоду, что, во-первыхъ, они въ немъ дѣйствуютъ какъ совершенно самостоятельные властители и, во-вторыхъ, безпрепятственно проѣзжаютъ весь путь между Цингалинскими юртами и самоѣдской страной (къ сѣверу отъ острова Конавыта); гдѣ уже въ концѣ XVI ст. были воздвигнуты русскіе остроги.

Другая былина передаетъ о походѣ князей изъ города Емдер-вошъ (ок. Эмдерской протоки) на городъ Кары-поспат-вошъ, расположенный въ нижнемъ теченіи Конды. Чтобы попасть изъ названной протоки въ Конду, они тоже должны были проѣхать мимо того мѣста у устья Иртыша, гдѣ былъ русскій острогъ, котораго тогда слѣдовательно еще не было. Наконецъ въ былинѣ о богатырѣ Сонгхунѣ говорится, что онъ посѣтилъ во время своихъ походовъ всѣ 7 концовъ земли, что тоже говорить въ пользу полной независимости остяцкихъ князей отъ кого бы то ни было.

Къ сожалѣнію самыя южныя Остяки, которые первые пришли въ столкновеніе съ Татарами и Русскими и могли бы въ своей поэзіи сохранить много любопытныхъ данныхъ изъ этого времени, частью исчезли, частью подверглись сильному влиянію побѣдителей, лишь кое-гдѣ сохранивъ свой языкъ, но окончательно забывъ старыя дѣдовскія преданія.

Правда, въ былинахъ встрѣчаются изрѣдка слова татарскаго и даже русскаго происхожденія, нынѣ входяція въ составъ остяцкаго языка, но они могли быть вставлены въ нихъ позднѣйшими рассказчиками.

Древнее происхожденіе былинъ доказывается и ихъ старымъ языкомъ, — цѣлыя обороты теперь совершенно непонятны Остякамъ и передаются на память, — и значительной чистотой самаго языка сравнительно съ настоящимъ разговорнымъ. Конечно не всѣ части этихъ поэтическихъ произведеній одинакой древности...

Изъ періода татарскаго и отчасти русскаго владычества до насъ тоже дошли сказанія и рассказы, но, будучи сравнительно новѣйшаго происхожденія, они носятъ уже другой характеръ. Они всѣ безъ исключенія передаются прозою и притомъ новымъ языкомъ съ нѣкоторыми заимствованіями изъ старыхъ былинъ.

Разница между прежними былинами и прежними героическими сказаніями, заключается въ томъ, что первыя изложены стихами, вторыя — прозою, но языкъ тутъ и тамъ старый, цвѣтистый и образный. По мнѣнію самихъ Остяковъ, часть этихъ старыхъ богатырскихъ сказаній прежде тоже была облечена въ форму былинъ, но съ теченіемъ времени и по мѣрѣ обрусѣнія Остяковъ, складъ стиховъ былъ забытъ, хотя удержались всѣ ихъ особенности, эпитеты, фигуры и обороты рѣчи. Это предположеніе имѣетъ за собою не мало основаній.

Словомъ, «былина» мы передаемъ остяцкое выраженіе т̄арны ѥ-ара (вог. терн̄ий-ері), которое состоитъ изъ словъ т̄арны ѥ и ара. Последнее

значить, «пѣснь», первое же требуетъ болѣе подробнаго объясненія. Подъ словомъ «тѣри», (тѣран, тѣрин),—оно непонятно нынѣшнимъ инородцамъ,—прежніе Остяки безъ сомнѣнія подразумѣвали злое божество¹⁾, сѣющее всюду распри, наводящее войны, болѣзни и опустошающее страну. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ былинъ, можно еще прибавить, что божество это было женскаго пола. Въ какомъ видѣ его представляли, неизвѣстно. Можетъ быть на это прольетъ нѣкоторый свѣтъ его эпитеты: ей-вет' не кѣт-тѣран, что значитъ: «двойственная Тарнъ съ однимъ ликомъ». Отличалась ли эта богиня красотой, мы тоже не знаемъ, ибо весьма рѣдко кому удавалось ее лицезрѣть. Про человека, прошедшаго, какъ говорится, огонь и воду, прежде говорили, что онъ видѣлъ лице Тарнъ²⁾. Олицетворяли ее въ видѣ самой разрушительной стихіи—огня. Такъ, на цвѣтистомъ языкѣ былинъ и сказокъ слово «огонь» обыкновенно замѣняется цѣлымъ выраженіемъ: ѣр н' ѣтмане Тѣран тут³⁾, что вѣроятно означаетъ «многоязычный ротъ (дѣвы) Тарнъ». Къ этому выраженію иногда присоединяютъ еще слова: най анка⁴⁾—«дѣва, женщина», употребляемая здѣсь тавтологически, но дающія намъ указанія на полъ божества.

Въ послѣдствіи слово Тѣри, равно какъ и его производное кѣт-тѣран, получили еще переносное значеніе «распри» и «войны». Тѣринъ есть прилагательное отъ Тѣри, и можетъ въ данномъ случаѣ значить «военный». И такъ все выраженіе тѣринъ ѣ-ѣра можетъ быть передано по русски: «военная пѣснь». Такъ мы переводили его и Остяки; не зная точнаго смысла слова Тѣри, они по естественному чутью догадывались, что оно приблизительно означало.

Былины поются подъ аккомпаниментъ мѣстныхъ музыкальных инструментовъ «лебедя» или «журавля» (тѣроп-јух) и «домбры» или «тарнобая» (нѣрес-јух; у вог. шайул'теп), изъ коихъ въ предѣлахъ Тобольскаго округа болѣе древнимъ можно считать домбру. Сохранившіяся на Кондѣ мелодіи былинъ имѣютъ не болѣе пяти тоновъ, что соответствуетъ 5 струнамъ этого инструмента. Сами Кондинскіе Остяки утверждаютъ, что у нихъ въ прежнее время не было «лебедей» и что они получили ихъ отъ жителей береговъ Оби. «Лебеди» и теперь еще называются на Кондѣ «Обской музыкой».

¹⁾ Первый высказалъ печатно это предположеніе въ предисловіи къ своей грамматикѣ сѣверо-остяцкаго нарѣчія венгерскій ученый, проф. Гунфальви. Французскій переводъ этого предисловія помѣщенъ въ «Revue d'Ethnographie et de Philologie». 1878.

²⁾ Тѣран вет', хут' вет' уjem—«видѣвшій лицо Тарнъ и лицо рыбы (?)». Первое—символъ огня, второе вѣроятно—воды.

³⁾ Тут (тѣт) означаетъ «ротъ» и «огонь».

⁴⁾ Мы на томъ основаніи перевели здѣсь слово най черезъ «дѣва», а не «огонь» что оно тоже значитъ,—выраженіе най анка» встрѣчается часто въ былинахъ и означаетъ лицо женскаго пола, напр. Нѣнк-хуш-хой ѣй най, ѣй анка—«мужа Нангъ-хуша младшая дочь, дѣвица». Анка нынѣ означаетъ почти исключительно «мать».

Домбра состоитъ изъ продольнаго ящика съ крышкой, сдѣланнаго изъ тонкаго еловаго дерева. Форма ея, какъ и толщина струнъ, значительно мѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ общемъ домбра сходна съ финскими «кантелё», на которыхъ прежніе Финны распѣвали свои величественныя руны. Зачатками ихъ, по вѣрному замѣчанію Кастрена, и являются остяцкіе тѣрны-а-р-ы. Струны дѣлаются изъ сухожилій оленя и покрываются рыбьимъ клеемъ. Онѣ настраиваются при игрѣ, какъ начало мажорной или минорной гаммы, причемъ на Кондѣ былины чаще поются въ мажорномъ тонѣ.

«Лебедь» состоитъ изъ подобнаго же ящика, имѣющаго отдаленное сходство съ тѣломъ большой птицы, но съ одного изъ его концовъ перпендикулярно или подъ тупымъ угломъ къ нему прикрѣпленъ длинный кусокъ дерева, оканчивающійся грубымъ подобіемъ птичьей головы. Эта часть представляетъ изъ себя якобы шею и голову лебедя или журавля. Между шеей и верхней крышкой ящика натянута 9 мѣдныхъ струнъ. Настраиваются онѣ подобнымъ же образомъ, какъ и у домбры, но только, благодаря своему значительному числу, онѣ даютъ цѣлую гамму и часть другой, являясь, такимъ образомъ, инструментомъ болѣе усовершенствованнымъ.

Остяцкія былины не имѣютъ рифмы, хотя и не лишены нѣкотораго подобія со стихами; такъ, каждая фраза ихъ заканчивается обыкновенно словомъ, имѣющимъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ, чѣмъ уподобляется европейскому стиху съ дактилехореемъ на концѣ. Кромѣ того, въ нихъ избѣгается стеченіе нѣсколькихъ односложныхъ словъ съ удареніемъ. Оно достигается такимъ образомъ: въ односложнымъ словамъ присоединяются лишнія частицы или самое слово растягивается при помощи вставки гласныхъ ¹⁾. Величина отдѣльныхъ стиховъ весьма разнообразна: короткіе, средніе и длинные слѣдуютъ другъ за другомъ въ перемежку, а въ связи съ этимъ и размѣръ музыкальной фразы постоянно мѣняется.

Красоту стиля остяцкій пѣвецъ стремится увеличить тѣмъ, что подбираетъ рядомъ однозвучныя и близкія по смыслу слова, выраженія и цѣлыя фразы ²⁾. Этотъ же пріемъ употребляется и въ сказкахъ и героическихъ

¹⁾ Напр. вм. тіт'-вах, кам-вах. говорятъ: тіт'ет'-вах, камет-вах; вм. таѣа пѣн сыміи нујат јокѣјем—таѣем пѣну сыміи нујат јокѣјем (см. ниже) и т. д.

²⁾ Это будетъ ясно изъ нижеслѣдующаго отрывка былины о богатырѣ Сонгхушѣ:

«Сой-хушѣ јн ѡвѣт муйна ѡмдѣй.

«Томай воч отыѣна тѣрым кур мечеда хоје вѣрмѣт?

«Сой-хуш-хой, тѣрым ѣрт, јігем вѣрмѣт.

«Тѣбет мыг суйеда сѣвеѣ ѣва јім-тіндып тѣнта јѣнхѣт.

«Тув јѣнхем ѡр тагет, Тѣрым тѣдем јемѣй мыг

«Мыгет ѣте, јінекет ѣте чокен хей'ѣт...

.....

сказаніяхъ. Онъ не составляетъ впрочемъ особенности творчества однихъ азіатскихъ Финновъ, но, судя по образцамъ тюркской поэзіи, собраннымъ академикомъ Радловымъ, свойственъ и этой послѣдней, а также русскимъ сказкамъ и былинамъ.

Эти постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ съ разными прилагательными, или разныхъ словъ и выраженій съ однимъ значеніемъ затрудняютъ до извѣстной степени переводъ произведеній остяцкой народной поэзіи и дѣлаютъ его довольно тяжелымъ. Другой причиной трудности перевода былины на европейскіе языки есть отсутствіе собственныхъ именъ у людей и урочищъ, которыя замѣняются разными прозвищами иногда въ 4—6, до 10 словъ, причемъ смыслъ ихъ часто могъ быть понятъ только для лицъ, знавшихъ причину, почему то или другое лицо или урочище получило данное прозвище ¹⁾. Примѣры мы встрѣтимъ ниже.

Въ остяцкихъ былинахъ и героическихъ сказаніяхъ встрѣчаются въ изобиліи разные эпитеты, фигуры и тропы, свойственные поэзіи и другихъ народовъ. Кромѣ случайныхъ эпитетовъ, имѣются и постоянныя, напр. земля—мыг постоянно употребляется съ эпитетами «сѣгой, пѣный»—«кожистая, шерстистая», такъ какъ поверхность ея, поросшая лѣсомъ, уподобляется кожѣ, покрытой шерстью. Постоянными эпитетами слова сегер—«цѣнь» являются карт, вѣх—«жѣззо». Карт сегер, вѣх сегер значитъ—«жѣзная цѣнь». Слово каттыѣ—«пристань» сопровождается всегда прилагательнымъ нырыѣ—«жердяной (ая)» (нырыѣ каттыѣ) и т. д. Что же касается до фигуры сравненія, то, по чистотѣ, и изяществу ея остяцкая поэзія далеко уступаетъ творчеству многихъ восточныхъ народовъ, напр., Персовъ.

«Тѣбет мыг суѣдѣва тѣбет най, тѣбет анка веждѣт.

«Тѣбет най, тѣбет анківа сѣметта нѣѣ

«Юхтет каттем юхтыѣ-кетне хоѣт ѣрт, ногот-на ту ент тѣвѣт,

«Лѣнтет каттем туѣ тей вѣрман най, анка-на ту ент тѣвѣт!»

«Въ большомъ городѣ Сонгхушѣ мы проживали.

«На краю того города какой крѣпконогій въ колѣняхъ (мужъ) выросъ?

«Князь Сонгхушѣ, сильный богатырь, мой отецъ, здѣсь выросъ.

«На 7 концовъ земли сватать косатыхъ дѣвицъ за хорошій выкупъ онъ ходилъ.

«Послѣ его походовъ во многія страны, на священной, опущенной Богомъ, землѣ

«Едва осталась площадь суши и воды (имъ неизвѣданная).

.....

«Съ семи концовъ земли онъ взялъ въ жены семь дѣвицъ.

«И отъ семи дѣвицъ, семи женъ ни отъ одной

«У него не родилось ни сына, мужа-богатыря, держащаго лукъ въ рукѣ, привыч-

ной къ луку,

«Ни дочери-дѣвицы, держащей иглу и работающей концами пальцевъ».

¹⁾ Напр., старый князь гор. Карыпосната прозывался: Хѣдем сѣт ѣт тѣтѣдем лулей-мѣх тохтей-мѣх кыней ѣрт-ѣга т. е. «300 лѣтъ гнившій дѣтеннышъ малой гатары, дѣтеннышъ большой гатары гнилой богатырь-старикъ».

Форма былинъ постоянно мѣняется съ теченіемъ времени, хотя сюжетъ ея и неизмѣненъ. Происходить это отъ того, что ихъ не заучиваютъ наизусть, какъ стихи, а запоминаютъ лишь ихъ содержаніе, главные обороты и выраженія, остальное же все варьируется и дополняется фантазіей пѣвца. Въ виду этого, иногда одну и ту же былинку въ разныхъ мѣстахъ поютъ иначе, причемъ большее изящество той или другой версін ея зависитъ единственно отъ способности пѣвца и умѣнья его излагать красиво свои мысли. Въ виду значительныхъ размѣровъ былинъ, въ которыхъ числится до 300 и, можетъ быть, болѣе стиховъ, весьма часто послѣдняя часть ихъ, иногда половина, излагается прозою, но и то пропѣть и передать большую былинку требуетъ такого напряженія голоса, что рассказчикъ, оканчивая ее, является часто охрипшимъ.

Содержаніемъ былинъ и героическихъ сказаній служатъ почти исключительно военные походы остяцкихъ князей или богатырей другъ противъ друга и противъ Самоѣдовъ ради добычи невольцевъ, или война съ напавшими на нихъ, ради той же цѣли, сосѣдями.

Изъ имѣющихся у меня былинъ и героическихъ сказаній, одной былинкой я почти не пользовался, такъ какъ и по содержанію и по тѣмъ понятіямъ, которыя въ ней встрѣчаются, она имѣетъ мало общаго съ сѣверно-угорскимъ героическимъ эпосомъ. Возможно, что сюжетъ ея заимствованъ отъ сосѣднихъ Тюрковъ или отъ болѣе южныхъ и теперь исчезнувшихъ Остяковъ, жившихъ въ условіяхъ болѣе близкихъ къ условіямъ смежныхъ кочевниковъ.

Въ этой былинѣ мы, наприм., встрѣчаемъ облака черной пыли, поднимающіяся къ верху при движеніи богатырей, что, правда, было бы характерно для южныхъ черноземныхъ степей Ишимскаго и другихъ округовъ Тобольской губерніи, но ни въ какомъ случаѣ не для лѣснстаго и болотистаго Тобольскаго округа и, въ частности, для области р. Демьянки, гдѣ записана эта былина. Въ настоящей странѣ Остяковъ не только нѣтъ чернозема, но и почти не существуетъ другаго сообщенія кромѣ воднаго. Далѣе, въ ней часто являются крылатые кони, хотя вѣрнѣе предположить, что и простые кони не водились въ данной странѣ въ прежнее время; напротивъ, олень, главное домашнее животное бывшихъ Остяковъ, въ ней совершенно не упоминается. Богатыри здѣсь умѣютъ укрощать дикихъ крылатыхъ коней, которые ихъ уносятъ подъ облака. Побѣжденнаго врага они зашиваютъ въ 7 конскихъ шкуръ и привязываютъ къ хвосту коня и т. д., однимъ словомъ, все эпизоды скорѣе изъ жизни кочевниковъ, чѣмъ оленеводовъ и охотниковъ. Наконецъ, въ ней встрѣчается масса понятій, чуждыхъ прежнимъ Остякамъ и только въ послѣдствіи заимствованныхъ ими отъ Русскихъ, Зырянъ и Татаръ; напр., коромысло

(кујанда; по татарски: кујанта), столъ (песан; по зырянски пўзан), аршинъ, бутылка, стаканъ, водка (віна) и т. д. Однимъ словомъ, эта былина совершенно не гармонируетъ съ тѣми представленіями, которыя можно было себѣ составить на основаніи разныхъ другихъ данныхъ относительно жизни прежнихъ Остяковъ.

ГЛАВА II.

Княжества и ихъ центры — городки.

Дробленіе остяцкой страны на мелкія княжества.—Городки, какъ ихъ центры.—Ихъ устройство.—Категорія городковъ.—«Мѣдные» городки.—Селенія, какъ мѣстожительства «простыхъ» людей.—Землевладѣніе на родовыхъ началахъ у низшихъ Остяковъ и Воголовъ.—Въ основаніе прежняго княжества легло родовое начало.—Разселеніе родовъ.—Прежнія княжества суть «волости» историковъ.—Южные Остяки не были кочевниками.

Та часть остяцкой страны (мыг, пѣлек), которая служила ареной для событій, воспѣтыхъ въ былинахъ и сказаніяхъ, т. е. Тобольскій и южная часть Березовскаго округа Тобольской губерніи, представляла въ отдаленныя времена рядъ независимыхъ другъ отъ друга мелкихъ политическихъ единицъ. Центромъ каждаго такого небольшого «княжества» (авыт? ¹⁾) служилъ «городокъ» (воч, ваш; у Вог.: уш), а верховнымъ властителемъ его былъ жившій въ немъ «князь» (jór, ур, ѳрт ²); Вог.—âтер, ôтер). Всѣ остальные жители маленькаго княжества были его подданными; называются они въ былинахъ мыгдат—jах, т. е. земляными людьми.

Число княжествъ и городковъ было прежде весьма значительно; это уже показываетъ то обстоятельство, что мнѣ удалось въ бытность мою въ Тобольскомъ округѣ насчитать не менѣе 63 ³⁾ такихъ городковъ, изъ коихъ около ²/₃ безъ сомнѣнія принадлежали Остякамъ, а Абрамовъ приводитъ ихъ въ Березовскомъ округѣ болѣе 40, хотя почти навѣрное значительная часть ихъ еще по-сейчасъ скрыта въ дебряхъ и среди болотъ.

Характеръ этихъ городковъ нѣсколько иной на югѣ округа и далѣе къ сѣверу. На югѣ они принадлежатъ Тюркамъ, болѣе искуснымъ въ сооруженіи укрѣпленій, и отличаются болѣе значительными размѣрами; на сѣверѣ—они меньше и принадлежатъ Остякамъ.

¹⁾ Слово авыт (âут) означаетъ небольшую область, иногда употребляется повидимому какъ синонимъ слова воч «городъ», напр. въ приведенномъ выше отрывкѣ быliny.

²⁾ Назывался онъ также «главой города» воч-ѳх и вочум-вôрт-іга.

³⁾ Обозначены на картѣ, представленной въ Имп. русск. Арх. Коммисію.

Опишем вкратцѣ такой городокъ. Какъ Остяки, такъ и Татары старались выбирать подъ укрѣпленіе мѣсто возвышенное и до извѣстной степени господствующее надъ сосѣдней мѣстностью, а главнымъ образомъ надъ лежащими внизу низменными равнинами и водами рѣкъ и озеръ, которыя, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, служатъ почти единственной дорогой для сообщеній въ здѣшнемъ болотистомъ краѣ. Значительная часть городковъ, лежащихъ около болѣе или менѣе крупныхъ рѣкъ, расположены ради этого на нагорномъ берегу ихъ или яру и занимаютъ преимущественно мыски, которые образуются глубокими оврагами, пересѣкающими кое-гдѣ этотъ берегъ. Особенно удобны для этой цѣли мѣста впаденія въ большую рѣку притоковъ. Здѣсь часто бывають мыски, весьма подходящіе для устройства городка, уже въ виду того, что отсюда открывается широкій кругозоръ и что можно легко наблюдать за людьми, ѣдущими по главной рѣкѣ и по нижней части притока. Если къ тому же такой мысокъ былъ отрѣзанъ оврагомъ отъ остальной части горы, то иногда со стороны низменности или рѣки, надъ которой онъ возвышался, устраивали еще небольшой подъемъ, и укрѣпленіе было готово.

Въ болѣе крупныхъ, вѣроятно татарскихъ, городахъ подъемы представляли изъ себя ребро двуграннаго угла, образующее съ поверхностью земли и воды весьма пологій уголъ (въ 35°). Такіе удобные подъемы значительно облегчали восхождение на высокія террасы, возвышающіяся иногда на 25—30 с. надъ окружающей мѣстностью, и по настоящее время ими пользуется мѣстное крестьянское и инородческое населеніе тамъ, гдѣ по близости имѣются городки. Также и скотъ легко восходитъ по нимъ, чтобы искать корма въ произрастающихъ на возвышенностяхъ лѣсахъ. Городки такого устройства встрѣчаются около Цингалинскихъ юртъ (Нар. вол.), около дер. Чугасной (Денц. вол.), около татарскаго выселка Самтелѣ (Караг. вол.) и т. д.

Въ военное время вышеописанные подъемы большой опасности не представляли, такъ какъ по узкой тропинкѣ могли двигаться одновременно не болѣе двухъ человѣкъ въ рядъ и защитники всегда имѣли возможность сбросить ихъ внизъ. Самыя-же площади двуграннаго угла или боковыя стороны мыска были болѣе отвѣсны и составляли съ поверхностью земли болѣе тупой уголъ, около 50° , и тѣмъ затрудняли восхождение. Эти площади двуграннаго угла, какъ и ребро его, служащее подъемомъ, въ большинствѣ случаевъ были устроены геометрически правильно. Въ виду того, что уголъ, образуемый подъемомъ съ поверхностью земли, меньше угла паденія многихъ сыпучихъ тѣлъ (песка, супеси), самый подъемъ почти всюду хорошо сохранился, боковыя-же площади, которыя, какъ сказано, имѣютъ сравнительно болѣе тупой уголъ, частью извѣдены обвалами, но тѣмъ не менѣе почти всюду позволяютъ видѣть прежнее устройство городка. Тамъ-же, гдѣ мысокъ не былъ укрѣпленъ

подобнымъ образомъ и гдѣ стѣны его остались отвѣсными, какъ были прежде, —этотъ типъ встрѣчается почти только на сѣверѣ—тамъ ежегодные обвалы до того измѣнили фигуру мыска, что сдѣлали городокъ неузнаваемымъ.

Мѣстами встрѣчаются подъемы и болѣе простаго устройства. Основаніемъ имъ служить какой-нибудь небольшой смежный оврагъ, который ради этой цѣли выравнивали и дѣлали слегка покатымъ. Такіе подъемы встрѣчаются у городковъ Чувашъ, Касимъ-Тура и др.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мысокъ укрѣпляли еще искусственно. Со стороны суши его перекапывали рвами и изъ выброшенной земли устраивали валы (урѣм). Чаще всего городокъ имѣлъ одинъ ровъ и одинъ валъ, иногда же два концентрическихъ ряда валовъ. У татарскихъ городковъ мы встрѣчаемъ кое-гдѣ и три ряда ихъ.

Тамъ, гдѣ по близости не было мыска, выбирали просто мѣсто на берегу рѣки или озера, по возможности возвышенное, и окапывали его кругомъ ровомъ и укрѣпляли валомъ или нѣсколькими рядами ихъ. Но въ данномъ случаѣ работы было больше, такъ какъ приходилось дѣлать земляныя работы на большемъ протяженіи. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ берегъ рѣки не возвышался болѣе или менѣе значительно надъ уровнемъ воды, приходилось дѣлать почти круговые окопы, такъ какъ самый берегъ не представлялъ въ данномъ случаѣ достаточной защиты. Таковы, напр., городки, расположенные около Эбытъ-ега, притока р. Конды, Рут'-вош (Русскій городъ), Ям-вош ¹⁾ и др.

Размѣры городковъ, ихъ валовъ и рововъ, значительно больше на югѣ округа, чѣмъ далѣе къ сѣверу. Именно здѣсь встрѣчаются городки съ верхней площадью (внутри валовъ) въ 500—700 кв. с., какъ, напр., Сибирь или Искеръ, Чувашъ (Махметъ-кула), Касимъ-тура и др. ²⁾. На сѣверѣ-же, въ области Остяковъ, городки болѣе миньютюрны и чаще всего имѣютъ 70—140 кв. саж. въ соотвѣтствующей площади, и рѣдко болѣе 180 кв. с.

Валы и рвы тѣхъ и другихъ городковъ находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ размѣрами. У татарскихъ городковъ ширина рововъ на верху $1\frac{1}{2}$ —2 с. и глубина $1\frac{1}{2}$ арш. до $1\frac{1}{2}$ с. до вершины валовъ. У остяцкихъ—ширина отъ 2 арш. до $1\frac{1}{2}$ с., при глубинѣ отъ 1 арш. до 1 саж. Въ разрѣзѣ болѣе сохранившіеся рвы имѣютъ всюду фигуру треугольника, иначе ихъ стороны

¹⁾ Въ 2-хъ верстахъ отъ З. Пуштинскихъ юртъ (М. Кондинск. вол.).

²⁾ Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ южныхъ городковъ остяцкаго происхожденія и что они только потомъ были заняты и увеличены Татарами; напр., о существованіи городка Сибири въ XV ст. сообщаетъ Карамзинъ, названіе другаго городка Чувашъ тоже выдаетъ его остяцкое происхожденіе (вашъ—городъ). Предположеніе же историковъ, что этотъ городокъ обязанъ своимъ именемъ поселенію Чувашъ, не имѣетъ оснований.

образуютъ двугранный уголъ. Валы, обыкновенно, мало выражены и образованы изъ земли вынутой, изъ рвовъ. Они расположены и передъ рвомъ, и съ вѣншей стороны его, но болѣе значительны первые. Ширина ихъ колеблется между 1 с. и 3 с. Последний случай имѣетъ мѣсто, если валъ находится между двумя рвами. Высота валовъ надъ уровнемъ площади городка въ настоящее время обыкновенно не превышаетъ: у Татаръ—1 арш., у Остяковъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш.

На валахъ строили еще въ большинствѣ случаевъ деревянный частоколъ (сѣттай-вош), снабженный воротами (вош-хѣтой). Помѣщался онъ, по всему вѣроятію, внутри земляныхъ укрѣпленій. Около городковъ, какъ и около селеній, были устроены жердяныя пристани (нырый катты) и помостки для причаливанія лодокъ (нарпай-вош).

Нѣкоторые изъ этихъ городковъ воспѣваются въ былинахъ и описываются въ сказаніяхъ и получаютъ, такъ сказать, историческое значеніе. Въ предѣлахъ Тобольскаго округа изъ такихъ городковъ назовемъ Т'анар-вош (Вож-охта), около Цингалинскихъ юртъ, и Карыпоспат-урдат-вош, что значитъ «богатырскій городъ у Стерляжьей протоки», такъ какъ онъ расположенъ около южнаго берега нижней Конды надъ самой Стерляжьей протокой. Въ Березовскомъ округѣ можно назвать Емдер-вош, около Ендерской протоки, и Нанк-хуш-вош и Сои-хуш-вош гдѣ-то на нижней Оби. Отъ немногихъ другихъ городковъ сохранились кое-какія преданія (Хут-вош ¹⁾ и Туй-пох-вош ²⁾ по Иртышу, отъ другихъ только названія (Жам-вош, Рут'-вош, Елій-авыт-вош по Кондѣ, Охâjân-вош ³⁾ по Иртышу и т. д.). Отъ большей-же части не осталось въ памяти народной никакихъ воспоминаній, но они просто называются городками (вош) или городищами (вош-пай).

Если эти городки и оказывали большую услугу защитѣ въ немъ живущихъ, особенно при внезапномъ появленіи враговъ, то нерѣдко при ожиданіи набѣга болѣе сильныхъ непріятелей, жители городка покидали его и искали убѣжище въ укрѣпленіяхъ болѣе надежныхъ. Такими укрѣпленіями были «мѣдные города» (пытыр-вах-вош) былинъ, которые представляли изъ себя небольшія крѣпости, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими палисадами и крытыя сверху мѣдными листами. Когда, въ военное время, ихъ запирали, то въ нихъ оставалось всего два отверстія: одно въ верху для свѣта и другое — съ боку, только достаточное, чтобы войти богатырю въ кольчугѣ. Въ одной изъ имѣющихся у меня былинъ описывается подобный городъ, находившійся

¹⁾ Около прежн. Колпуховскихъ юртъ (Нар. вол.).

²⁾ На Каменномъ мысу около с. Самарова.

³⁾ 5 вер. (по зимн. пути) вверхъ отъ Надзинец. юртъ, противъ дер. Н. Филатовой.

въ бассейтѣ средней Конды, на р. Еврѣ, въ мѣстности, которая теперь составляетъ часть Туринскаго округа. О подобныхъ-же городкахъ упоминается и въ самоѣдскихъ сказаніяхъ, образцы которыхъ приводитъ Кастренъ. Конечно сомнительно, чтобы въ странѣ, гдѣ не добывается мѣди, первобытный народъ, какъ Остяки, былъ въ состояніи выстроить изъ нея крышу надъ цѣлымъ городомъ. Но, какъ мы себѣ не будемъ объяснять устройство столь оригинальныхъ сооружений, весьма вѣроятно, что иные изъ городковъ были сравнительно гораздо лучше укрѣплены искусствомъ или природой, такъ что брать ихъ было не подъ силу даже могучимъ богатырямъ. Что такіе городки дѣйствительно существовали, свидѣлствуетъ исторія. Даже и такой опытный воинъ, какъ Брязга, въ продолженіи 3-хъ дней не могъ взять остяцкаго городка, который находился вблизи нынѣшняго села Демьянскаго (Дем. вол.), и только благодаря случайности ему удалось овладѣть имъ. И, съ другой стороны, остяцкія былинны всюду такъ вѣрно и точно сообщаютъ топографическія свѣдѣнія, что можно не безъ основанія предположить существованіе подобнаго крѣпкаго городка и на р. Еврѣ, гдѣ мы однако не удалось побывать.

Въ каждомъ маленькомъ княжествѣ первоначально имѣлся всего одинъ городокъ; болѣе укрѣпленныхъ мѣстъ не было. Но въ послѣдствіи, черезъ соединеніе подъ одной властью двухъ княжествъ ¹⁾ или при посредствѣ дробленія одного владѣнія на два безъ окончательнаго раздѣленія ихъ на двѣ части произошли княжества съ двумя и болѣе городками.

Если обширные городки Татаръ, хорошо укрѣпленные и снабженные удобными подъемами, и могли служить убѣжищемъ для довольно значительнаго числа людей, то небольшія и слабо защищенныя укрѣпленія Остяковъ могли вмѣстить всего небольшое число жилищъ. Легко себѣ представить, что въ нихъ жили только князь, его родные, слуги и небольшая часть жителей и только при большой опасности въ нихъ укрывался и народъ ²⁾. Главная-же часть населенія, судя по всему, группировалась около городковъ въ видѣ селеній (и ѹ г о т; Бог.—и а у л'), состоявшихъ изъ большаго или меньшаго числа жилищъ и расположенныхъ часто у подножія такихъ террасъ, на которыхъ находились городки. Это видно какъ изъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ и изъ мѣстныхъ преданій. Такъ атаманъ Богданъ Брязга, во время своего похода внизъ по Иртышу, часто встрѣчалъ

¹⁾ Напр. историки сообщаютъ, что къ Туртасской волости принадлежала и Уватская.

²⁾ Слишкомъ односторонне смотритъ на городки историкъ Миллеръ. («Ист. Сиб.» стр. 129). Посѣтивъ городокъ у Самарова (Туй-пох-вош), который отличается своею неприступностью, но весьма малыми размѣрами, онъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что городки служили убѣжищемъ только для женъ и дѣтей во время нашествія враговъ и что народъ въ нихъ не укрывался, но ожидалъ непріятеля въ полѣ или въ своихъ жилищахъ. Этотъ общій выводъ на основаніи одного городка довольно произволенъ и расходится съ данными, сообщаемыми остяцкимъ героическимъ эпосомъ и исторіей.

селенія Остяковъ вблизи городковъ; напр., Цингалинскія юрты, расположенныя въ двухъ верстахъ ниже городка, у самой рѣки. Подобное-же сообщаетъ и народное преданіе о Колпуховскомъ городѣ (Хут-вош) и селеніи. Это-же подтверждается и былинами. Въ нихъ говорится, что при предстоявшихъ народныхъ собраніяхъ глашатай обходилъ каждый домъ и созывалъ хозяевъ, что не могло-бы имѣть мѣста, еслибъ они жили разсѣянно и на большомъ пространствѣ.

Возможно, что небольшая часть жителей обитала вдали по рѣчкамъ и озерамъ. Въ виду своей удаленности отъ центра, они, вѣроятно, принимали менѣе участія, какъ въ общественныхъ дѣлахъ, такъ и во всѣхъ предпріятіяхъ князей.

Весьма вѣроятно, что въ основу дѣленія страны на отдѣльныя независимыя княжества легло родовое начало. Конечно, наличныя данныя не позволяютъ утверждать, что всѣ лица такого княжества были членами одного рода, хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Во всякомъ случаѣ, скорѣе можно предположить, что такой союзъ состоялъ изъ немногихъ родовъ, чѣмъ изъ большого числа ихъ. Это отчасти явствуетъ изъ остатковъ прежнихъ формъ землевладѣнія въ Тобольскомъ округѣ, гдѣ селенія, расположенныя въ глухихъ мѣстахъ и сохранившіяся до извѣстной степени отъ внѣшнихъ вліяній, и теперь состоятъ изъ одного или двухъ родовъ и представляютъ намъ примѣръ владѣнія земли на родовыхъ началахъ. Такая форма землевладѣнія встрѣчается еще понынѣ у Кондинскихъ Вогуловъ. У нихъ каждая дача составляетъ принадлежность особаго рода. Его представители являются единственными законными владѣльцами дачи, независимо отъ того, живутъ-ли они въ одномъ селеніи или въ двухъ, и, наоборотъ, живутъ-ли два рода въ одномъ селеніи. Подобная-же форма землевладѣнія была въ прежнее время и у Остяковъ, но теперь сохранилась лишь въ немногихъ мѣстахъ. Такъ, напр., с. Болчарово, на Кондѣ, собственно состоитъ изъ двухъ селеній, изъ юртъ Болчарскихъ и Магатскихъ, причемъ каждое изъ этихъ селеній состоитъ изъ представителей особыхъ родовъ и владѣтъ разными дачами.

Но и тутъ это родовое устройство мало-по-малу разрушается. На ряду съ вымираніемъ членовъ обоихъ родовъ, въ ихъ среду стали проникать разныя постороннія лица: Русскіе и Остяки, частью по усыновленію, частью по приѣмнымъ приговорамъ. На Иртышѣ уже нигдѣ нѣтъ остяцкихъ селеній съ представителями одного или двухъ родовъ, а, напротивъ, въ слѣдствіе вышеуказанной и другихъ причинъ, ихъ число всюду велико и только кое-гдѣ отдѣльнымъ родамъ удалось удержать свои старыя родовыя земли отъ захвата со стороны своихъ односельцевъ, напр., въ Цингалинскихъ юртахъ. Въ этомъ селеніи кромѣ общей дачи, которою пользуются всѣ на общинныхъ началахъ, отдѣльные роды

имѣютъ еще свои особыя «вотчины», перешедшія къ нимъ частью непосредственно отъ предковъ, частью путемъ купли или завѣщанія отъ лицъ, владѣвшихъ этими землями; изъ нихъ нѣкоторыя принадлежали даже къ смежнымъ юртамъ М. Кондинской волости. Документовъ на эти земли почти ни у кого не имѣется и никогда не было. Въ слѣдствіе бездѣтности значительной части жителей этого вымирающаго селенія, упомянутыя вотчины постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки. Большая часть населенія этихъ юртъ всѣми мѣрами добивается обратить ихъ въ общественныя. Сомнительно, однако, чтобы имъ удалось этого достигнуть, ибо Управление Гос. Им. смотритъ на эти земли, какъ на выморочныя и подлежащія перейти въ казенное вѣдомство. Когда послѣднее совершится, тогда въ этихъ юртахъ и почти всюду по Иртышу прекратится у инородцевъ владѣніе на родовыхъ началахъ.

Родовыя владѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующія:

1) Рѣчка Чагрова съ прилегающими землями (около Ягодной протоки) принадлежитъ 7 семьямъ родовъ Чагровыхъ и Подлинныхъ.

2) Р. Чилимка, притокъ Конды съ правой стороны, съ прилегающими угодьями. Составляетъ принадлежность 2-хъ семей и одной женщины изъ третьей—рода Дусматовыхъ.

3) Р. Вачкіева съ прибрежными угодьями (въ верховьяхъ Калмадаевского сора). Владѣльцами ея являются 3 семьи родовъ Каскиныхъ (2) и Мамкаевыхъ (1).

4) Озеро и рѣчка Калмадаевы, впадающія въ р. Чилимку, составляютъ владѣніе двухъ семей рода Кушлиныхъ, изъ коихъ пользуется ими только одна, такъ какъ другая перешла на жительство въ Айдарскія юрты (по Салыму).

Скажемъ къ слову, что подобное смѣшанное землевладѣніе, представляющее сочетаніе общиннаго съ родовымъ, въ настоящее время довольно распространено у русскихъ крестьянъ волостей, расположенныхъ по нижнему теченію Иртыша и по смежной части Оби (Уватской, Юровской, Демьянской, Денищиковской, Самаровской). Здѣсь родовое владѣніе, очевидно, произошло нѣсколько инымъ путемъ, именно исключительно при помощи купли и пріема въ закладъ отдѣльными семьями участковъ земли отъ коренныхъ жителей данныхъ мѣстъ—Остяковъ. Этими такъ называемыми «вотчинами» пользуются лишь представители того рода, къ которому онѣ принадлежатъ. Документы, свидѣтельствующіе совершенныя сдѣлки, имѣются почти у всѣхъ владѣльцевъ; имъ, какъ пришлому населенію, необходимо имѣть возможность доказать свои права на землю.

Въ остальныхъ селеніяхъ, какъ почти всюду въ Тобольскомъ округѣ, установилось, благодаря вліянію Русскихъ, землевладѣніе на общинныхъ началахъ, т. е. земля сдѣлалась принадлежностью всего селенія, изъ сколькихъ бы родовъ оно ни состояло.

Вышеуказанная прежняя форма землевладѣнія и наводитъ насъ на мысль, что дробленіе страны на небольшія самостоятельныя единицы находилось въ связи съ дѣленіемъ остяцкаго народа или, вѣрнѣе, cadaго его племени на роды. Прежде, когда вся страна находилась во власти Остяковъ, не было столько причинъ, мѣшавшихъ развитію патріархальнаго быта. Весьма вѣроятно, что роды были крупнѣе и число ихъ въ каждомъ владѣніи не велико.

И дѣйствительно, мы и по сейчасъ застаемъ нѣчто подобное у Обдорскихъ Остяковъ. Кастренъ сообщает ¹⁾, что они «распадаются на множество мелкихъ родовъ, изъ коихъ каждый образуетъ самъ по себѣ маленькое княжество или вѣрнѣе большое семейство», и эти семейства или роды иногда считаютъ сотни и даже тысячи душъ въ своей средѣ. То же замѣчается и у Самоѣдовъ. Большая часть членовъ отдѣльных родовъ, конечно, не могутъ доказать своего родства между собою, но тѣмъ не менѣе смотрятъ другъ на друга какъ на родственниковъ, не вступаютъ между собою въ брачныя союзы и оказываютъ другъ другу матеріальную поддержку.

Изъ мѣстныхъ преданій мы узнаемъ, какимъ образомъ иногда дробились и раздѣлялись роды и какъ иногда два рода соединялись въ одинъ союзъ. Напр., въ нынѣшнихъ Чиликанскихъ юртахъ (Тонх-хот) ²⁾ прежде правилъ одинъ храбрый князь, который много охотился и воевалъ и потреблялъ такую массу стрѣлъ, что за нимъ всегда возили цѣлую подводу ихъ. Наконечники для этихъ стрѣлъ ковалъ онъ самъ, а перья должны были доставать его подданные. Извѣстно, что для этой цѣли годятся только перья орла и филина, птицъ немногочисленныхъ, и поэтому добыть большое число ихъ было дѣломъ не легкимъ. Тяготясь этой повинностью, часть его подданныхъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, покинули мѣсто Тонхъ-хотъ и поселились далѣе къ западу у Зимняго сора, а потомъ перенесли свои жилища на Конду, гдѣ теперь извѣстны подъ именемъ Магатскихъ Остяковъ. Нѣкоторое время послѣ ихъ переселенія они владѣли землей сообща съ Чиликанскими Остяками, а потомъ раздѣлили ее на 2 части. Это—случай дробленія одного рода и принадлежащей ему земли на двѣ части, причемъ мы видимъ, что обѣ половины распавшагося рода носятъ почему-то разныя фамиліи.

Черезъ нѣкоторое время послѣ бѣгства части Остяковъ, оставшіеся приняли къ себѣ часть другаго рода. Произошло это такимъ образомъ. Однажды по р. Чиликанкѣ плыли лодки съ вооруженными людьми, женщинами и дѣтьми. Князь Тонхъ-хотъ сначала принялъ ихъ за враговъ и хотѣлъ встрѣтить враждебно, но они ему закричали, что у нихъ мирныя намѣренія, что плывутъ изъ

¹⁾ А. Castren; «Ethnol. Vorles», стр. 106.

²⁾ Меньше-Кондинской вол. Тоб. окр.

Эмдера (Берез. окр.) и ищутъ удобныхъ мѣстъ для поселенія. Князь ихъ принялъ и угостилъ, и такъ какъ имъ понравилось данное мѣсто, то они тутъ и поселились и вмѣстѣ стали владѣть землей. Отсюда, по словамъ Чиликанскихъ Остяковъ, у нихъ и числится два рода или двѣ фамиліи: отъ коренныхъ жителей происходятъ Лумкоткины, отъ пришельцевъ—родъ Галкиныхъ. Для насъ не важно, имѣло ли мѣсто все это въ дѣйствительности, хотя вѣроятно, что это преданіе не есть вымыселъ, но все же оно показываетъ, что и въ отдаленныя отъ насъ эпохи родовые союзы принимали въ свою среду посторонніе элементы и, съ другой стороны, нѣкоторые члены его сами селились у другихъ. Этимъ путемъ увеличивалось число родовъ въ каждомъ владѣніи.

Отдѣльныя княжества были весьма разной величины. Весьма вѣроятно, что въ большинствѣ случаевъ они совпадали съ остяцкими «волостями» (нынѣ: мір) времени татарскаго владычества; такъ, историки, повѣствуя о наступательномъ движеніи Русскихъ въ страну Остяковъ, говорятъ, что Брызга покорилъ Курбинскую (тат.), Туртасскую (ост.), Цингалинскую (ост.) и др. «волости»¹⁾, что можно понять только въ этомъ смыслѣ.

При завоеваніи Тобольскаго округа Русскими, по Иртышу были расположены слѣдующія остяцкія волости, начиная съ юга: Туртасская (съ Уватской), Назымская, Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская и еще одна или нѣсколько у устья Иртыша и около прилегающей части Оби, т. е. въ самой сѣверной части округа, которая теперь составляетъ Темлячевскую волость. Можетъ быть, въ вышеприведенномъ перечнѣ и пропущена одна или другая мелкая волость, которая при завоеваніи края Русскими слилась со смежной; такъ, напр., на протяженіи около 240 вер. отъ р. Демьянки почти до устья Иртыша мы насчитали всего 3 волости.

Туртасская и Уватская волости названы у историковъ «татарскими», но вѣрнѣе предположить, что населеніе ихъ состоитъ изъ отатарившихся Остяковъ, что показываетъ какъ ихъ типъ, такъ и языкъ, который они отчасти сохранили и который представляетъ нѣкоторыя отличія отъ болѣе сѣверныхъ нарѣчій. И нынѣ главный языкъ ихъ татарскій, который, вѣроятно, и ввелъ въ заблужденіе лѣтописцевъ и историковъ. Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и въ Кондинскомъ краѣ.

Въ настоящее время почти ни одна изъ этихъ волостей не сохранилась до насъ въ неизмѣнномъ видѣ; напротивъ, болѣе мелкія изъ нихъ были соединены по 2—3—4 вмѣстѣ, именно, Туртасская съ Уватской и Назым-

¹⁾ Фишеръ такимъ образомъ характеризуетъ прежнюю волость: «волость, на татарскомъ и монгольскомъ языкѣ «улусъ», значить въ Сибири нѣкоторое пространство земли, надъ которымъ поставленъ князецъ или судья, такъ, напр., Татары и Остяки у Иртыша живутъ въ волостяхъ...» («Ист. Сибири II,» стр. 141., прим.)

ская въ одну Назымскую, Цингалинская, Нарымская и Тарханская въ одну—Нарымскую, такъ что теперешнія «волости» по большей части заключаютъ въ себѣ нѣсколько прежнихъ, что главнымъ образомъ находится въ связи съ вымираніемъ жителей. Но эти прежнія волости, однако, не пропали безслѣдно и въ настоящее время, а во многихъ случаяхъ составляютъ сельскія общества, на которыя бывають разбиты нѣкоторыя изъ теперь существующихъ волостей. Туртасское сельское общество представляетъ для насъ еще тотъ интересъ, что въ 3 селенія, изъ коихъ оно состоитъ¹⁾, еще по сейчасъ владѣють своими угодьями сообща, какъ было прежде при существованіи Туртасской волости. И эти угодья состоятъ изъ необъятныхъ лѣсистыхъ пространствъ, расположенныхъ въ бассейнѣ р. Туртаса²⁾.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ владѣній въ Tobolskomъ округѣ было извѣстное, по весьма многимъ сказаніямъ, княжество съ городомъ Т'апар-вош во главѣ. Оно, согласно преданію, выставило въ походъ 300 мужей, что можетъ соотвѣтствовать общему населенію не менѣе чѣмъ въ 1000—1200 душъ обоого пола. Хотя это число и не велико для самостоятельнаго владѣнія, однако намъ кажется, что оно нѣсколько преувеличено, такъ какъ вся Нарымская волость, южную часть котораго составляло это княжество—Цингалинская волость Миллера,—имѣла въ 1816 г., т. е. въ 7 ревизію, всего около 460 душъ обоого пола. Конечно, судя по сильному вымиранію ея жителей, что доказывается точными цифрами ревизій въ разные года, оно и было прежде гораздо значительнѣе. Въ другомъ сказаніи упоминается о небольшомъ владѣніи гдѣ-то на Оби, хотя и безъ точнаго обозначенія мѣста, гдѣ числилось всего 50 воиновъ, что соотвѣтствуетъ, приблизительно, населенію въ 200 душъ, группы жителей и теперь составляющей остояцкую волость средней величины.

Судя по всему, среднее число жителей мелкихъ княжествъ описываемой мѣстности было отъ 60 до 400 душъ обоого пола³⁾. Съ этими выводами отчасти согласуются и соображенія, основанныя на данныхъ историческихъ⁴⁾.

¹⁾ Юрты Туртасскія, Уватскія и Алымскія составляли бывшую Туртасскую волость. Въ 1858 г. въ ней числилось 52 м. и 54 ж., а въ 1886 г.—44 м. и 36 ж. Прежняя Назымская волость, существовавшая еще при завоеваніи Сибири Русскими, имѣла до соединенія ея съ Туртасской—5 селеній. Въ 1858 г. въ нихъ числилось 108 м. и 118 ж., а въ 1886 г., въ слѣдствіе вымиранія жителей,—всего 70 м. и 69 ж. Теперь эта волость составляетъ Назымское сельское общество Назымской волости.

²⁾ Въ 1888 г. почти все это огромное лѣисто-болотистое пространство перешло въ владѣніе казны.

³⁾ Миллеръ упоминаетъ впрочемъ и о такихъ мелкихъ волостяхъ, которыя состояли изъ 3—10 годныхъ мужскихъ душъ.

⁴⁾ По берегамъ Иртыша и Оби городки были расположены на разстояніи 20—60 вер. другъ отъ друга, какъ это видно изъ «книги Большаго Чертежа», которая относится къ концу

Границами всѣхъ владѣній Остяковъ и Вогуловъ и, въ весьма многихъ случаяхъ, Русскихъ и Татаръ служатъ разныя естественныя урочища: озера, рѣчки, лѣсъ и т. д., что безъ сомнѣнія бывало и прежде. Эти межи вѣроятно до извѣстной степени соблюдались и въ старину. Въ сказаніяхъ и былинахъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ войнъ изъ-за захвата земель. Впрочемъ, страна тогда еще была такъ богата дичью и рыбой, а населеніе столь рѣдко, что въ подобныхъ захватахъ особой надобности не представлялось.

Основываясь на этихъ данныхъ, можно предположить, что и въ періодъ, описываемый былинами и сказаніями, южные Остяки уже жили осѣдло. Однако тѣмъ не менѣе они и понынѣ на официальномъ языкѣ именуются «кочевыми» инородцами на томъ основаніи, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ кромѣ зимнихъ помѣщеній еще лѣтнія юрты въ урочищахъ, гдѣ они промышляютъ лѣтомъ. Это названіе и потому не выдерживаетъ критики, что подобное явленіе мы замѣчаемъ и у Русскихъ Тобольскаго округа. У нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже имѣются пашенныя и рыболовныя избушки вдали отъ селеній, а между тѣмъ ихъ никто не называетъ «кочевыми». Въ дѣйствительности же южные Остяки, насколько у насъ хватаетъ извѣстій, постоянно жили осѣдло, что уже доказывается присутствіемъ у нихъ городковъ, и только на время промысла расходились по рѣчкамъ и лѣсамъ. Въ этомъ отношеніи они представляютъ большое различіе съ самыми сѣверными своими сородичами, которые дѣйствительно, подобно Самоѣдамъ, ведутъ бродячую жизнь.

ГЛАВА III.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ.

Внѣшній видъ прежнихъ Остяковъ.—Признаки красоты и силы.—Мужская одежда.—Вооруженіе: колычуги, мечи, луки и т. под.—Жилища: землянки и ихъ устройство.—Общественныя зданія.

Прическа Остяковъ въ старину была довольно оригинальная и отчасти сходная съ прической древнихъ Мадыаръ. Они стригли или брили волосы

XVI или къ началу XVII ст. Слѣдующій отрывокъ изъ этого памятника покажетъ намъ распредѣленіе городковъ въ той части Оби, которая орошаетъ сѣверную часть Тобольскаго округа.

...«А выше Иртыша на Оби градъ Ярымъ.

«А выше Ярымъ отъ устья Иртыша 30 вер. гор. Мазымъ.

«А выше 30 вер. градъ Лирикъ. А выше Лирика 20 вер.—градъ Лунгулей.

«А выше Лунгулей 25 вер.—Салыра градъ. А выше 60 вер. Салымъ (Салынъ) градъ!..»

Столь тѣсное размѣщеніе городковъ не должно однако считать за признакъ густоты населенія, въ виду того, что въ этой мѣстности оно прежде, какъ и нынѣ, было сгруппировано исключительно по берегамъ рѣкъ.

спереди, а сзади заплетали ихъ въ косы, вѣроятно въ двѣ ¹⁾, какъ оно еще понынѣ водится въ сѣверной части Березовскаго округа. Отсюда происходятъ эпитеты воиновъ и сватовъ *û гот-еудем* — «со стриженной головой», и *в енг'ет-еудем* — «со стриженнымъ лбомъ», и прозвище богатыря *сѣвей ûрт* — «косатый богатырь». Бороду они также носили, хотя она у нихъ, какъ вообще у угорскаго племени, и не отличается роскошнымъ ростомъ.

Своей красотой князья значительно превосходили своихъ подданныхъ. Про одного красавца богатыря (*Куі мûрахта сѣвей урт, куі мûрахта в егей ûрт* ²⁾) въ былинѣ разсказывается, что онъ ночью озарялъ комнату на подобіе утренней зари. Характернымъ признакомъ красоты у Остяковъ считалась бѣлизна и прозрачность тѣла. О красивыхъ людяхъ въ сказаніяхъ и сказкахъ говорится, что у нихъ «сквозь кости виденъ мозгъ и сквозь мозгъ видны кости». Но эта прозрачность тѣла считалась въ то-же время признакомъ нѣжности сложенія и физической слабости. Напротивъ отличіемъ силы была плотность и непрозрачность организма. Поэтому вѣщему богатырю было достаточно посмотрѣть сквозь своего противника на солнце, чтобы узнать, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Этимъ путемъ Эмдерскіе богатыри различили въ толпѣ враговъ своего главнаго противника, князя Евра: его тѣло состояло «какъ-бы изъ сплошной массы серебра и золота», настолько оно было непрозрачно; у другихъ-же были видны насквозь все ихъ внутренности. У одного богатыря такимъ образомъ красота преобладала надъ силой, у другого наоборотъ. Но если признаки красоты и силы до извѣстной степени и расходились, то все-же оно не мѣшало богатырямъ—силачамъ имѣть свою особую мужественную красоту.

Относительно простой одежды Остяковъ въ былинахъ и старинныхъ сказаньяхъ нѣтъ прямыхъ указаній, но есть косвенныя; именно, въ одной изъ нихъ говорится, что у одного князя имѣлось два божка, одѣтыхъ въ малицы (*кѣлеп-тонх*). Мы-же знаемъ, что весьма часто инородцы снабжаютъ своихъ идоловъ тѣми-же предметами, которыми пользуются сами. Въ виду этого можно предположить, что прежніе Остяки носили «малицы» (*кѣле*), а можетъ быть и «гуси» и «парки», весьма распространенную въ сѣверной части Березовскаго округа одежду. Съ этимъ согласны и многія мѣстные преданія. Они говорятъ, что, отправляясь по какимъ-нибудь надобностямъ во вражескій станъ, князья имѣли обыкновеніе одѣвать кольчуги подъ малицы, чтобы не

¹⁾ Мадыры брили головы и носили 3 косички («Моравія и Мадыры» К. Грота стр. 318).

²⁾ Русскій переводъ этого прозвища будетъ: «Подобный болотной морошкѣ косатый богатырь, подобный болотной морошкѣ сильный богатырь».

быть узанными среди простого народа. Малицы, гуси и парки дѣлались изъ оленьихъ шкуръ.

Въ виду того, что о сапогахъ (н'ір), шапкахъ и рукавицахъ (п'ос; двойств. ч. п'осейен) нерѣдко упоминается въ былинахъ и сказаньяхъ, возможно, что ихъ иногда, именно лѣтомъ, носили особо, а не всегда они были пришиты къ зимней мѣховой одеждѣ. Матеріаломъ для нихъ служили звѣриныя шкуры, главнымъ образомъ оленьи, а также шкурки птицъ; въ одномъ сказаньи мы встрѣчаемъ рукавицы, сдѣланныя изъ шкурки филина.

Гр. Новицкій ¹⁾ рассказываетъ, что главная одежда Остяковъ его времени, т. е. начала XVIII в., состояла изъ выдѣланной кожи рыбъ, главнымъ образомъ налима, осетра и стерляди, и что изъ этого-же матеріала они готовили себѣ и сапоги. Кромѣ того, они употребляли для этой цѣли и шкурки лебедей, гусей и другихъ птицъ. Весьма возможно, что подобная одежда дѣйствительно носилась Остяками въ прежнее время, хотя объ этомъ въ народной памяти и сохранилось весьма немногое. Въ сказаніяхъ и сказкахъ только изрѣдка встрѣчаются на это намеки; такъ, въ одной вогульской сказкѣ, которую мнѣ удалось записать, выступаетъ одинъ царевичъ, часто мѣнявшій свою одежду; однажды онъ щеголялъ въ сшитой изъ рыбьей кожи. Кромѣ того, въ былинахъ нерѣдко упоминаются «искусно содранныя шкурки болотной сороки» (jimes хорем н'урем сау с'ох), «шкурки весенней чайки» (тау халей с'ох) и т. д., которыя вѣроятно тоже шли на одежду.

Богатыри, по словамъ былинъ, носили еще дорогія одежды изъ сукна (нуі), изъ тонкаго шелка (жермак) и изъ пушистаго бархата (п'уныи бархат). Послѣдній очевидно принадлежитъ къ области народной фантазіи и составляетъ анахронизмъ. Обыкновенно-же въ былинахъ обувь и одежда богатырей называется вагай н'ір, вагай сах ²⁾, что значитъ «дорогая обувь», «дорогая одежда», а также «обувь и одежда, украшенная металлическими подѣлками». Эти-же выраженія употребляются и для обозначенія обуви и одежды знатныхъ остяцкихъ женщинъ. Вообще у сѣверныхъ народовъ замѣтна лишь небольшая разница въ костюмѣ обоихъ половъ. На головѣ богатыри лѣтомъ носили шапки (міл', кыйыт). Пояса (ендып), на которыхъ носили ножи, были вѣроятно ременные.

Принадлежностью ихъ костюма былъ еще шелковый платокъ (жермак охчам), всегда носимый при себѣ. Имъ завязывали глаза въ случаѣ большой опасности, особенно когда приходилось бороться съ лѣшими и съ Самоѣдами—колдунами. Поступали они такъ, конечно, не изъ страха, незнаемаго богаты-

¹⁾ «Краткое описаніе о народѣ Остякомъ», соч. Гр. Новицкимъ въ 1715 г. Спб. 1844.

²⁾ Также вагай кырп'а.

рями, а изъ опасенія, чтобы ихъ не сглазилъ союзникъ ихъ неуязвимаго противника—злой духъ ¹⁾).

Вооруженіе остяцкихъ князей состояло изъ кольчуги (тагар, тахр, тёт; Вог: јунты и таул'), меча (атта-кёг'е, нар), лука (јогот) и стрѣль (н'от). Иногда присоединялись топоръ (тајем) и дубинка изъ листовичнаго или словаго дерева (ныр нанк, ныр хут).

Кольчуга и мечъ составляли неперемѣнную принадлежность каждаго остяцкаго князя, какъ на войнѣ, такъ и дома, разъ предвидѣлась какая-нибудь опасность. Называлось такое княжеское вооруженіе сложнымъ словомъ тахр-кёг'е, въ переводѣ: «кольчуга-ножъ (мечъ)». Простые-же люди не имѣли кольчугъ, да и мечи вѣроятно были доступны немногимъ изъ нихъ.

Кольчуга представляла изъ себя рубашку, сдѣланную изъ металлическихъ колець, и имѣла форму остяцкаго «гуса», т. е. была снабжена и руками и шлемомъ; впрочемъ, были кольчуги и безъ верха. Откуда явились кольчуги неизвѣстно, но преданія о нихъ и понынѣ живутъ въ памяти инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Рассказываютъ, что кое-когда находили въ землѣ куски старыхъ кольчугъ и даже цѣлыя, принадлежавшія прежнимъ богатырямъ, о томъ-же сообщаютъ и многіе писатели ²⁾, но въ бытность мою на сѣверѣ западной Сибири мнѣ не удалось видѣть подобные остатки.

Кольчуга пользовалась у прежнихъ Остяковъ огромнымъ почетомъ и имѣла много названій, ибо дѣлала богатырей почти неуязвимыми. Ее называли «внушающимъ страхъ одѣяніемъ изъ полотна многихъ земель» (ар мыг таг-ат петмай тёт), «одеждой, спасающей душу» (тіт оттетай тёт) и т. д., не говоря уже о болѣе простыхъ эпитетахъ, какъ, напр., «звнящая кольчуга изъ блестящихъ колець» (н'ілек туі ковлай тёт ³⁾). По всему вѣроятію, онѣ были сдѣланы изъ бронзы, можетъ быть, и изъ желѣза. Самые зажиточные богатыри имѣли, по словамъ былинь, драгоцѣнные золотыя кольчуги (сорн'ій, ал'майде тёт). Были еще кольчуги съ украшеніями: напр., съ многочисленными торчащими рошками (оѣет сот нёгеп тёт ⁴⁾)

¹⁾ И теперь у южныхъ Остяковъ считается рискованнымъ для женщинъ, и вообще для непосвященныхъ, смотрѣть на шайтана, что-де легко влечь за собой сѣботу.

²⁾ ...«Обаче знаменія воинскихъ дѣлъ: шавель, панцеровъ множество обрѣтаются, но вся сія ветхая, а наипаче при кумирахъ, а оттуду является, что древнихъ дѣтъ народъ сей упражняшеся воинскими дѣлы» («Кратк. опис. о народѣ остяцк.» Гр. Новицкаго, стр. 44).

³⁾ Также: ар-мыг-хой тіт оттетай сѣу тарым-пёт'не тёт—«божественное, душу спасающее одѣяніе съ прочнымъ краемъ». Слова: «Ар-мыг-хой» составляютъ эпитетъ сына Турома (Найр'ах'та) и означаютъ: «Мужъ многоземельный», т. е. много странствовавшій. Въ какомъ смыслѣ здѣсь употреблено слово сѣу, означающее вообще «посохъ», «коса»,—мнѣ неизвѣстно.

⁴⁾ Отсюда названія богатырей: «Н'ілек туі ковлай тёт атта урт», «звнящую кольчугу изъ блестящихъ колець носящій богатырь»; «оѣет сот нёгеп тёт атта урт» и друг.

и т. д. Носили ихъ въ военное время обыкновенно подъ дорогими одеждами и подъ мѣховою и, подобно гусю, надѣвали черезъ голову.

При прибытіи Русскихъ, кольчугъ у Остяковъ повидимому не было, иначе историки сдѣлали-бы намъ какія-либо указанія по этому поводу. Относительно причинъ ихъ исчезновенія можно сдѣлать слѣдующее предположеніе. Сѣверо-западная Сибирь (за исключеніемъ Урала) не производитъ другихъ металловъ, кромѣ желѣза, и жители этого края, судя по всему, никогда не были искусными кузнецами. Почти нѣтъ сомнѣнія, что остяцкіе богатыри получали кольчуги извнѣ; откуда именно—неизвѣстно: съ запада, съ юга или съ востока. Извѣстно только, что не съ сѣвера, гдѣ и тогда обитали дикія орды Самоѣдовъ, стоявшихъ на еще болѣе низкой степени развитія, чѣмъ Остяки. Возможно, что Остяки получали кольчуги черезъ посредство своихъ западныхъ сородичей, Вогуловъ и Зырянъ, отъ Камскихъ Болгаръ ¹⁾, которые вели обширную торговлю съ востокомъ и еще въ XIII в. проживали на берегахъ Волги и Камы. Прекращеніе привоза этого товара въ страну Остяковъ могло зависѣть отъ какого-нибудь сильнаго переворота въ сосѣднемъ государствѣ, съ которымъ они вели торговлю, было-ли то нашествіе другого племени или какое-нибудь другое обстоятельство ²⁾.

Что-же касается до того, куда дѣлись имѣвшіяся у прежнихъ князей кольчуги, то весьма возможно, что онѣ послѣдовали за ними въ могилу, по обычаю Остяковъ зарывать вмѣстѣ съ покойникомъ его самыя необходимыя вещи. Въ самомъ дѣлѣ кольчуги иногда находятъ въ землѣ вмѣстѣ съ костями людей.

Такимъ образомъ врядъ-ли возможно отсутствіе кольчуги у Остяковъ при нашествіи Русскихъ объяснять тѣмъ, что она существовала только въ народной фантазіи. Кольчуги упоминаются въ каждомъ сказаньи и былинѣ Остяковъ, Вогуличей и Самоѣдовъ. Описаніе кольчугъ иногда столь живо, что эти народы дѣйствительно должны были быть знакомы съ нею. Такъ въ одной былинѣ описываются ощущенія, испытываемыя богатыремъ при надѣваніи холодной кольчуги, и сравниваются съ ощущеніемъ человѣка, опро-

¹⁾ Кольчуги были извѣстны Болгарамъ, см. свидѣтельство арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Даста (стр. 24). Пр. Хвольсонъ замѣчаетъ: «я полагаю, что такія кольчуги ввозились въ Болгаръ съ далекаго запада и оттуда, въ свою очередь, шли на востокъ» («Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ и т. д. Ибнъ-Даста». Перев. съ объясн. Д. А. Хвольсона, стр. 187—188).

²⁾ Тамъ-же сообщается о временномъ прекращеніи торговли приволжскихъ странъ съ востокомъ въ XII столѣтіи: «...во время нашествія Татаръ прекратилась торговля и изъ этихъ (т. е. приволжскихъ) странъ не привозили ни черныхъ лисицъ, ни бѣлокъ, ни бобрowychъ шкуръ и никакихъ другихъ товаровъ, которые обыкновенно были привозимы изъ этихъ странъ».

кинувшего себя на голову три ковша холодной воды. Когда, надѣвши кольчугу, богатырь гордо ходить по землянкѣ, то маленькія дѣти въ испугѣ пятаются назадъ отъ леденящаго холода ¹⁾ желѣза. Все это весьма живо рисуетъ намъ настоящую кольчугу.

Изъ обоихъ названій меча—*âtta-kêg'e* и *нâr*—последнее слово болѣе старое и употребляется исключительно въ былинахъ и сказаніяхъ, первое-же и въ разговорномъ языкѣ. То-же можно сказать и про названія кольчуги *тагар* и *тёт*. Последнее встрѣчается тоже лишь въ эпическихъ пѣсняхъ и то обыкновенно въ сложныхъ словахъ.

Мечъ былъ сдѣланъ изъ желѣза и имѣлъ, вѣроятно, деревянную ручку и такія-же или кожаныя ножны (*содыи*). Размѣры его намъ не извѣстны. Богатыри имъ прекрасно владѣли и однимъ взмахомъ его разрубали человека на двѣ части. Старые мечи и понынѣ сохранились кое-гдѣ въ глухихъ мѣстахъ Тобольской губерніи, главнымъ образомъ, въ амбарчикахъ, посвященныхъ богамъ, гдѣ въ исключительныхъ случаяхъ, по словамъ инородцевъ, попадаются и кольчуги. Но удостоиться увидѣть божество и его доспѣхи, въ виду недовѣрія жителей, весьма трудно.

Въ одномъ героическомъ разсказѣ описывается еще одна чудесная сабля. Она не терпѣла, чтобы ее обнажали, а разъ это случалось, она, помимо воли владѣльца, рубила направо и налево и убивала всѣхъ находившихся вблизи, не взирая на то, были-ли это свои или чужіе, мужчины или женщины. Про эту саблю говорили, что она всегда «сочилась женской и мужской кровью» (*нён вырат, хуй вырат оувот*). Прозваніе ея было: *Т'âпâr-jîtтай-нâr*—«ручная сабля Тяпарекаго (князя)».

Находимые почти въ каждомъ городкѣ куски желѣзной кузнечной окалины намъ показываютъ, что и въ тѣ отдаленныя времена Остяки были отчасти знакомы съ ковкой желѣза и выдѣлкой металлическихъ вещей, какъ, напр., ножей и наконечниковъ для стрѣлъ. Часть этихъ предметовъ впрочемъ еще съ XI в. доставлялась въ область Оби и Иртыша изъ Европейской Россіи. Русскій лѣтописецъ и арабскіе писатели единогласно сообщаютъ, что Югра (Остяки и Вогулы) вымѣнивала у своихъ западныхъ соседей (Русскихъ, Болгаръ) мѣха на желѣзные товары ²⁾. Что касается мечей остяцкихъ богатырей, то

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что дѣло происходило зимой и въ жилищѣ, неспособномъ держать тепло.

²⁾ «Извѣстія Ибнъ-Даута о Хозарахъ и т. д.» пр. Хвольсона, стр. 189: «Арабы знали, что Болгары вели на самомъ сѣверѣ съ Югрой нѣмую торговлю, причемъ они мѣняли мѣхъ на острые желѣзные товары. Объ этомъ слышалъ частью и Несторъ».

Эта торговля, вѣроятно, продолжалась и въ болѣе поздніе періоды и до самаго прихода Русскихъ въ Сибирь. Желая держать инородцевъ въ повиновеніи, послѣдніе, въ 1596 г., запретили купцамъ продавать имъ желѣзное оружіе, топоры и проч., что вызвало сильный

они, безъ сомнѣнія, чужеземнаго происхожденія. Врядъ-ли можно предположить, что прежніе Остяки были въ состояніи ихъ выдѣлывать. Вѣроятно, они тоже получали ихъ съ запада. Это подтверждается и словами арабскаго писателя Абу-Хамидъ эль-Андалуси о томъ, что болгарскіе купцы покупали въ исламскихъ странахъ простые, необдѣланные клинки мечей и возили ихъ въ страну сѣвернаго племени Юра, гдѣ на этотъ товаръ былъ хорошій спросъ ¹⁾.

Искусство выдѣлывать металлическія вещи пало въ Сѣверо-Западной Сибири еще до XVI ст. Русскіе уже не застали остяцкихъ кузнецовъ. Они, по словамъ одной мѣстной легенды, ушли на востокъ, въ Китай. Мало того, теперь на 1,000 верстъ отъ Иртыша и Конды, гдѣ находятся городки, неизвѣстно мѣстонахожденій желѣзной руды.

Лукъ состоялъ, какъ и теперь, изъ двухъ половинокъ разныхъ древесныхъ породъ, склеенныхъ рыбьимъ клеемъ, перевязанныхъ ниткой и обмотанныхъ берестой. Нижняя половинка его дѣлается изъ «кремлевой» сосны, т. е. изъ той части боровой сосны, которая обращена къ солнцу и поэтому отличается особенной твердостью и плотностью, верхняя половинка изъ березы. Тетива дѣлается теперь изъ конопляной бичевы, обмотанной берестой; прежде, вѣроятно, готовилась изъ крапивной или изъ жидъ животныхъ. Въ одномъ гимнѣ описывается лукъ божества Пайрѣхт'а, тетива котораго состояла изъ 10 пучковъ пряжи, изъ коихъ 5 были крапивные и 5 изъ золотистаго шелка (сорн'а јермак).

Стрѣлы состояли изъ деревяннаго черенка и костянаго или желѣзнаго наконечника. Для строганія черенковъ употребляли какой-то инструментъ вал'шам. Наконечники, безъ сомнѣнія, выдѣлывались у самихъ Остяковъ. Смотря по назначенію, стрѣлы были снабжены разными наконечниками: стрѣла съ тупымъ костянымъ или деревяннымъ концомъ въ видѣ шишки—в'олып н'от, там'ар употреблялась и понинѣ употребляется для охоты на бѣлокъ. Стрѣлы съ желѣзнымъ двувилымъ наконечникомъ (леп) предназначались для крупныхъ звѣрей: медвѣдей, лосей, оленей. Для птицъ и мелкаго звѣря употреблялись такіе-же, но болѣе мелкія, желѣзныя и костяныя стрѣлы, а также одноконечныя (пус). Военная стрѣла имѣла трехгранную форму и отличалась болѣе крупными размѣрами. Называлась она хахрай н'от пете урый н'от—«стрѣла, граненная на подобіе граней клюва щелкуны». Наконечникъ ея былъ изъ кости и изъ желѣза.

ропотъ со стороны инородцевъ (Вогулчей), которымъ было трудно обходиться безъ этихъ необходимыхъ предметовъ. Сами-же они въ это время уже не умѣли отыскивать руду и выдѣлывать изъ нея разныя вещи. Запрещеніе черезъ нѣкоторое время было отмѣнено. Только въ 1628 году около р. Ницы, въ Ирбитскомъ округѣ, была устроена первая за Ураломъ плавильня.

¹⁾ А. Хвольсонъ. Тамъ-же, стр. 190.

Противоположный конец стрѣлы былъ снабженъ перьями, которыя сидѣли на черенкѣ тремя продольными рядами. Для этой цѣли употреблялись исключительно перья отъ крыльевъ орловъ и филиновъ, какъ совершенно прямыя.

Кромѣ вышеозначенныхъ обыкновенныхъ луковъ, нѣкоторые богатыри имѣли еще болѣе искусственные, сдѣланные изъ лосиныхъ роговъ, причемъ отдѣльныя части ихъ были скрѣплены винтами. Эти луки были весьма крупныхъ размѣровъ и могли складываться. Таковъ, напр., былъ лукъ Сатыжинскаго князька Китвор-ѳтер'а, который, по преданію Ландиискихъ Вогуличей, вѣсилъ 12 пудовъ и былъ столь туго, что семеро простыхъ людей не въ силахъ были его натянуть.

Лукъ былъ главнымъ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ Остяковъ. Затѣмъ, какъ сказано, у нихъ были еще топоры, коныя и дубинки.

Топоры рѣдко употреблялись въ битвахъ. Они были скорѣе орудіемъ для домашняго употребленія: для заготовленія дровъ, для постройки жилищъ и т. д., но также примѣнялись для разрушенія вражескихъ палисадовъ и во время охоты на звѣря. Изготавливались они изъ желѣза. У богатырей они были большихъ размѣровъ: величиной съ лопатку оленя (хѳр панхеда ѳне тѳjem) и носились за поясомъ.

По словамъ Остяковъ, у нихъ въ прежнее время были еще посохи-топоры (сеу-тѳjem), т. е. небольшіе топоры, насаженные на длинную палку. Употреблялись они въ дорогѣ, чтобы при случаѣ приготовить дрова для костра, а также для защиты, но не на войнѣ. Это какъ-бы зачатокъ алебарды.

Коныя (суй, ѳйда) у прежнихъ Остяковъ, вѣроятно, рѣдко употреблялись на войнѣ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ нигдѣ не упоминается, хотя, съ другой стороны, довольно многочисленныя находки ихъ въ предѣлахъ Тобольскаго округа, напр., около дер. Тѳропки (Сам. вол.), и доказываютъ, что они были знакомы прежнимъ обитателямъ края. Эти желѣзные наконечники имѣли отъ 3 до 5 верш. длины и состояли изъ острія и конической трубки, при помощи которой ихъ насаживали на заостренные колья. Нѣкоторые изъ этихъ наконечниковъ настолько невелики, что скорѣе напоминаютъ концы дротиковъ, чѣмъ копій. Главное назначеніе копій (рогатинъ) было прежде, какъ и теперь, — служить оружіемъ при охотѣ на медвѣдя.

Употребленіе щитовъ было неизвѣстно прежнимъ Остякамъ.

Жилища. Главный типъ жилищъ прежнихъ Остяковъ были землянки. Онѣ назывались просто «домомъ» (хѳт, хѳт). Теперь онѣ вывелись въ Тобольскомъ округѣ и въ южной части Березовскаго и кое-гдѣ сохранились въ его сѣверной части да въ Сургутскомъ округѣ. Въ предѣлахъ Тобольскаго

округа такія землянки строятся только около нѣкоторыхъ водныхъ бассейновъ, гдѣ промышляютъ зимой. По сравненіи съ общепотребительными въ настоящее время на югѣ деревянными домами (хот, хат) землянки называются теперь мыг-хот, т. е. «земляными домами».

Онѣ представляли изъ себя четырехугольную яму, куда иногда опускали небольшой деревянный срубъ, и имѣли крышу (таѣт, тѣрош) изъ жердей, крытыхъ дерномъ и землей¹⁾. Крыша была не сплошная, а имѣла сбоку или по срединѣ довольно большое отверстіе для выхода дыма и для свѣта (хот хонный выс). Подобныя жилища въ прежнее время оконъ не имѣли. На ночь это отверстіе обыкновенно чѣмъ-нибудь закрывалось: клокомъ сѣна, пучкомъ тростника или шкуррой. Съ одной изъ сторонъ землянки былъ устроенъ входъ, къ которому велъ рядъ ступенекъ или просто спускъ. Входъ былъ защищенъ небольшой досчатой дверью (хот-ой, хат-ау). Небольшая площадка передъ дверью, огороженная съ обѣихъ сторонъ жердями для защиты входа отъ вѣтра, вѣроятно, и называлась тѣбыѣ—«сѣнями», о которыхъ неоднократно упоминается въ былинахъ. Трудно предположить, чтобы тѣбыѣ изображалъ изъ себя особую пристройку передъ входомъ, развѣ только у князей. Сѣни служили любимымъ мѣстопребываніемъ охотничьихъ собакъ.

Около жилищъ находились амбарчики (табас; кыма)²⁾ на высокихъ ножкахъ, гдѣ хранилась домашняя провизія и разныя вещи. Одинъ изъ нихъ обыкновенно предназначался для домашнего божества и его доспѣховъ.

Внутри землянокъ простѣйшаго устройства, каковы, напр., вышеупомянутыя рыболовныя избушки, все состоитъ изъ земли: полъ (хат-хат), скамьи (ват'-хат) и очагъ или чумалъ (тѣгол), который представляетъ изъ себя небольшую выемку въ земляной стѣнѣ, какъ разъ противъ отверстія крыши, такъ называемаго хот хонный выс. Иногда мѣсто для разведенія огня бываетъ посреди комнаты и въ этомъ случаѣ отверстіе для выхода дыма находится въ ея центрѣ.

Въ болѣе усовершенствованныхъ землянкахъ, какими были жилища князей, а, можетъ быть, отчасти и простыхъ людей, скамьи, стѣны и полъ были изъ дерева, причемъ послѣдній имѣлъ даже эпитетъ «дощатый» (пусыѣ хат-хат). Чумалъ въ подобныхъ землянкахъ, вѣроятно, тоже имѣлъ деревянный остовъ и былъ покрытъ толстымъ слоемъ глины, какъ это и нынѣ водится на сѣверѣ Сибири.

¹⁾ О подобномъ-же устройствѣ жилищъ сообщаетъ и Миллеръ, при описаніи городка около с. Самарова: «...Внутри видны слѣды двухъ избъ по двумъ ямамъ, надъ которыми тѣ избы до половины въ землѣ и до половины сверхъ земли изъ досокъ были сдѣланы и землею осыпаны, какъ то въ старину у Остяковъ въ обыкновеніи было. Нынѣ такихъ юртъ у нихъ весьма мало осталось». («Ист. Сиб.», стр. 129).

²⁾ Возможно, что первое слово заимствовано отъ Русскихъ («лабазъ»), такъ какъ на сѣверо-остяцкомъ нарѣчій оно произносится тлабас. Къ тому-же въ былинахъ оно, по-видимому, не встрѣчается и замѣняется словомъ кыма.

Небольшой промежутокъ между чуваломъ и стѣной дома, называемый т'ого л-ох, служилъ мѣстомъ для храненія и сушки дровъ.

Весь домъ обыкновенно состоялъ изъ одной комнаты, гдѣ и помѣщалась вся семья; взрослымъ дѣвицамъ отводили особый уголъ, гдѣ онѣ сидѣли за занавѣсомъ.

Часть дома и комнаты, обращенная къ дорогѣ или улицѣ (хорт), называлась «лицевой» или «фасадомъ» (мут). По этой улицѣ были кое-гдѣ вбиты столбы (анкет, вош-анкет) для привязыванія оленей, иногда изукрашенные зарубками и изображеніемъ человѣческаго лица или животныхъ.

Подобные столбы еще отчасти понынѣ сохранились въ нѣкоторыхъ юртахъ по Кондѣ, причемъ между ними встрѣчаются и довольно оригинальные, съ изображеніемъ, напр., птицы, сидящей на крышѣ. Эта птица вѣроятно ничто иное, какъ почитаемый ими лебедь. Кромѣ своего прямого назначенія, эти столбы имѣли еще какое-то символическое значеніе, ибо къ нимъ привязывали и теперь привязываютъ жертвенныхъ животныхъ, предназначенныхъ для общественныхъ жертвоприношеній.

Кромѣ частныхъ жилищъ, во многихъ поселеніяхъ имѣлись еще большія общественныя зданія для народныхъ собраній (т'ат' тайта ёне хот, мой тайта ёне хот)¹⁾. Состояли они изъ жердей и были вѣроятно конической формы. Размѣры ихъ иногда были довольно значительны; такъ, въ одной былинѣ разсказывается о такомъ зданіи, состоявшемъ изъ 800 жердей (нітсот-шурпешуры хот). Иногда, впрочемъ, собранія проходили въ обширныхъ помѣщеніяхъ князей.

¹⁾ Т. е. «большой домъ для сбора воиновъ и сватовъ».

ГЛАВА IV.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ.

(Продолженіе).

Занятія Остяковъ: охота, рыболовство, оленеводство.— Знакомство ихъ съ рогатымъ скотомъ, овцами, лошадьми.— Собаки.— Пища Остяковъ: продукты охоты, оленеводства и рыбной ловли.— Посуда.— Хлѣбъ.— Питье Остяковъ.

Занятія прежнихъ Остяковъ тоже состояли исключительно въ охотѣ, рыбной ловлѣ и оленеводствѣ.

Охота производилась главнымъ образомъ при помощи лука и стрѣлъ; добыча состояла въ крупныхъ животныхъ, лѣсной и водяной птицѣ. Остякамъ была вѣроятно извѣстна и значительная часть нынѣшнихъ ловушекъ на пушистаго звѣря и птицу. Такъ, въ былинахъ встрѣчаются «слопцы» (сѣсе), «перевѣсь» для утокъ (васа пит', катт) и др. Наше предположеніе находитъ подтвержденіе и въ томъ, что большая часть этихъ ловушекъ, равно какъ и рыболовныхъ снастей, имѣла до прихода Русскихъ и имѣетъ въ настоящее время свои туземныя названія, чего бы очевидно не могло быть, если бы онѣ были заимствованы извнѣ.

Главныя старанія Остяковъ конечно были направлены на то, чтобы добыть оленей и лосей, доставлявшихъ имъ значительный запасъ пищи. Замѣтимъ, что прежде они встрѣчались въ большихъ количествахъ, чѣмъ теперь. Охота за лосемъ считалась занятіемъ благороднымъ и достойнымъ князей и даже ихъ божества, какъ Тунк-пох и Паірахтѣ, негнушались испытать при этомъ свою ловкость. Способы ея были тѣ же, что и въ настоящее время въ здѣшнихъ краяхъ, почему мы и не станемъ ихъ описывать.

Не менѣе важнымъ средствомъ для пропитанія служило имъ рыболовство. Изъ способовъ его, которые имъ были знакомы, въ былинахъ упоминается ловъ при помощи прутьяныхъ «мордъ» (пун), сѣтей изъ крапивной пряжи (хѳдып, сѳјеп), жердяныхъ запоровъ (вар). Вѣроятно они знали и другія ловушки.

Остяки умѣли добывать рыбу не только въ озерахъ и рѣчкахъ, но и морскую рыбу въ крупныхъ рѣкахъ, Иртышѣ и Оби, гдѣ ловъ требуетъ большаго искусства и болѣе крупныхъ снастей. Такъ, въ былинахъ нерѣдко поминается осетръ, «струна» котораго употреблялась богатырями на «рыбій клей» (а́jem), напр. для склеиванія обѣихъ половинокъ лука, для покрытія струнъ «домры» и т. д. и мясо и жиръ котораго составляли ихъ любимое лакомство. Упоминаются въ нихъ и нѣлма, налимъ и стерлядь, которые также являются обитателями названныхъ двухъ потоковъ, не говоря уже объ озерной и рѣчной рыбѣ, какъ чебакъ, окунь, ершъ, шукъ, которая составляла и составляетъ обыденную пищу Остяковъ всѣхъ временъ и мѣстностей.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о лодкахъ, безъ которыхъ въ этой сѣверной странѣ невозможно никакое сообщеніе въ лѣтнее время. Онѣ одинаково необходимы для охоты и рыболовства, въ мирное и военное время. Лодки (хон, ріт) тогда употреблялись исключительно долбленныя и поэтому толстыя осины, а также другія деревья, годныя для этой цѣли, назывались хон-јух, ріт-јух (јух-дерево). Крупныя лодки для плаванія по большимъ рѣкамъ назывались рѣт (у Бог. рѣт), терминъ, который еще по нынѣ сохранился по р. Салыму. Эпитетомъ остяцкой лодки было выраженіе јинет-пуіне нѣгат рѣт—«грузная лодка съ водянымъ задомъ», самоѣдской также и јагарсеен-пуіп рѣт—«лодка съ раздвоенной кормой», такъ какъ лодки Самоѣдовъ имѣли корму нѣсколько другого устройства. Оно, по словамъ Остяковъ, еще и теперь сохранилось отчасти у этихъ обитателей крайняго сѣвера.

Лодки нѣкоторыхъ богатырей, предназначенныя для войны, были украшены изображеніями звѣрей и птицъ (тегет-во́је ханг'ен рѣт).

Имѣлись также и «крытыя» лодки (хорей ріт), причемъ на крышу употреблялась береста, какъ это мѣстами ведется и теперь. Изъ мѣстныхъ преданій мы узнаемъ, что кромѣ деревянныхъ лодокъ въ данной мѣстности были въ ходу и берестяныя. Ихъ напр. употребляли Самоѣды во время своихъ походовъ въглубь остяцкой страны. Черезъ волока ихъ легко перетаскивали на себѣ. Нѣкоторые дѣлаютъ еще предположеніе, что у Самоѣдовъ прежде были и лодки изъ кожъ ¹⁾.

Большій интересъ для насъ представляетъ оленеводство. Оно теперь значительно слабѣе развито, чѣмъ прежде. Во времена, описываемыя былинами, область оленеводства простиралась гораздо далѣе къ югу, чѣмъ теперь. Нынѣ въ нижней части Оби оленей держатъ не южнѣе Березова, а прежде они разводились не только по всей средней Оби, но и въ нижнемъ

¹⁾ Замѣтимъ къ слову, что тѣ и другія еще и нынѣ въ употребленіи у обитателей сѣвера Америки: первая — у Индѣйцевъ Аляски и Британскихъ колоній, вторая — у Эскимосовъ.

теченіи Иртыша, почти до р. Демьянки т. е. всего 250 верстъ къ сѣверу отъ Тобольска, а можетъ быть и южнѣе. Олени въ то время были въ описываемой мѣстности единственными домашними животными. Они доставляли Остякамъ мясо и сало для пищи и шкуры на одежду и служили въ качествѣ перевозочныхъ животныхъ. Безъ нихъ не обходилось ни одно жертвоприношеніе и ни одинъ пиръ. Ни одинъ зимній походъ не могъ состояться безъ нихъ: благодаря ихъ легкости, всюду, гдѣ лежалъ снѣгъ, для Остяка была открыта дорога.

Для упряжи употреблялись повидимому только оленные быки (хор). Это соблюдается и теперь на сѣверѣ. Санки (огот) были легкой постройки и прикрѣплялись къ животнымъ при помощи ремней. Болѣе зажиточные князья покрывали себя при ѣздѣ на санкахъ пестрымъ одѣяломъ или ковромъ (итій ланк, ханг'ей нар).

Безобѣдное существованіе Остяковъ было связано съ обладаніемъ этимъ животнымъ. Размѣры оленеводства въ тѣ времена намъ не извѣстны, но, судя по всему, ихъ держали въ достаточномъ количествѣ, а у князей были даже значительныя стада. Изъ нихъ они обыкновенно отпускали животныхъ для общественныхъ жертвоприношеній.

Рогатый скотъ лишь въ послѣдствіи сдѣлался извѣстенъ Остякамъ, отчего и не имѣетъ туземныхъ названій, а именуется заимствованными изъ татарскаго: корова—сѣгар, быкъ—ѹгес¹⁾. Въ моихъ былинахъ и героическихъ сказаніяхъ о немъ, какъ и объ овцѣ (ош), совершенно не упоминается. Впрочемъ, эти животныя, какъ болѣе южныя и требующія помѣщеній и заготовки сѣна на зиму, не могли для безпечнаго Остяка замѣнить оленей: послѣдніе доставляли имъ пищу и одежду и не требовали никакого ухода.

Лошадь (тау) была извѣстна Остякамъ вѣроятно раньше, чѣмъ коровы и овцы, и иногда упоминается въ былинахъ. Она однако, повидимому, не была домашнимъ животнымъ Остяка уже по той причинѣ, что въ здѣшней болотистой мѣстности, изрѣзанной рѣчками и озерами и на добрую половину покрытой лѣсомъ, лѣтомъ не можетъ производиться сообщеніе на коняхъ, а зимой, въ виду глубины снѣговъ и отсутствія дорогъ, только съ трудомъ. Къ тому же онѣ также требуютъ извѣстнаго ухода. Впрочемъ въ одной былинѣ разсказывается, что трое князей изъ города Кары-поспат-урдат-вош отправились въ походъ на полуденную сторону и привезли оттуда по «славному крылоному животному» (тохтей-курпе jem воје) и по красавицѣ полуденной страны. Далѣе описывается, какъ они пустились на этихъ крылоногихъ животныхъ настигать

¹⁾ Есть еще другія названія: міе — корова; кар-міе — быкъ, которыя сродны съ алтайск. муусъ (слов. Турецк.—тат. нар. Л. Будагова).

Эмдерскихъ богатырей, догнали ихъ и изрубили. Здѣсь „крылоногія животныя полуденной страны“ безъ сомнѣнія—кони.

Въ другой былинѣ изъ области р. Демьянки встрѣчается даже „крылатый конь“ (понтій тау), который поднималъ всадника подъ облака. Однако эта послѣдняя былина носитъ нѣсколько иной характеръ и поэтому кое-что въ ней могло быть заимствовано у сосѣднихъ кочевыхъ племенъ.

Употреблялись кони въ тѣ времена вѣроятно главнымъ образомъ для жертвоприношеній. Обычай этотъ, судя по Гр. Новицкому, заимствованъ ими у сосѣднихъ Татаръ и поэтому соблюдался вѣроятно только въ южныхъ мѣстностяхъ; сохранился онъ между Остяками и по настоящее время.

Другимъ домашнимъ животнымъ прежняго Остяка, кромѣ оленя, была собака (амп, лѣна): ее держали ради охоты и отчасти въ качествѣ перевозочнаго животного. Судя по одному героическому разсказу, видно, что у Самоѣдовъ собака служила и жертвеннымъ животнымъ, что мнѣ подтвердили и нѣкоторые старые Остяки ¹⁾. Напр. голова Самоѣда Сос Тѹрума, избѣгнувъ меча остяцкаго богатыря, говоритъ послѣднему между прочимъ: „что же касается меня, то пусть многочисленные мужи самоѣдской земли принесутъ сюда предназначенные мнѣ чашни и туяси, пусть приведутъ въ качествѣ кровавой жертвы хвостатыхъ и шерстистыхъ собакъ“.

Пища Остяковъ состояла изъ продуктовъ оленеводства, рыболовства и охоты. Мясо повидимому не всегда употреблялось Остяками въ сыромъ видѣ въ противоположность Самоѣдамъ, за это и получившимъ отъ Остяковъ прозвище: н'ара нѣга тѣда хѣр јаранет—„Сырое мясо ѣдящіе олениные Самоѣды“²⁾. Его чаще варили въ большихъ котлахъ (саран, пут). Послѣдніе вѣрно были изъ мѣди. Въ былинахъ упоминаются котлы съ желѣзной ручкой (карт-нурне нурыи пут)³⁾ и большіе котлы съ 7 ушками (табет пыден саран)⁴⁾. Рыба же употреблялась въ сыромъ, сушеномъ и вареномъ видѣ. Оленье и лосяное сало и осетровый жиръ считались большими лакомствами и подавались гостямъ. Помѣщалось то и другое въ берестяныхъ корзинахъ, лукошкахъ, туясяхъ, какъ и сухая рыба и жидкости. Эти берестяныя корзины были разныхъ фасоновъ и величинъ (куч, кучум, сойен, хаинт,

¹⁾ То же самое мы встрѣчаемъ у племени Чукчей «Намолло».

²⁾ Интересно, что подобное же прозвище было дано обитателямъ крайняго сѣвера Америки, Эскимосамъ, ихъ болѣе южными сосѣдями, Индѣйцами. Именно, слово «эскимось» произошло изъ словъ индѣйскаго племени Алгокиновъ «эскимантсикъ», что значить «ѣдящіе сырое мясо».

³⁾ Въ 1888 году, въ бытность мою въ Самаровской вол., въ д. Торопкахъ, мнѣ удалось извлечь изъ древней могилы средней величины котелокъ изъ красной листовой мѣди и съ желѣзной ручкой. Возможно, что онъ русскаго происхожденія.

⁴⁾ Слово саран значить также «зырянинъ», что наводитъ на мысль, что Остяки получали котлы при посредствѣ этого народа.

јійет, кіт'). Употреблялась также и глиняная посуда, которая въ былинахъ именуется просто словомъ *ана* — чашка, тарелка, блюдо ¹⁾. Ъли почти всякую пищу руками, за исключеніемъ жидкой; для нея предназначались большія и малыя деревянныя ложки (*тыі, н'а'ла*), которыя выдѣлывались при помощи инструмента *кайрас*. Рыбій жиръ обыкновенно не ѣли ложками, а въ него мокали куски рыбы. Въ видѣ лакомства ѣли также и разнаго рода ягоды, изобильныя въ ихъ странѣ: бруснику, чернику, морошку, черемуху, ягоды шиповника и боярышника и т. под., ихъ запасали также на зиму.

Слово *тант*, часто употребляемое въ остяцкомъ эпосѣ, можетъ насъ ввести въ заблужденіе относительно знакомства Остяковъ съ продуктами земледѣлія, такъ какъ въ настоящее время *тант* означаетъ всякій хлѣбъ въ зернѣ, главнымъ образомъ рожь, *ват'-тант* — ячмень. Въ этомъ же смыслѣ употреблено оно въ эпитетѣ Иртыша: *Тантый Тайат ноува јінк* — «хлѣбородный Иртышъ, бѣлая (мутная) вода». Прежде же это слово, повидимому, имѣло болѣе широкое значеніе и примѣнялось для разнаго рода пищи, преимущественно для наиболѣе употребительной — рыбы. Выраженія *сѳрмый тант*, *тѣбын тант* ²⁾, часто встрѣчающіяся въ былинахъ и сказаніяхъ и означающія вѣроятно «сухое и мягкое жито», могутъ поэтому означать и сухую и мягкую (свѣжую) рыбу, какъ и полагалъ одинъ изъ инородцевъ, мой учитель остяцкаго языка.

Слѣдующія сложные слова: *вата-тант* — «олений мохъ» и *тада-тант* — «голодъ» тоже могутъ быть легко объяснены при этой гипотезѣ. Первое выраженіе состоитъ изъ словъ *вата* — «олень» и *тант* — пища. *Тада-тант* изъ *тада* — «пустой», «отсутствующій» и того же слова *тант*.

Но съ другой стороны есть и нынѣ, болѣе существенныя, указанія на то, что Остякамъ отчасти было знакомо жито — это постоянно упоминаемая въ былинахъ «чаши и берестяные туяси съ пѣнящимся отверстіемъ» (*н'ауры ойып ана, н'ауры ойып јійет*), подъ которыми можно подразумѣвать только сосуды, наполненные остяцкой брагой. Въ настоящее время она готовится изъ ячменной или ржаной муки съ примѣсью хмѣля или растенія *atragepe* и носитъ названіе *пуса*. Возможно, что то же было и въ прежнее время, если не предположимъ, что они имѣли другіе суррогаты для ея приготовления, напр. березовый сокъ, который однако въ настоящее время значенія не имѣетъ.

¹⁾ Въ городкахъ въ изобиліи находятъ черепки отъ глиняной посуды, изукрашенной разными узорами и рисунками.

²⁾ *Сѳрмый* — мертвый, сухой; *тѣбын* — можетъ быть есть синонимъ слова *тѣбет* — мягкій. Это слово мало понятно нынѣшнимъ Кондинскимъ Остякамъ, такъ какъ вѣроятно оно — архаизмъ.

Если Остяки были знакомы съ хлѣбомъ, то можно допустить, что они получали его ¹⁾ отъ болѣе южныхъ племенъ, жившихъ напр. около Тобольска, гдѣ дѣйствительно при раскопкахъ ²⁾ находили въ землѣ остатки земледѣльческихъ орудій и приборовъ, служившихъ для дробленія зерна. Въ виду того, что эти предметы повидимому татарскаго происхожденія, возможно, что Остяки получали хлѣбъ отъ татаръ и что понятіе о брагѣ было внесено въ былины уже въ послѣдствіи, когда земледѣліе, при ихъ владычествѣ, сдѣлало значительные успѣхи въ Тобольской губерніи. Именно, изъ исторіи мы знаемъ, что и сѣверные Татары, жившіе о бокъ съ Остяками, сѣяли отчасти хлѣбъ; такъ атаманъ Брызга, предпринявъ въ 1581 г. походъ въ страну Остяковъ, уже въ Аремзянской волости, т. е. въ 50 верстахъ къ сѣверу отъ Тобольска, засталъ хлѣбопашество.

Что же касается до нынѣшняго слова «пѹсса, пѹса», то оно татарскаго происхожденія и въ былинахъ не употребляется. Примѣнялась брага при жертвоприношеніяхъ и пилась на слѣдовавшихъ за ними пирахъ. Въ другихъ разсказахъ и преимущественно въ сказкахъ она именуется словомъ сар-јінк. Въ сказкахъ же встрѣчается еще другой напитокъ маг-јінк—«медъ» или вѣрнѣе «медовая вода». Водились ли пчелы въ прежнее время въ Тобольскомъ округѣ, не извѣстно, вѣроятно нѣтъ, потому что иначе онѣ водились бы и теперь. Скорѣе предположить, что Остяки получали медъ отъ Зырянъ, въ странѣ которыхъ водятся пчелы и которые въ прежнее время играли до извѣстной степени роль цивилизаторовъ С.-Зап. Азіи. Это предположеніе подтверждается и сходствомъ названій слова «медъ» на обоихъ языкахъ (по зыр: ма).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ напиткѣ, который прежде былъ въ ходу среди финскаго населенія тобольскаго округа и который отчасти и нынѣ еще употребляется въ глухихъ углахъ сѣверо-западной Сибири—это, наваръ изъ березоваго нароста: уш-јінк. Онъ же имѣлъ значеніе и въ народной медицинѣ.

Слово «водка» (віна, пыгде-јінк), встрѣчающееся въ одной былинѣ, есть ничто иное, какъ рѣзкій анахронизмъ, и дальнѣйшаго разъясненія не требуетъ. Она вошла во всеобщее употребленіе у Остяковъ лишь въ XVIII столѣтіи, такъ какъ еще Гр. Новицкій, писавшій въ началѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ, что вода есть единственное питье Остяковъ. Не упоминаетъ онъ ничего и о брагѣ, безъ которой въ настоящее время не обходится ни одно жертвоприношеніе.

¹⁾ Возможно, что Остяки впервые познакомились съ хлѣбомъ отъ Зырянъ, такъ какъ у нихъ общее слово для выраженія понятія «хлѣбъ»—п'а н'; тоже у Вотяковъ. Оно сродно съ перс. н а н.

²⁾ Здѣсь имѣются въ виду раскопки, производившіяся на мѣстѣ бывшаго городка Пекера (Сибири) любителемъ археологомъ Знаменскимъ.

Роль водки въ прежнее время, какъ отчасти и теперь на глубокомъ сѣверѣ, игралъ мухоморъ (панх), который, съѣденный въ достаточномъ количествѣ (отъ 7 до 21, и даже болѣе, штукъ), производитъ временное возбужденіе и вызываетъ сильныя галлюцинаціи. Ъдятъ мухоморы обыкновенно въ сухомъ видѣ, запивая ихъ водой, или предварительно намазавъ ихъ масломъ или жиромъ.

ГЛАВА V.

Князя—военное сословіе.

Начало княжеской власти принадлежитъ весьма отдаленному времени. — Богатство князей. — Отношенія простыхъ людей къ князю. — Отношенія князей между собой. — Совмѣстное правленіе нѣсколькихъ князей. — Дробленіе княжествъ и сліяніе нѣсколькихъ въ одно. — Образъ правленія. — Народныя собранія и пиры. — Князья—военная каста. — Военскія упражненія. — Ристалища. — Доказательства силы и отваги князей. — Платье князей. — Рогъ—символь радости. — Другія качества, характеризующія князя-богатыря: соблюденіе клятвы, благородство въ манерахъ, жестокость и великодушіе къ врагамъ. — Кровавая месть. — Умственное превосходство богатырей надъ простыми людьми. — Способность ихъ принимать образъ животныхъ. — Общечеловѣческія чувства.

Относительно происхожденія князей мы ничего не можемъ сказать. Возможно, что они были выбраны главами рода, благодаря своимъ особымъ доблестямъ и силѣ. Случилось это вѣроятно въ эпохи, предшествовавшія той, въ которую слагались былины, такъ какъ въ нихъ мы во всякомъ владѣніи застаемъ не только главу-князя, но и цѣлую родовую аристократію изъ лицъ княжеской фамиліи. Въ описываемый періодъ княжеское достоинство было наследственно и не доступно для простыхъ людей.

Своимъ богатствомъ остяцкіе князья значительно превосходили своихъ подданныхъ. Оно выражалось не только въ болѣе дорогихъ одеждахъ и доспѣхахъ, но и во всей ихъ домашней обстановкѣ. Ихъ помѣщенія были хотя того же типа, но нѣсколько больше и лучше устроены: судя по былинамъ, полъ у нихъ былъ изъ деревянныхъ половицъ, соединенныхъ между собою желѣзными и жестиными скобками. Они имѣли особые помѣщенія, гдѣ у нихъ хранились разныя цѣнныя вещи (вагат ѹдем, ташат ѹдем тага)¹⁾ пушной товаръ, сукно, шелкъ, металлы, оружіе²⁾ и т. д.

¹⁾ Буквально: «мѣсто, гдѣ находился металлъ и товаръ».

²⁾ Напр. историкъ Мюллеръ (стр. 201) приводитъ слѣдующій перечень имущества, награбленнаго въ 1594 г. Русскими и Остяками у князья Кондинскихъ Вогульцевъ: «2 вѣнчика серебряныхъ, 426 соболей, 13 чернобурыхъ и бурыхъ и красныхъ лисицъ, 61 боберъ, 1000 бѣлки, завѣса дорогинена, а опушена камышкою двосливною и т. д.»

Амбары (кыма, кама) ихъ домашнихъ боговъ были переполнены соболиними и другими дорогими мѣхами. Они обладали многочисленными стадами оленей. Наконецъ они имѣли возможность содержать нѣсколько женъ, напр. про богатыря Сонгхуша въ былинѣ говорится: „съ семи концовъ свѣта онъ взялъ въ жены семь дѣвицъ“¹⁾, что несомнѣнно указываетъ на значительное довольство. Этотъ обычай и теперь еще отчасти сохранился на языческомъ сѣверѣ Тобольской губерніи, гдѣ болѣе зажиточные Остяки и Самоѣды имѣютъ по 2 и по 3 жены. Но все же разница въ образѣ жизни князя и простаго народа у Остяковъ не походила на различія между властителями и подданными болѣе цивилизованныхъ народовъ востока.

Какъ и простой народъ, князьки ходили на охоту и рыбную ловлю, хотя занимались этимъ болѣе для своего удовольствія, чѣмъ по необходимости. Всѣ они имѣли извѣстное число слугъ и служанокъ, вѣроятно рабовъ, на обязанности которыхъ лежали не только всѣ домашнія работы, но и снабженіе ихъ пищею и обереганіе ихъ стадъ оленей и т. д. Кромѣ того о нуждахъ ихъ заботился и простой народъ, который ихъ чуть не боготворилъ.

Почти одинаковымъ съ ними почетомъ пользовалось все княжеское сословіе, не взирая на ступени родства. Также и отношенія лицъ княжеской семьи между собой не оставляли желать ничего лучшаго и были основаны на патриархальныхъ началахъ или на подчиненіи младшихъ старшимъ. Самые старшіе въ роду считались главами народа (у х), независимо отъ числа ихъ. Поэтому мы нерѣдко встрѣчаемъ въ остяцкихъ городкахъ 2 и 3-хъ князьковъ одновременно. Въ виду такой сравнительно равноправности лицъ княжескаго достоинства, мы не находимъ въ остяцкомъ героическомъ эпосѣ какихъ-либо указаній на сильныя столкновенія сыновей князя между собой или съ другими родственниками изъ за власти; напротивъ, въ одной былинѣ мы встрѣчаемъ въ городѣ двухъ правящихъ князей—братевъ, въ другой тоже двухъ: дядю и племянника. Во всѣхъ случаяхъ, когда народъ начиналъ говорить, онъ обращался со своей рѣчью ко всѣмъ имъ, считая ихъ такимъ образомъ равноправными главами, и не только къ лицамъ мужескаго пола, но и къ лицамъ женскаго пола. Къ послѣднимъ, впрочемъ, только для формы, чтобы увеличить красоту стили, что, какъ мы видѣли выше, отчасти достигается повтореніемъ однозвучныхъ или близкихъ по смыслу словъ. Женщины же ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ княжества активнаго участія не принимали.

Сами же князья часто уступаютъ первенство старѣйшему изъ своей среды, называя его «главой города» (во ч-у х), но только въ виду его возраста и предполагаемой болѣе опытной. Если же происходило какое-нибудь недо-

¹⁾ См. вып. III, стр. 94.

разумѣніе между ними, то они дѣйствовали, какъ лица равноправныя. Иногда случалось, что они дѣлили все владѣніе и всѣхъ подданныхъ на два особыхъ маленькихъ, независимыхъ другъ отъ друга, княжества. Такимъ образомъ въ одной изъ былинъ, гдѣ правилъ городомъ дядя и племянникъ, они, повздоривъ, рѣшили раздѣлить свой городъ на двѣ части и привели это въ исполненіе. При этомъ они раздѣлили поровну и людей.

Подобное дробленіе владѣнія могло быть тѣмъ легче произведено, что въ городкахъ, гдѣ имѣлось двое и болѣе князьковъ, каждый изъ нихъ повидимому управлялъ извѣстною областью его и былъ начальникомъ надъ извѣстнымъ числомъ воиновъ, даже въ томъ случаѣ, если они жили въ одномъ городкѣ. Такимъ образомъ въ одномъ сказаніи, при описаніи вербовки воиновъ, говорится: «младшій мужъ всталъ, взялъ полѣно изъ за чувала (очага), сръзалъ на немъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей области, и старшій мужъ взялъ полѣно изъ за чувала, сръзалъ на немъ три грани и зарубилъ 150 мужей со своей стороны»¹⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи каждый изъ братьевъ является начальникомъ надъ своимъ отрядомъ, хотя только старшій изъ нихъ имѣетъ званіе «главнокомандующаго войсками» (т'а т' - ѣ х). Аналогичный примѣръ мы встрѣчаемъ въ исторіи: въ Демьянской волости, при завоеваніи ея Русскими, считалось два городка и имѣлось двое князей: Нимнянъ и другой, котораго историкъ называетъ христіанскимъ именемъ Романомъ.

Иногда, на оборотъ, одинъ какой-нибудь князекъ являлся главой двухъ и болѣе городковъ, причемъ въ послѣднихъ въ этомъ случаѣ уже не было своихъ начальниковъ. Возможно, что каждый изъ этихъ городковъ прежде составлялъ отдѣльную небольшую волость—въ исторіи нерѣдко упоминаются крошечныя волости въ 3—5—10 платѣжныхъ душъ или около 12—20—40 душъ обоого пола—и что въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ соединились по 2—3 вмѣстѣ ради самозащиты. Такимъ образомъ Кодскій князекъ Лугуй правилъ 6-ью городками²⁾. Другой вліятельный князекъ, Самаръ, господствовалъ надъ низовьями Иртыша и надъ смежною частью Оби. Еще болѣе, въ отдѣльных случаяхъ, усилилась власть князей при русскомъ владычествѣ, когда нѣкоторые изъ нихъ, напр. Алачевъ, были поставлены правителями надъ многими волостями, но за то весьма многіе другіе были при этомъ сравнены съ простыми людьми.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о Цингалинской волости, расположенной по обоимъ берегамъ Иртыша, въ виду чего весьма вѣроятно, что каждый изъ князей управлялъ однимъ берегомъ. Это подтверждается и преданіемъ, которое сохранилось у Цингалинскихъ Остяковъ о 2-хъ князьяхъ, братьяхъ Санхазе, которые жили на высотахъ о б о и хъ береговъ Иртыша и, имѣя всего одинъ топоръ, перекидывали его въ случаѣ надобности другъ другу черезъ рѣку.

²⁾ Куновать, Ильчама, Ляпинъ, Мункосъ, Іуиль и Березовъ (Милл. *ibid.* стр. 159).

Верховныхъ властителей надъ болѣе или менѣе крупными областями, подъ властью которыхъ группировались бы вышеупомянутые мелкіе князьки, въ описываемый періодъ въ данномъ краѣ не существовало, не говоря уже о царяхъ, понятіи, повидимому, чуждомъ Остякамъ того времени и вошедшемъ въ ихъ языкъ лишь въ послѣдствіи, при ихъ столкновеніяхъ съ Татарами. Въ виду этого слово «царь» — хон, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе татарскаго слова «ханъ».

И такъ мы видимъ крайнюю децентрализацию власти у остяцкаго народа, если его разсматривать какъ одно цѣлое. Стремленіе къ національному единству никогда не проявлялось не только у всего остяцкаго народа и у отдѣльных его племенъ, но, какъ мы видѣли, даже у составлявшихъ племена родовъ.

Образъ правленія въ мелкихъ остяцкихъ княжествахъ имѣлъ нѣкоторое отдаленное сходство съ монархическимъ деспотическимъ. Всѣ дѣла вѣроятно рѣшали сами князья; при наиболѣе важныхъ дѣлахъ, они однако созывали народное собраніе, на которое, хотя и собиралось все населеніе города и селеній, однако правомъ голоса повидимому пользовались только старѣйшіе въ родѣ, къ какому-бы званію они ни принадлежали. Съ ними князья только и совѣщались.

Всякое народное собраніе начиналось жертвоприношеніями богамъ и общимъ пиromъ, на который созывался народъ однимъ изъ рабовъ князя. Насытившись пищей, старики открывали собраніе, обратившись съ рѣчью къ князьямъ и прося ихъ выяснить причину настоящаго сборища и пира. Или, такъ какъ такой причиной была почти исключительно задуманная война, то старики нерѣдко прямо ихъ спрашивали, въ какую сторону будетъ направленъ походъ и, узнавъ куда, разсуждали, сколько шансовъ имѣетъ за себя данное предпріятіе и стоитъ-ли его вообще начинать. Князья, выслушавъ совѣты стариковъ, все-таки обыкновенно рѣшали дѣло по своему, въ виду чего собранія продолжались недолго и оканчивались вербовкой воиновъ для похода.

Для большей наглядности приведемъ образецъ такого совѣщанія князей со стариками: „«Княгини нашего города и князья нашего города! начинаютъ они, на какой край земли сосредоточили вы ваше вниманіе, рѣчи вашей начало, слова вашего начало, вы намъ откройте, въ какой край земли вы желаете направить воиновъ ¹⁾ со стриженными головами, сватовъ со стриженными головами»? Младшій мужъ (князь) отвѣчалъ: «Мы снаряжаемся въ городъ Кроваваго богатыря, старика Нангхуша, ради младшей дочери Нангхуша, дѣвицы». Многочисленные сѣдоголовые старцы сказали: «Въ городъ Кроваваго богатыря стараго Нангхуша, отправлялось много мужей. Какъ они опрокинули свои грузныя лодки съ водяной кормой, въ которыхъ сидѣли, на вилковатыя сучья,

¹⁾ Эпитетъ воиновъ и сватовъ сарый мнѣ непонятенъ, почему и выпущенъ.

подобные ногам журавлей, так онѣ и поросли оленьимъ мохомъ высотой въ пядь». Младшій братъ сказалъ: «Мы-же, сыновья Јаветта-кѣтпе хуі и Тяпарской женщины, (все таки) отправимся въ городъ Кроваваго богатыря, стараго Нангхуна. Если мы и опрокинемъ нашу глубокоседающую лодку съ водяной кормой, въ которой мы ѣхали, на виловатые колья, подобные журавлинымъ ногамъ, то какъ это приведется, чтобы она поросла оленьимъ мохомъ высотой въ четверть!»». Послѣ этихъ словъ богатыри считаютъ походъ уже рѣшеннымъ и приступаютъ къ вербовкѣ воиновъ.

Прибавимъ здѣсь еще, что народныя собранія совершались въ особыхъ крупныхъ общественныхъ зданіяхъ (см. выше), сооруженныхъ для этой цѣли. Несмотря на свои сравнительно значительные размѣры, они во время пиршествъ наполнялись биткомъ или, какъ говорится въ былинѣ, народъ набивался въ нихъ въ такихъ массахъ, «какъ окуни и плотва въ морды».

Князья представляли изъ себя своего рода военную касту, на обязанности которой лежало охранять страну отъ внѣшнихъ враговъ. Они участвовали въ войнахъ не только въ качествѣ полководцевъ, но, благодаря своимъ военнымъ качествамъ, они, не взирая на свою сравнительную малочисленность, имѣли рѣшающее значеніе въ столкновеніяхъ съ врагами. И въ связи съ этимъ все воспитаніе ихъ состояло въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ закаленныхъ бойцовъ. Предоставивъ домашнія дѣла женщинамъ и слугамъ, они значительную часть своего времени посвящали физическимъ упражненіямъ, развивающимъ силу и ловкость. Ихъ любимымъ занятіемъ была охота, преимущественно за крупными звѣрьми, лосемъ и оленемъ. При этомъ они упражняли силу своихъ ногъ бѣгомъ на лыжахъ и руку въ натягиваніи тугаго лука.

Если время не благопріятствовало охотѣ, они устраивали состязанія и военныя игры на особыхъ чистыхъ площадкахъ около города, на такъ называемыхъ јантта-хар, јакта-хар, что въ переводѣ значитъ: «площадь для игръ» и «площадь для пляски». Въ сказкахъ народная фантазія рисуетъ подобныя ристалища богатыхъ князей изъ мѣди и серебра. На эти игрища сходились конечно только князья-богатыри, простой же народъ, которому не приличествовало вступать въ поединки со знатью, только созерцалъ потѣхи своихъ князей. Иногда кромѣ своихъ князей въ происходившихъ тутъ состязаніяхъ принимали участіе и сосѣдніе, даже чужеземные, богатыри, пришедшіе сюда ради пріобрѣтенія жены или изъ простаго желанія помѣряться силою съ тѣмъ или другимъ славнымъ богатыремъ.

Эти игры состояли въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ прыганьѣ черезъ натянутые между двумя столбами ремни, въ борьбѣ, въ бѣгѣ въ перегонку на лыжахъ, въ метаніи другъ въ друга каменныхъ глыбъ при помощи ноги и въ тому подобныхъ упражненіяхъ.

Отсутствіе тяжелаго труда, обильная пища и физическія упражненія сдѣлали изъ князьковъ людей гораздо болѣе приспособленныхъ къ войнѣ, чѣмъ были прочіе Остяки. Своимъ ростомъ и своей силой они ихъ значительно превосходили. Когда богатырь шелъ, земля дрожала; когда онъ ступалъ на половицы пола, онъ гнулись подобно кружку изъ тонкаго прута и, прибавляетъ остяцкій бардъ, «не укрѣпи ихъ хорошій плотникъ во время постройки при помощи желѣзныхъ и жестяныхъ скобокъ, не выдержали бы онѣ». Попадая стрѣлой въ толстые кедры, богатырь ихъ пробиваетъ насквозь; онъ перепрыгиваетъ черезъ ремни, натянутые на высотѣ нѣсколькихъ саженъ. Онъ безъ труда могъ засунуть цѣлое весло въ твердую землю. Когда онъ гребетъ, то однимъ взмахомъ весла проѣзжаетъ три поворота рѣки и оставляетъ позади себя такіе валы, что ими выбрасываются на поверхность воды все нельмы и осетры, находившіеся на днѣ.

Про легкость ногъ нѣкоторыхъ богатырей мы узнаемъ слѣдующее: въ одномъ сказаніи передается, что богатырь Салханъ, желая показать врагамъ быстроту своего бѣга, привязалъ къ своему поясу лопату на длинномъ ремнѣ. Когда онъ пустился бѣжать на лыжахъ, то лопатка перестала волочиться по землѣ и приняла горизонтальное направленіе. По мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ свой бѣгъ, лопатка все выше и выше поднималась на воздухъ и наконецъ витала надъ нимъ въ вертикальномъ положеніи—признакъ огромной быстроты, по остяцкой кинетикѣ, недостижимой для простаго смертнаго.

Богатырь, особенно отличившійся въ какомъ нибудь изъ этихъ воинскихъ упражненій, нерѣдко получалъ особое прозвище; оно, такимъ образомъ, увѣковѣчивало его подвиги, напр. одинъ Эмдерскій князь прозывался такъ: Х ѹ с а с ы л т е м т а в - д а н ч е м ѣ ѹ т м а ѣ ѹ р т, что значитъ по русски: «богатырь, разломавшій долго сушеное конское бедро». Онъ отличился при слѣдующемъ случаѣ. Однажды богатыри на сходѣ заспорили между собою, можетъ ли кто изъ нихъ переломить на колѣняхъ долго сушеное конское бедро и, когда никто не былъ въ состояніи этого исполнить, нашъ богатырь «со свирѣпыми руками и ногами», схватилъ конское бедро въ свои сильныя ладони и быстро раздробилъ его на семь кусковъ.

Приобрѣтенная князьями физическая сила и крѣпость организма передавалась по наслѣдству ихъ сыновьямъ и поэтому укрѣпляла въ простыхъ людяхъ мнѣніе объ ихъ превосходствѣ надъ ними и объ ихъ божескомъ происхожденіи. Отсюда происходило благоговѣніе Остяковъ передъ своими князьями. Улучшенію ихъ расы вѣроятно отчасти способствовали и ихъ обыкновенно экзогенетическіе браки. Аналогическіе случаи физическаго превосходства владетелей надъ подданными встрѣчаются весьма часто на востокѣ, напримѣръ въ Индіи.

Въ виду выше приведеннаго, въ описываемый періодъ времени слово «князь» было у Остяковъ тождественнымъ со словомъ «богатырь», и по-этому выраженіе *ûрт*¹⁾ употребляется въ былинахъ въ томъ и другомъ смыслѣ.

Увѣренные въ своей силѣ, они смѣло шли на встрѣчу врагамъ и любили опасности, преодоленіе которыхъ доставляло имъ новую славу. Иные изъ наиболѣе славныхъ богатырей совершали отдаленные походы въ чужія земли, напр. на сѣверъ—въ страну Самоѣдовъ (*ја р а н ѣ л е к*), на югъ—въ теплыя страны, куда осенью улетаютъ гуси и утки (*морда-мыг*). Другіе даже спускались въ подземное царство (*пѣтлім ѣмдер*), чтобы вести войну съ чертями (*кул'*), такъ напр. про могучаго богатыря Сонгхуша говорится, что во время своихъ походовъ онъ посѣтилъ всѣ 7 концовъ земли и что едва осталась площадь земли или воды имъ неизвѣданная. Онъ также спускался въ подземное царство и нанесъ «двулицымъ рукастымъ чертямъ», обитателямъ его, большой уронъ.

Несмотря на всю свою силу и свое мужество, богатыри въ случаѣ бѣды или неудачи часто падали духомъ и начинали плакать, что однако вовсе не считалось предосудительнымъ или несомвѣстнымъ съ ихъ достоинствомъ. Самый плачъ ихъ былъ впрочемъ богатырский: «онъ проливалъ изъ глазъ 6—7 пядей (*сурт*) слезъ», говорится въ знакомомъ намъ героическомъ сказаніи про богатыря Нангхуша. Иногда величину ихъ плача, какъ и многое другое, авторы былинъ сравнивали съ городскими воротами.

Замѣтимъ здѣсь кетати, что символомъ радости у прежнихъ богатырей былъ «рогъ» (*ойет*). Выраженіе «у меня вырастетъ золотой рогъ» означало: «я буду счастливъ» и наоборотъ, выраженіе: «у меня сломался рогъ» значило: «у меня приключилось большое несчастье!» Напримѣръ вотъ что кричитъ младшій сынъ Тяпарскаго князя своему врагу, сыну князя Нангхуша, когда тотъ не могъ пробить своими стрѣлами его кольчугу: «если бы я почувствовалъ твою стрѣлу, подобную волоску или былинкѣ, когда она меня поразила въ легкое груди, то на моей головѣ выросъ бы золотой рогъ!»²⁾ Другой героическій рассказъ передаетъ, что однажды Сатыжинскій князекъ Китворъ-отеръ плылъ по Иртышу съ семью лодками. Когда онъ проѣзжалъ мимо нынѣшнихъ Романовскихъ юртъ, мѣстный князекъ сталъ его вызывать на бой, но Китворъ крикнулъ ему: «Я сбилъ у тебя правый рогъ», намекая на то, что его люди въ недав-

¹⁾ Кастренъ приводитъ еще другое слово, означающее богатыря: *одап*, которому соответствуетъ вогульское *о лы п* и татарск. *алѣп*.

²⁾ «...Варес н'отен, пѹм н'отен, метет торыѣмѣвет пѣтмен, уѣмем ат, ѹгема сорнѣй ойет едѣт!».

ней схваткѣ убили его сына. Тотъ понялъ намекъ и, застонавъ, схватилъ себя за голову. О войнѣ онъ болѣе не помышлялъ.

Остяцкіе князья не были чужды и другихъ рыцарскихъ доблестей, такъ они свято соблюдали данное ими слово или клятву (н'ут, шар), даже по отношенію къ такимъ клятвопреступникамъ, какими были въ ихъ глазахъ Самоѣды. Это хорошо видно изъ слѣдующей фразы, произнесенной однимъ остяцкимъ богатыремъ, когда ему совѣтывали не церемониться съ Самоѣдами и убить ихъ, не смотря на клятву: «клятву мою я не нарушу; если Самоѣдъ желаетъ ее нарушить, то пусть нарушаетъ!».

Изъ другихъ ихъ качествъ бросается въ глаза извѣстное благородство въ ихъ привычкахъ, напр., сами они не исполняли никакихъ черныхъ работъ; на пирахъ они «брали концами пальцевъ одинъ-два кусочка (пищи) и уходили», предоставляя ее своимъ болѣе голоднымъ подданнымъ, которые пиروвали цѣлый мѣсяцъ. И, наконецъ, они по пустому слову не тратили, а гдѣ можно, отдавали приказанія движеніемъ руки или глазъ.

Жизнь человѣческая въ тѣ времена столь мало цѣнилась, что почти всякое недоразумѣніе, даже самого легкаго свойства, обыкновенно кончалось кровопролитіемъ. Не говоря уже о томъ, что убивали мужей, богатыри, разсердившись, не останавливались и передъ убійствомъ беззащитныхъ женъ и дѣтей, такъ, напр., въ одной былинѣ описывается, что остяцкіе богатыри, совершая походъ на сѣверъ, останавливались кое-гдѣ на берегу для отдыха и, если въ этомъ мѣстѣ имъ не оказывали должнаго гостепріимства и не боготворили ихъ, они оставляли послѣ себя «площади, усеяныя изрубленными тѣлами мужей и женъ». Побѣдивъ врага, они старались его искоренить, но стоило послѣднему изъявить покорность, пасть передъ побѣдителемъ на колѣни и просить о пощадѣ, какъ у богатыря-побѣдителя великодушіе брало верхъ надъ жестокостью, и онъ, полюбовавшись нѣкоторое время униженіемъ врага, поднималъ, обнималъ и оставлялъ его невредимымъ. На большомъ пиру, который послѣдній устраивалъ, принимали участіе войны обѣихъ сторонъ, празднуя такимъ образомъ миръ.

Къ представителямъ своего рода остяцкіе князья выказывали нѣжную привязанность. Мы уже видѣли, что они не оспаривали другъ у друга власти. Если кого-нибудь изъ нихъ убивали на войнѣ, то остальные о немъ сильно горевали и плакали и давали клятву отомстить за его кровь, даже если это имъ самимъ будетъ стоить жизни. Мстить за смерть отца или брата считалось священнымъ долгомъ каждого богатыря. Если почти весь родъ какого-нибудь остяцкаго князя истребленъ на войнѣ, то малыя дѣти и внуки его, когда подрастали и дѣлались мужчинами, узнавъ отъ стариковъ объ обидахъ, нанесенныхъ ихъ отцу или дѣду, собирали войско и шли войной на враговъ. Такое

ГЛАВА VI.

Простые люди и рабы.

О простых людях мало упоминается въ былинахъ. — Ихъ вооруженіе и военныя качества. — «Рабы» героическаго эпоса. — «Холопы» историковъ.

Простые люди (мыгдатѣхъ) составляли главную массу населенія каждаго маленькаго княжества, но упоминается о нихъ почти всюду мало; во многихъ былинахъ о нихъ даже и рѣчи не было. Происходить это отъ того, что подвиги ихъ представляли сравнительно съ богатырскими слишкомъ мало интереса. Впрочемъ эта черта остяцкаго эпоса характерна и для былинъ другихъ, даже болѣе культурныхъ народовъ, напр. въ Иліадѣ дѣйствующими лицами являются исключительно герои, простые же смертные обходятся почти полнымъ молчаніемъ.

Народъ жилъ въ селеніяхъ около городковъ и долженъ былъ поставлять военныхъ людей. Но, если богатыри, съ малолѣтства приученные къ воинскимъ упражненіямъ и опасностямъ, и охотно шли на войну, гдѣ они могли приобрести богатство и славу, простой народъ, не обезпеченный дома, подчинялся этой необходимости, какъ неизбѣжному злу, и поэтому при вербовкѣ солдатъ и въ землянкахъ прежнихъ Остяковъ происходили тѣ же сцены, какія еще недавно имѣли мѣсто въ любой деревнѣ при наборѣ рекрутъ. Авторъ одного героическаго сказанія описываетъ слѣдующій эпизодъ при вербовкѣ: «Гдѣ отецъ былъ плохъ, былъ зарубленъ ¹⁾ его сынъ, гдѣ сынъ былъ плохъ, зарубался отецъ. Гдѣ отецъ былъ зарубленъ, сынъ плачетъ, гдѣ сынъ былъ зарубленъ, отецъ плачетъ!» И дѣйствительно они гибли въ большомъ числѣ во время всякаго похода, о чемъ, впрочемъ, богатыри не очень заботились, такъ какъ жизнь ихъ не цѣнилась высоко.

Вооруженіе ихъ было хуже, чѣмъ у богатырей, и, вѣроятно, состояло изъ одного лука. Можетъ быть, они имѣли еще еловые и лиственничныя дубинки, о которыхъ нерѣдко упоминается въ былинахъ. Кольчугъ же они не имѣли и мечи по всему вѣроятію тоже составляли преимущественно принадлежность лицъ привилегированнаго сословія князей-воиновъ. Въ виду того они могли вступать въ состязанія только другъ съ другомъ и валились, какъ снопы, при столкновеніи съ богатырями. И обратно, быть убитымъ простымъ воиномъ считалось весьма оскорбительнымъ для богатыря. Вотъ въ какихъ словахъ одинъ богатырь, уставшій въ бою, взываетъ (къ Богу): «неужели Золотой свѣтъ, мой Отецъ,

¹⁾ Какъ мы видѣли выше, каждаго завербованнаго воина зарубали на деревьяхъ.

опредѣлить, чтобы простые воины содрали съ меня мою радужную головную кожу?»

Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ совершались браки у простыхъ людей и откуда они брали женъ. Судя по сохранившемуся отчасти у Остяковъ обычаю избѣгать взаимные браки между членами одного рода, можно предположить, что то же было и прежде; относительно князей же это достовѣрно извѣстно. Нѣкоторые, можетъ быть, добывали себѣ невѣсты во время походовъ ихъ князей, хотя объ этомъ ничего не говорятъ остяцкіе барды, не устаивающіе этихъ низкихъ людей своимъ вниманіемъ. Съ лицами княжескихъ фамилій они въ бракъ не вступали, какъ мы это покажемъ ниже.

Рабы и рабыни (теу, орт; теу-ней, орт-ней) составляли третью и, повидимому, самое малочисленное сословіе остяцкаго населенія. О нихъ мы еще меньше знаемъ, чѣмъ о простомъ народѣ. Происхожденіе ихъ намъ неизвѣстно но вѣроятно ихъ добывали на войнѣ.

Они производили всѣ домашнія работы въ княжескихъ домахъ; прислуживали князьямъ, готовили кушанье, заготавливали для дома дрова, ловили рыбу, смотрѣли за оленями, исполняли роль глашатаевъ при народныхъ собраніяхъ и т. д.

Число ихъ у отдѣльныхъ князей было не велико и потому на каждомъ изъ нихъ лежало нѣсколько обязанностей. Имъ тоже были присвоены прозвища, которыя часто имѣли отношеніе къ ихъ дѣятельности, напримѣръ одинъ изъ слугъ князька города Тапар-вошъ назывался: Анет ѳтый, сойнет ѳтый а ттада хуі, что значить: мужъ, несущій край блюда и край туеса, такъ какъ его главнымъ занятіемъ было прислуживать за столомъ. Довольно употребительный эпитетъ рабыни есть: Хѳт вѳр курд еу (или вѳрантем) орт-ней-іма т. е. рабыня, исполняющая домашнія работы.

Обращеніе съ рабами было, судя по всему, весьма гуманное: они были какъ бы младшими членами одной и той же семьи. Ни изъ одного сказанія, ни изъ одной былины не видно, чтобы ихъ господа обижали или притѣсняли.

Рабы и рабыни составляли частную собственность князей, которые могли съ ними распоряжаться, какъ хотѣли, такъ напр. ихъ иногда давали въ счетъ калыма отцу невѣсты.

Историки тоже упоминаютъ о «холопахъ» и «холопкахъ» остяцкихъ князей. Эти холопы были освобождены отъ платежа ясака въ пользу государственной казны и работали исключительно на своихъ господъ—князей. Въ иныхъ мѣстахъ это крѣпостничество усилилось при Русскихъ. Такъ, остяцкій князекъ Игичей Алачевъ вмѣстѣ съ Русскими неоднократно дѣлалъ набѣги на землю Кондинскихъ Вогульцевъ, грабилъ ее и увозилъ оттуда женъ, дѣтей и мужей въ холопы. Кромѣ того иногда и Московскіе государи дарили преданныхъ имъ князей холопами изъ ихъ подданныхъ, которые въ качествѣ крѣпостныхъ съ этихъ

поръ переставали платить казенный ясакъ и становились подсудны исключительно имъ, такъ напр., царь Феодоръ Ивановичъ пожаловалъ вышеупомяну- таго князя Игичея Алачева и Оншу Юрьева, его двоюроднаго брата, двумя волостями Васпакульскою и Калпакутскою въ 11 платежныхъ душъ мужескаго пола, причемъ послѣднія съ этихъ поръ стали ихъ крѣпостными.

ГЛАВА VII.

Положеніе женщинъ.

Затворничество дѣвицъ.—Занятіе дѣвицъ: рукодѣлье.—Красота ихъ.—Одежда.—Женихи— князья изъ др. городовъ.—Князья избѣгаютъ неравные браки.—Калымъ.—Невѣста устраи- ваетъ недоразумѣнія между отцемъ и женихомъ.—Сватовство.—Переговоры и обманы со стороны отца невѣсты.—Остяцкая княжна въ видѣ филина отыскиваетъ себѣ жениховъ.— Внѣшнее сходство богатыря съ рыцаремъ и отличія ихъ.—Свадебные обряды.—Танта-ней.— Подарки отца невѣсты.—Пріѣздъ молодыхъ въ домъ мужа.—Сравненіе остяцкой княжны съ древне-финской дѣвицей.

Положеніе женщинъ у прежнихъ Остяковъ было сходно съ тѣмъ, кото- рое мы встрѣчаемъ у древнихъ Славянъ. Когда дѣвица подросла и дости- гала брачнаго возраста, ее удаляли отъ взоровъ взрослыхъ мужчинъ. Съ этихъ поръ она до самаго замужества, а можетъ быть и до болѣе поздняго періода, вела затворническую жизнь. Но, такъ какъ въ тѣ времена у Остяковъ даже княжескія хоромы вѣроятно состояли изъ одной комнаты, то въ ихъ рас- поряженіе не могли дать терема или особой свѣтлицы, какъ это было въ Москвѣ, а имъ просто отводили одинъ изъ угловъ общаго жилища, отдѣ- ленный посредствомъ занавѣса или полога (саі), сдѣланнаго, смотря по до- статку хозяина, изъ болѣе или менѣе дорогой матеріи. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ такой пологъ изъ шелка и украшенный изображеніемъ солнца и мѣ- сяца, въ другомъ онъ весь увѣшанъ бубенчиками (кѳуліи саі, цѳихліи саі): они пріятно звенѣли при всякомъ его движеніи, наконецъ историкъ Миллеръ передаетъ намъ, что у одного вогульского князька съ Конды была «завѣса дорогинена, опушенная камчишкою двоелишиною» ¹⁾

Когда дѣвицамъ случалось показываться на улицѣ, онѣ по всей вѣро- ятности покрывали свое лицо платкомъ, чтобы скрыть его отъ непосвящен- ныхъ взоровъ, что и понынѣ отчасти водится среди инородцевъ Березовскаго округа. У простаго народа вѣроятно этотъ обычай менѣе соблюдался: оно было затруднительнѣе по ихъ относительной бѣдности. Это обстоятельство послу- жило причиной слѣдующаго эпизода, описаннаго въ одной былинѣ: Богатырь,

¹⁾ «Ист. Сибири» Г. Миллера, стр. 201.

собравшіяся на войну, при выѣздѣ изъ своего города, встрѣчаетъ толпу дѣвицъ, очевидно изъ простаго народа, долго ими любуется и впадаетъ въ размышленіе о томъ, какъ въ сущности безразсудно вести своихъ воиновъ на погибельную войну или, какъ онъ фигурно выражается, «въ пасть мамонтовъ», чтобы добыть себѣ невѣсту, когда передъ нимъ цѣлая толпа красивыхъ дѣвицъ. Впрочемъ его размышленія не были продолжительны. Братъ его пристыдилъ въ малодушіи и онъ, покрывъ лицо свое платкомъ, — признакъ стыда, — погналъ оленей впередъ.

Освобожденные въ слѣдствіе своего затворническаго образа жизни отъ многихъ домашнихъ работъ, дѣвицы однако не проводили время въ праздности. Однимъ изъ главныхъ ихъ занятій было вышиваніе и шитье, — искусство, въ которомъ онѣ достигали значительной степени совершенства. Такъ о рукавицахъ, сшитыхъ одной остяцкой княжной, говорится: «гдѣ шовъ былъ шить, незамѣтно; какъ онѣ были сдѣланы, не видно, или ужъ онѣ въ такомъ видѣ и произошли». Богатырь остяцкій гордится, если у него есть «руководѣльница дочь, держащая иглу въ концахъ пальцевъ». Этимъ же искусствомъ остяцкая княжна прельщаетъ и молодыхъ князей. Однимъ словомъ и у этого дикаго народа трудолюбіе играло не послѣднюю роль въ достоинствахъ невѣсты, хотя конечно первое мѣсто занимала красота.

«Златоглазая, бровастая дочь мужа полуденной страны» (Морда-мыгхоі¹⁾ сорні-сѣм хут'мет-наі) есть весьма распространенный эпитетъ остяцкой княжны, причемъ послѣднія слова этого выраженія здѣсь употреблены въ смыслѣ: «подобная красавицамъ полуденныхъ странъ». Значеніе другого эпитета красавицы: ѹдед-ѹх сѣветым наі мнѣ не вполне понятно. Красоту дѣвицъ сравниваютъ также съ восходящимъ солнцемъ и состоящимъ на небѣ мѣсяцемъ.

Не менѣе цѣнилась и молодость невѣсты, поэтому самой красивой изъ нѣсколькихъ сестеръ всегда считалась младшая.

Выдѣленію красоты остяцкихъ княженъ безъ сомнѣнія не мало способствовали и красивыя дорогія одежды, которыя онѣ носили²⁾. Изъ нихъ упо-

¹⁾ Морда-мыг южная страны, куда на зиму улетають утки и гуси. Въ сѣв. Сибири онѣ извѣстны подъ названіемъ: «теплыя воды».

²⁾ Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ медвѣжьей пѣсни, гдѣ описывается дорогая женская одежда прежнихъ Остяковъ, хотя прибавимъ, что эта пѣснь не носитъ столь древняго характера, какъ былины:

„Пах лейеја хатаја ман те-чуг'ем.

„Пах лейа-ја, хатаі, хатаі ѹсен!

„Нуі анкенна јокеајем,

„Тіг'ем—вахта сѣлына јокеајем.

„Нуі анкенна јокеајем,

„Танкем пѹну сыкыі нујат јокеајем.

„Нуі анкенна јокеајем,

„Танкем кунг'а кевыі н'ірат јокеајем.

минаются рубашки (jir нас) съ пестрой вышивкой, ¹⁾ вѣроятно приготовленные изъ крапивной пряжи; дорогія платья и сапоги, украшенные металлическими подѣлками и бисеромъ (кеу) ²⁾ и суконные кафтаны (нуі). Употребляли онѣ также на свои наряды и цѣнный шелкъ (жермак) и камку (хамха). Особенно роскошно наряжались невѣсты. Болѣе зажиточныя изъ нихъ одѣвали въ день свадьбы и отъѣзда изъ родительскаго дома семь рубашекъ и семь суконныхъ кафтановъ, одни поверхъ другихъ.

Относительно душевныхъ качествъ остяцкой женщины мы знаемъ, что она была любящей дочерью, покорной женой и нѣжной матерью, что будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Какъ и у весьма многихъ другихъ некультурныхъ народовъ, для заключенія брака не требовалось, ни согласія дѣвицы, ни ея матери и, разъ женихъ (вей-хоі) былъ на лицо, все дѣло рѣшалъ съ нимъ одинъ ея отецъ, а за отсутствіемъ его—старшій братъ ея. Въ виду того, что въ каждомъ городкѣ княжилъ всего одинъ родъ, между сородичами не допускалось взаимныхъ браковъ.

Въ качествѣ жениховъ остяцкихъ боярышень, если такъ можно выразиться, являлись сыновья другихъ остяцкихъ и самоѣдскихъ богатырей, прѣзжавшіе свататься за той или другой красавицей, слухъ о которой широко разносился. Такъ, о славномъ богатырѣ Сонгхунгѣ въ былинѣ говорится, что онъ въ молодости «семь концовъ земли посѣтилъ, чтобы сватать косатыхъ дѣвицъ за хорошіи калымъ».

„Нуї анкенна jокеајем,
„Тегет-вѣје ханг'еп jірнас jокеајем.

„Нуї анкенна jокеајем,
„Орнй-вѣје ханг'еп тагат jокеајем.
„Іемеаі пѣлка кѣдем вег хѳтат татна,
„Пынаі пѣлка ѳнтыі кѣт ман тот ведем“!

„Къ бѣдному мальчику, мертвому (отъ страха), я подошелъ.
„Мальчикъ бѣдняжка! ты покойникъ!
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Со звенящимъ серебромъ она для меня плясала.
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ суконномъ кафтанѣ, пушистомъ, какъ бѣличій мѣхъ, она для меня плясала.
„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ сапогахъ, украшенныхъ бисеромъ, подобнымъ ноготкамъ бѣлки, она
для меня плясала.

„Твоя мать въ честь меня плясала,
„Въ рубашкѣ, украшенной рисунками птицъ, она для меня плясала.
„Твоя мать для меня плясала,
„Въ платкѣ, украшенномъ лѣсными звѣрьми, она для меня плясала.
„Если сила правой руки у меня кончится,
„Я своей лѣвой рукой тогда за нее (т. е. за дюльку) возьмусь“.

¹⁾ тегет—вѣје ханг'еп jірнас—„рубашка съ рисункомъ птицъ“.

²⁾ кеу собственно значить „камень“.

Вступитъ же въ бракъ съ дѣвицей изъ простаго званія, не говоря уже о рабынѣ, не рѣшался ни одинъ остяцкій князекъ, до того это считалось предосудительнымъ и въ то же время унижительнымъ для его княжескаго достоинства. Эту разницу понимали и простые люди и не претендовали на подобные браки. Такъ, дѣвица, которую старый Нангхунгъ обманнымъ образомъ передалъ жениху вмѣсто своей дочери, уклоняясь отъ его ласокъ, говоритъ: «я женщина, носящая простое платье, я женщина, носящая простую обувь» и прибавляетъ, что его невѣсту, княжну, отдали замужъ на самоѣдскую сторону. Этихъ словъ было достаточно, чтобы моментально расхолодить жениха. Онъ идетъ къ своему брату и, жалуясь на происшедшее, прибавляетъ: «Какихъ рукодѣльницъ-рабынь у насъ нѣтъ въ нашемъ Тяпарскомъ городѣ мужа Іаветта-кѣтпе-хуі. Жилъ ли я, мужъ, обладающій силою въ славныхъ суетавахъ рукъ, съ рукодѣльницей-рабыней?»

Аналогично этому, весьма вѣроятно, что и знатныя дѣвицы могли сдѣлаться женами только лицъ княжескаго званія.

За красивыхъ дѣвицъ отцы ихъ требовали большіе выкуны (на югѣ та н; на сѣв. калым), и хорошій женихъ обыкновенно немедленно выплачивалъ просимый калымъ. Онъ состоялъ въ холопахъ, оленяхъ, дорогихъ шелковыхъ матеріяхъ, въ оружіи, въ цѣнныхъ металлахъ, котлахъ и тому под. Размѣръ калыма зависѣлъ главнымъ образомъ отъ богатства и знатности отца невѣсты: чѣмъ богаче онъ былъ, тѣмъ требовательнѣе онъ являлся по отношенію къ своему будущему зятю. Напр. за одну дѣвицу отецъ ея получилъ металломъ и товаромъ цѣну 100 рабовъ, 100 кольчугъ, 100 мечей, 100 топоровъ, 100 ножей и 100 котловъ, что по тогдашнему времени представляло огромную сумму.

Другой отецъ говоритъ своему будущему зятю: «нанесите когтистой бѣлки, красной и черной рухляди, чтобы съ головой покрыть сидящаго человѣка, тогда я отдамъ мою дочь безъ всякаго выкупа». Последнія слова прибавлены очевидно въ видѣ шутки.

Но далеко не всегда дѣло кончалось уплатой калыма. Часто отецъ, по мѣрѣ уступчивости жениха, становился все требовательнѣе, и нерѣдко свадебные переговоры оканчивались кровопролитіемъ, такъ какъ всякій богатырь, отправляясь свататься, для большей удачи своего предпріятія бралъ съ собой войско. Въ былинѣ, изъ которой мы только-что привели размѣръ калыма, такимъ образомъ описывается подобное столкновеніе между отцемъ невѣсты и его зятемъ: „когда отецъ ея вышелъ на улицу, чтобы ее (невѣсту) проводить онъ потребовалъ отъ зятя золотую, блестящую кольчугу. «Я присутствовалъ на 177 свадьбахъ, и нигдѣ отъ меня не требовали золотой, блестящей кольчуги, сказалъ тотъ. Будемъ сражаться топоромъ и мечемъ!»

Они повернули свои большія лодки съ раздвоенной кормой и стали сражаться».

Нерѣдко также случалось, что отецъ, получивъ калымъ, передавалъ жениху не дочь свою, а какую-нибудь дѣвицу изъ простаго званія и часто некрасивую и старую. Женихъ скоро открывалъ обманъ и съ угрозой требовалъ возстановленія своихъ правъ, причемъ въ случаѣ отказа или вторичнаго обмана съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ отправлялся отыскивать свою невесту (мен'-н ей) и не щадилъ никого изъ попадавшихся ему на пути. Но такъ какъ отецъ невесты прибѣгалъ къ подобнымъ обманамъ обыкновенно лишь тогда, когда надѣялся на свою силу, то сватовство часто оканчивалось битвой.

Впрочемъ, если дѣвица любила жениха, то она старалась не доводить ихъ спора до кровопролитія, а если это все-таки случалось, то своимъ присутствіемъ и своими нѣжными рѣчами старалась смягчить гнѣвъ побѣдителя и тѣмъ спасти жизнь отцу или жениху. Вотъ какимъ образомъ знакомая намъ младшая дочь богатыря Нангхуша успокаиваетъ гнѣвъ свата ¹⁾ своего жениха, побѣдившаго его отца и брата и готовившагося ихъ умертвить. „Она обнимаетъ его руки и ноги и говоритъ: «Сынъ Іаветта-кѣтпе-хуі и Т'апарской женщины и деверь мой! Хотя я тебя и не кормила молокомъ изъ моей груди (и тебя вскормили при помощи рожка) ²⁾, скажу-ли я одно слово или два, выслушай меня, вѣдь я происхожу изъ рода князей и богатырей. Когда ты отправился въ Т'апарскій городъ мужа Іаветта-кѣтпе-хуі, и у тебя одежда, украшенная металлическими бляхами и бисеромъ, износится, разъ ты сдѣлаешь съ отца и брата моего ихъ радужно-отливающуюся головную кожу и сдѣлаешь меня круглой сиротой, то кто одѣнетъ твоихъ 300 воиновъ въ дорогія одежды и дорогую обувь и мнѣ, чтобы нарядиться, какъ подобаетъ невестѣ, кто доставитъ мнѣ платья?»“ Эти слова ее имѣли такой успѣхъ, что свать поднялъ съ земли стоявшихъ передъ нимъ на колѣняхъ богатырей, обнялъ ихъ, и миръ былъ возстановленъ.

Сватовствомъ руководилъ самъ женихъ и его ближайшіе родственники мужскаго пола. Они его всегда сопровождали въ подобныхъ предпріятіяхъ. Называются они въ былинахъ обыкновенно татарскимъ словомъ ханымъ, что въ данномъ случаѣ означаетъ «свать». Они выставляли отъ себя 2—3 людей, пословъ, при помощи которыхъ и вели переговоры съ отцемъ невесты. Последние были извѣстны подъ именемъ ворт-јахъ (sing. ворт-хуі), и часто были вооружены посохами (сеу, сѹ). Обыкновенно поступали такимъ образомъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ ставили они изъ своихъ людей, другихъ выбирали изъ

¹⁾ Онъ же его братъ.

²⁾ Эта фраза нѣсколько неясна.

подданныхъ отца невѣсты. Переговоры были необходимы даже въ томъ случаѣ, если отецъ невѣсты былъ согласенъ на бракъ, такъ какъ достоинство его требовало, чтобы онъ не выказывалъ особой готовности отдать свою дочь. По этой же причинѣ онъ иногда не принималъ первыхъ двухъ послѣ и высказывалъ свои условія только третьему.

Чтобы нагляднѣе показать, какимъ образомъ велись эти переговоры и къ какимъ изобрѣтеніямъ прибѣгалъ отецъ невѣсты, чтобы обмануть жениха, приведемъ отрывокъ изъ одного героическаго сказанія: „Когда стало свѣтать, они (т. е. два богатыря, пришедшіе сватать невѣсту) позвали одного изъ здѣшнихъ людей и поставили одного изъ своихъ, чтобы передавать вѣсти. Они пришли къ старому Кровавому богатырю Нангхушу и сказали: «Отноительно младшей дочери твоей, дѣвицы, какая у тебя вѣсть, какое слово, эту вѣсть, это слово ты намъ выскажи». Старикъ сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшую дочь стараго богатыря Нангхуша, дѣвицу, съ землянымъ тѣломъ въ чистомъ одѣяніи я уже давно похоронилъ. Въ страну столь отдаленную, что добраться туда не по силамъ даже звѣрю, кто отнесъ бы къ вамъ мою вѣсть, мое слово и вашу вѣсть, ваше слово, кто бы доставилъ ко мнѣ? Эту рѣчь, эти слова, отнесите имъ!» Они вернулись и тамъ сказали: «Младшей дочери Кроваваго богатыря Нангхуша обратившееся въ прахъ тѣло уже давно погребено въ чистыхъ одѣяніяхъ». Сыновья богатыря Іаветта-кѣтпехуі сказали: «Если ея землистое тѣло онъ похоронилъ въ чистыхъ одѣяніяхъ, то пусть намъ дадутъ 10 людей съ лопатами и 10 людей съ топорами, чтобы ее вырыть. Принесенное для нея золото и серебро, предназначенные для нея шелкъ и камку мы ей положимъ. Пусть тогда пропадутъ славные суставы ея тысячи костей (въ такомъ видѣ), какъ ихъ мать родила! Эту вѣсть отнесите Кровавому богатырю, старику Нангхушу!» Кровавый богатырь, старый Нангхушъ, опустивъ голову, сидѣлъ, сидѣлъ и сказалъ: «Младшая дочь богатыря Нангхуша, дѣвица, еще сосетъ материнскую грудь». Эта рѣчь была туда передана. Сыновья богатыря Іаветта-кѣтпехуі отвѣчали: «Въ нашемъ городѣ мужа Іаветта-кѣтпехуі мы имѣемъ много сѣдоголовыхъ женщинъ, много бѣлоголовыхъ женщинъ, пусть она тамъ сосетъ молоко изъ груди, пусть она тамъ питается молокомъ изъ рожка». Рѣчь эта была передана Кровавому богатырю, старому Нангхушу. Онъ сказалъ: «У младшей дочери Нангхуша, дѣвицы, растущіе суставы рукъ еще не выросли, растущіе суставы ногъ еще не выросли!» Оба сына богатыря Іаветта-кѣтпехуі отвѣтили: «Ея растущіе суставы рукъ, ея растущіе суставы ногъ мы сами вырастимъ» «.

Видя такую рѣшимость жениха, отецъ невѣсты какъ бы уступилъ и пригласилъ сватовъ придти, чтобы вести переговоры, а самъ приказалъ своимъ людямъ столпиться на дорогѣ и не пропускать ихъ. Сваты-богатыри, однако,

съ обнаженными мечами проложили себѣ путь сквозь толпу. Ихъ встрѣтилъ отецъ невѣсты, они обнялись, условились о цѣнѣ за невѣсту и устроили свадебный пиръ. Когда народъ ушелъ, женихъ приблизился къ пологу и, бросивъ старухѣ, стерегшей входъ въ помѣщеніе невѣсты, серебряныя и золотыя деньги, вошелъ туда. Невѣста остается нѣма къ его ласкамъ и когда онъ, разсерженный, грозитъ разрубить ее на двѣ части, она ему открываетъ, что она дѣвица изъ простаго званія и что княжна, ради которой онъ сюда пріѣхалъ, уже недѣлю, какъ отдана отцемъ одному самоѣдекому богатырю и притомъ безъ калыма. Женихъ негодуетъ. На разсвѣтъ другого дня оба брата-богатыря собираются нагнать Самоѣдовъ, а отцу невѣсты грозятъ разорить на возвратномъ пути его городъ ¹⁾).

Какъ же сама невѣста относилась къ своимъ женихамъ? Было-ли ей безразлично за кого выдти замужъ, разъ она не имѣла возможности видѣть ни одного богатыря? Этотъ довольно интересный вопросъ имѣетъ въ былинахъ и героическихъ сказаніяхъ Остяковъ вполне опредѣленный и притомъ отрицательный отвѣтъ. Остяцкая невѣста среднихъ вѣковъ не могла согласиться, чтобы ея чувствами торговали, какъ товаромъ, какъ это бывало на самомъ дѣлѣ, и сама дѣлаетъ свой выборъ. Запертая дома въ одной комнатѣ съ родителями и отдѣленная отъ постороннихъ глазъ пологомъ, она все же находила средство отыскать себѣ жениха и прельстить его своими талантами.

Принадлежа къ роду вѣщихъ князей, она тоже умѣетъ превращаться на время въ разныхъ животныхъ. Любимый образъ, чаще всего ею принимаемый, образъ филина. Глухой ночью, когда вся семья покоится въ глубокомъ снѣ, она въ видѣ филина покидаетъ свое убожище, взявъ съ собою образцы своего рукодѣлья, и летитъ въ городъ, гдѣ, по слухамъ, живетъ тотъ или другой славный богатырь. Здѣсь она садится на вершину козуристой лиственницы,—она обыкновенно растетъ среди города—и поджидаетъ богатыря. Тотъ выходитъ на улицу, и филинъ вступалъ съ нимъ въ разговоръ. Въ одной былинѣ невѣста прямо открывается богатырю, показываетъ ему свое рукодѣлье и проситъ освободить ее отъ предстоящаго ей ненавистнаго брака. Вотъ ея слова: «Князь, носящій внушающую страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, (т. е. кольчугу) въ тотъ день, когда ты родился, я родилась, въ тотъ день, когда я родилась, ты родился. Небесный Отецъ и Небесная Мать предопредѣлили намъ быть вмѣстѣ.

¹⁾ Скажемъ къ слову, что къ подобнымъ обманамъ при сватовствѣ прибѣгали нерѣдко и у древнихъ народовъ. Вспомнимъ хотя бы рассказъ о сватовствѣ Іосифа за Рахилью. И еще недавно подобныя дѣла производились на Кавказѣ, причемъ прибѣгать къ обманамъ, чтобы выдать дѣвушку за мужъ, не считалось дѣломъ предосудительнымъ.

Если ты имѣешь намѣреніе меня взять, то не мѣшай, пока вскипитъ кипящій котелъ, не жди, пока будетъ готовъ долговременный котелъ ¹⁾). Кровавый богатырь, старый Нангхушъ, мой отецъ, желаетъ отдать меня безъ выкупа къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли». Богатырь проводитъ бессонную ночь, а на другой день отрядъ воиновъ съ князьями во главѣ направляется на сѣверъ къ городу стараго Нангхуша. Съ происходившимъ тамъ сватовствомъ мы уже знакомы изъ предыдущаго.

Въ другой былинѣ филинъ-княжна говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Появленіе филина и разговоръ его съ молодымъ княземъ здѣсь весьма поэтичны, но къ сожалѣнію въ русскомъ переводѣ теряются многія изъ особенностей остяцкаго поэтического языка. Филинъ начинаетъ свою рѣчь такими словами: „Выбранный изъ среды 80 мужей съ оленьими ногами, съ опущенными косами, косатый Ягъ ²⁾), до какихъ поръ ты будешь вставать (такъ рано) ³⁾), какъ встаютъ одинокія вдовицы?». Онъ отвѣчаетъ: «Красавица дѣвица, которую я бы взялъ въ жены, еще не родилась». Но филинъ сказалъ: «Про красавицу по твоему выбору я своимъ долгимъ ухомъ хорошую вѣсть слышалъ». Я отвѣчалъ: «Гдѣ же ты слышалъ про красавицу по моему выбору?» Филинъ отвѣчалъ: «Текутъ богатырскія воды инейнаго Эмдера съ незамерзающими берегами ⁴⁾). Въ усѣянной мелкой галькой, чистой Оби широкія воды онѣ пали. Потекли впередъ усѣянной галькой чистой Оби обширныя воды. Въ священныя воды потока, раздвоеннаго на подобіе разбѣгающихся песцовъ, онѣ пали. Развилистаго потока священныя воды впередъ потекли. Въ богатырскія воды красноводнаго (потока) онѣ пали. Красноводнаго потока богатырскія воды впередъ потекли. Въ священный соръ, куда опустился божественный туманъ, онѣ пали. На полуденномъ берегу священнаго сора, куда опустился божественный туманъ, на славной сторонѣ, стоитъ богатырскій городъ Кары-пѣснат-вош. Власть въ немъ дер-

¹⁾ Промежутокъ времени, необходимый для того, чтобы вскипѣлъ котелъ, считался у Остяковъ небольшою единицею времени.

²⁾ Хôрум-курне нѣтеôт ѳрт кудѣва піріідем, сѣвет патѣем сѣвей Јаг.

³⁾ «Нот перай јôгот хар хуна-ванта нуй кѣттен?» Значеніе первой половины этой фразы не вполне ясно, въ виду чего и выпущено. Оставлены безъ перевода и отдѣльныя слова дальнѣйшаго изложенія, темныя по смыслу.

⁴⁾ Здѣсь филинъ описываетъ систему рѣкъ южной части Березовскаго и сѣверной части Тобольскаго округа, по которымъ надо проѣхать изъ города Эмдера въ г. Кариноспать. Путь начинается съ Эмдерской протоки, которая впадаетъ въ Обь, отсюда ѣдутъ вверхъ до впаденія Иртыша. По Иртышу поднимаются до Конды и отсюда въ ея нижнее теченіе или такъ называемый «Кондинскій соръ», который весной и лѣтомъ представляетъ изъ себя огромное водное пространство, длиною въ 60 верстъ и шириною въ отдѣльныхъ мѣстахъ до 8 верстъ. На южномъ берегу этого сора, въ 7 верстахъ къ низу отъ Камовыхъ юртъ, видны слѣды прежняго городка Кариноспата.

жить трехсотлѣтній, дряхлый богатырь-старикъ ¹⁾). Онъ строгаеъ черенъ стрѣлы. Въ пѣсенномъ домѣ 7 сыновей здѣсь укачивали. Главные въ домѣ три старшихъ сына; имя имъ дано: «Въ воду идущіе и рыбу крючащіе богатыри». Среднему сыну имя было дано: «На пирѣ поздно приходящій и саблей раны наносящій богатырь». Послѣ семи богатырей въ берестяной зыбкѣ съ красивой спинкой кого пинали (укачивали)? Полуденныхъ странъ златоглазую, бровастую красавицу здѣсь пинали. Здѣсь я слышалъ своимъ долгимъ ухомъ про красавицу по твоему выбору. Если вы имѣете желаніе, то отправляйтесь. Снаряжайтесь на военную и на сватовскую ногу». Старый филинъ повернулся къ полудню, къ славной сторонѣ, взмахнулъ три раза своими дорогими крыльями, только его и видѣли⁴. И, какъ въ первомъ случаѣ, богатырь немедленно отправляется по указанному филиномъ пути добывать свою невѣсту.

Дѣлая самое дѣвицу виновницей походовъ князей, остяцкая народная фантазія тѣмъ самымъ облагораживаетъ, какъ личность богатырей, такъ и цѣли ихъ походовъ. Они являются передъ нами уже не грубой силой, которая знаетъ только свои личные интересы и пользуется для достиженія своихъ цѣлей золотомъ и мечемъ, а въ видѣ защитниковъ красавицъ, освобождающихъ послѣднихъ отъ произвола отца и братьевъ и отъ ненавистныхъ жениховъ. Они, такимъ образомъ, приобрѣтаютъ нѣкоторое сходство съ средне-вѣковыми рыцарями, которые совершали разные трудные подвиги, чтобы освободить своихъ возлюбленныхъ отъ опасностей. Это сходство тѣмъ нагляднѣе, что и остяцкіе богатыри совершали во время своихъ походовъ много подвиговъ, которые имъ въ средніе вѣка могли бы доставить презвище «рыцарей безъ страха и упрека».

Есть впрочемъ не мало и отличій въ характерѣ и взглядахъ рыцарей и остяцкихъ богатырей, именно, что, несмотря на вышнее сходство, послѣдніе были значительно грубѣе: придя въ гнѣвъ, они не щадили ни женщинъ, ни дѣтей и, кромѣ того, имѣли смутное понятіе о возвышенной любви рыцарей, если они вообще какое-либо имѣли. Именно ни въ одной былинѣ не встрѣчается слово «любовь». Но и здѣсь почти во всѣхъ былинахъ бракъ по склонности увѣнчивалъ подвиги богатырей.

Если дѣвицу отдавали другому, пока успѣвалъ придти ея избранникъ, она всѣми мѣрами старалась отерочить свой отъѣздъ изъ отцовскаго дома. Если это не удавалось, она употребляла всѣ усилія, чтобы дольше сохранить свою дѣвственность и дать возможность выручить ее жениху. Это случилось, напримѣръ, съ дочерью стараго богатыря Нангхуша, которую отецъ противъ воли отдалъ на самоѣдскую сторону. Всѣ ея старанія отстоять свою свободу

¹⁾ Имя его приведено выше.

остались тщетны и, отправляясь со своимъ женихомъ въ его сторону, она на гладкомъ пескѣ, намытомъ водой рѣчнаго разлива, написала: «Къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли меня увезли, ломая мнѣ руки, ломая мнѣ ноги. Если сыновья богатыря *Jâvetta-kê tpe-xu i* сюда придутъ, то пусть не мѣшкуютъ, пока вскипитъ кипящій котелъ, пока поспѣетъ долговременный котелъ». Далѣе мы застаемъ ее въ пологѣ (*û da n*) вмѣстѣ съ ея мужемъ-Самоѣдомъ на полпути въ его городъ. Остяцкіе богатыри въ это время настигаютъ Самоѣдовъ, и ея нареченный подкрадывается къ ихъ общему положу и прислушивается. Въ пологѣ между тѣмъ происходитъ борьба между Самоѣдомъ и его женой. Она устранивается отъ его ласкъ. Она говоритъ: «Какъ мать родила, мой дѣвственный поясъ я не дамъ тебѣ развязать среди темно-древеснаго урмана. Когда мы пріѣдемъ въ священный городъ, жилище самоѣдскихъ мужей, тогда развяжи мой дѣвственный поясъ; многочисленные сѣдоголовыя и бѣлоголовыя старухи поднесутъ мнѣ чашу съ пѣнящимся отверстіемъ и дадутъ мнѣ серебряныя и золотыя деньги».

Самоѣдъ не соглашается съ ея доводами и, они опять борются. Женихъ ея слѣдитъ за борьбой и въ удобный моментъ наноситъ ему ударъ саблей, отрубаетъ ему ноги по колѣна и освобождаетъ свою невесту.

Этотъ эпизодъ для насъ въ томъ отношеніи интересенъ, что показываетъ, что у Остяковъ въ тѣ времена цѣломудренность была необходимымъ качествомъ невесты. Къ сожалѣнію, это не правило настоящаго времени.

Въ чемъ состояли самые свадебные обряды, до насъ не сохранилось. Извѣстно только, что невеста не принимала участія въ общемъ пиршествѣ, а сидѣла въ своемъ углу за занавѣсомъ. Жениха же подчивали, какъ могли, и когда онъ, по окончаніи пира, входилъ въ помѣщеніе невесты, ему и туда трудолюбивая рабыня подавала блюдо съ славными яствами, такъ по крайней мѣрѣ описывается въ одномъ сказаніи. Какую роль играетъ мать при заключеніи брака, мы не знаемъ, но былъ обычай, чтобы женихъ, кромѣ платы за дѣвицу ея отцу, выкупалъ ее еще отъ старухи, которая охраняла входъ за занавѣсью. Женихъ давалъ ей денегъ, послѣ чего она отходила, и роль ея кончалась. Въ данной былинѣ этотъ эпизодъ описывается такимъ образомъ: «Отверстіе занавѣса охраняется сѣдоголовой, бѣлоголовой старухой. Онъ схватилъ отверстіе занавѣса и пошевелилъ его три раза. Старуха отстранилась (отъ отверстія занавѣса), онъ далъ старухѣ серебряныя и золотыя деньги и вошелъ за занавѣсъ».

Судя по имѣющимся у насъ фактамъ, видно, что послѣ свадьбы женихъ съ невестой проводили нѣкоторое время въ домѣ родителей ея, и потомъ уже они уѣзжали на саняхъ или на лодкѣ въ городъ жениха. При этомъ конечно молодую провожалъ ея отецъ. Выраженіе «выдать замужъ»

передается на остяцкомъ языкѣ черезъ слово *омдем* (*fut. омыттам*), что собственно значить «посадить» ¹⁾, можетъ быть отъ того, что отецъ, передавая ее жениху, усаживалъ ее въ сани или лодку.

У нынѣшнихъ же Остяковъ южнаго племени существуетъ оригинальный обычай; — послѣ свадьбы невѣста остается 2 — 3 недѣли въ домѣ отца, а женихъ проживаетъ дома, причемъ продолжаетъ свои обычные занятія. Въ объясненіе этого страннаго обычая Остяки замѣчаютъ, что невѣста пользуется этимъ временемъ, дабы приготовить себѣ приданое.

Чѣмъ больше за дѣвицу давали калыма, тѣмъ болѣе почета ей было; это правило остается справедливымъ и по настоящее время. Съ другой стороны, женихъ старался безъ торга выплатить требуемую сумму, что считалось въ свою очередь долгомъ чести, но, конечно, если мѣра не превзойдена и если онъ не видѣлъ въ чрезмѣрной цѣнѣ средства отдѣлаться отъ него. Иногда, впрочемъ, случалось, что остяцкихъ княженъ отдавали и безъ калыма, напр., если отецъ ее почему-либо нуждался въ женихѣ, боялся-ли его силы, или искалъ въ немъ союзника. Можетъ быть и въ томъ случаѣ, если дѣвица себя скомпрометировала и не могла рассчитывать на выгодную партію, какъ это бываетъ у Остяковъ въ настоящее время. Но, какъ-бы то не было, сама дѣвица обыкновенно была этимъ не довольна. Въ словахъ вышеупомянутой остяцкой княжны, дочери Нангхуша: «мой отецъ хочетъ меня отдать безъ выкупа къ многочисленнымъ мужамъ самоѣдской земли» мы не только видимъ жалобу ея на своевольное распоряженіе ея чувствами, но и обиду, что ее отдаютъ, какъ недостойную невѣсту, безо всякаго выкупа. Дѣвица, за которую не брали цѣны, называется въ остяцкой поэзіи; *танта-ней*, *пунта-ней* ²⁾).

Въ качествѣ обратнаго дара отецъ невѣсты тоже кажется дѣлалъ молодымъ подарки при ихъ отъѣздѣ, не говоря уже о томъ, что если сватовство кончалось войной, въ которой бралъ верхъ женихъ, онъ требовалъ отъ него кромѣ дочери еще дары въ видѣ возмездія. Иногда, для болѣе убѣдительности, онъ поручалъ это дѣло своей невѣстѣ т. е. его дочери, которая умѣла его разнѣжить и склонить къ уступкамъ. Вотъ какую комедію разыграла извѣстная намъ княжна, младшая дочь стараго Нангхуша по совѣту своего мужа. Передадимъ это словами былины: „Насталъ день возвращенія воиновъ, насталъ день возвращенія сватовъ. Жена его, схвативъ себя за волосы, бросила

¹⁾ Но также «поставить» и «положить». Для выраженія «выдать за мужъ» есть и другіе глаголы, напр. *танідем*.

²⁾ Первое слово состоитъ изъ *тан*-калымъ, окончанія *caritiv'a-та* и *ней*—женщина. Образовано оно аналогично русскому слову «безприданница». «*Танта-ней*» могло бы соответствовать выраженію «безкалымница».

себя на половицы дощатаго пола (и сказала): «Батюшка, я собираюсь отправиться къ хлѣбороднымъ источникамъ чужеземной страны, къ рыбнымъ источникамъ чужеземной страны. Буду-ли я матерью сыновей или дочерей, когда я прибуду въ городъ богатырей *Лаветта-кетте*, то сѣдоголовые женщины и бѣлоголовые старцы будутъ меня спрашивать: младшая дочь князя *Нангхуша*, молодица! то, что ты привезла изъ отцовскаго дома, дай сюда! Батюшка! что я тогда дамъ? Дай мнѣ серебряный листъ, подъ которымъ могутъ укрыться 300 человѣкъ, тогда я пойду; если не дашь, не пойду, и пусть меня разрубить на двѣ части и я буду плавать въ крови!

Эти слова, рассчитанные на то, чтобы разжалобить отца, какъ можно было себѣ представить, вполне достигли своей цѣли. Видя такое отчаянное положеніе своей дочери, чадолюбивый отецъ расплакался отъ умиленія и исполнилъ ея желаніе. Подобнымъ же образомъ она выпросила у него большой мѣдный семи-ушковый котелъ, изъ котораго могли ѣсть 300 человѣкъ.

Когда молодые пріѣзжали въ домъ мужа, послѣдній въ свою очередь устраивалъ большой пиръ. Пріемъ молодыхъ былъ весьма радушный. Старыя женщины, вѣроятно въ томъ числѣ и мать мужа, угощали ее разными яствами, подносили ей пѣнящуюся чашу и дѣлали подарки. Съ этихъ поръ роль женщины въ былинахъ героическихъ сказаніяхъ почти прекращалась. Вся остальная жизнь ея проходила въ заботахъ по дому и въ воспитаніи дѣтей, занятіяхъ, не воодушевлявшихъ осяцкую музу.

Если сравнить теперь положеніе дѣвицы у древнихъ Остяковъ съ таковымъ у прежнихъ Финновъ по *Калевалѣ*, то мы замѣтимъ значительную разницу между тѣмъ и другимъ. Финская дѣвица стоитъ въ духовномъ и нравственномъ отношеніи гораздо выше Остячки. Она не является бездушною вещью въ рукахъ продавца-отца и покупателя-жениха, какъ молодая Остячка, и не имѣетъ необходимости тайно ото всѣхъ сноситься съ избранникомъ своего сердца и умолять его выручить ее, напротивъ, она одна распоряжается своими чувствами и, пользуясь этимъ, даетъ претендентамъ на ея руку почувствовать, что она знаетъ себѣ цѣну.

Если остяцкій богатырь борется съ внѣшними врагами, увѣренный, что, выдержавъ успѣшно эту борьбу, сдѣлается обладателемъ своей нареченной, финскій юноша долженъ былъ, благодаря прихоти своей невѣсты, совершить массу разныхъ трудноисполнимыхъ подвиговъ и то не былъ увѣренъ, увѣнчается ли успѣшное исполненіе ихъ ея согласіемъ на бракъ. Часто безсердечная красавица опять придумывала новые подвиги и опять женихъ ея долженъ былъ подвергать свою жизнь опасности. Впрочемъ она мало и заботилась, придетъ ли ея женихъ обратно или нѣтъ, такъ какъ ихъ у хорошихъ невѣстъ всегда имѣлось достаточно.

ГЛАВА VIII.

Способы веденія войны.

Причины войнъ.—Сборы къ походу.—Обряды при отправленіи.—Остановки.—Первыя встрѣчи съ подданными отца невѣсты.—Способы веденія войны на открытомъ полѣ.—Лазутчики.—Караульные.—Сраженіе.—Борьба князей другъ съ другомъ.—Враги иногда расходились, давъ клятву болѣе не воевать другъ съ другомъ.—Лишеніе убитаго врага доспѣховъ и скальна.—Богатыри съѣдали иногда сердца враговъ.—Засады противъ плывущихъ на лодкахъ враговъ.—Исправленіе укрѣпленій.—Осада городковъ и взятіе ихъ штурмомъ и голодомъ.—Союзы князей, какъ средство противъ сильныхъ враговъ.—Военная тактика Самоѣдовъ.

Остановимся теперь на способахъ веденія войны у прежнихъ Остяковъ. Главной причиной войнъ было, какъ мы знаемъ, желаніе князей добыть себѣ женъ, которыхъ они не могли искать среди жительницъ своего города. И этой одной причиной, помимо другихъ, было достаточно, чтобы въ странѣ Остяковъ велась почти непрерывная войны между отдѣльными князьками, если принять во вниманіе, что между представителями каждаго остяцкаго княжескаго рода числилось нѣсколько лицъ мужскаго пола и что богатыри имѣли часто нѣсколько женъ.

Разъ князья рѣшили между собою походъ, они устраивали общественныя жертвоприношенія и пиръ для всѣхъ жителей города и селеній. Тутъ они объявляли народу о своемъ рѣшеніи и, посоветовавшись со стариками, производили наборъ воиновъ извѣстнымъ намъ образомъ. При этомъ они руководились не столько возрастомъ своихъ подданныхъ, сколько ихъ годностью къ военной службѣ (см. выше). Передъ тѣмъ, что распустить народъ по домамъ, князья дѣлали свои послѣднія распоряженія, именно, выбраннымъ воинамъ приказывали быть готовыми къ походу на зарѣ слѣдующаго дня, а остающимся дома, преимущественно старикамъ, явиться утромъ на «жердяную» пристань для проводовъ.

Послѣ всего этого князья отходили ко сну, чтобы утромъ съ бодрыми силами снарядиться въ путь. Но, какъ себѣ легко представить, рой мыслей, кружившійся въ ихъ головахъ въ виду столь опаснаго предпріятія, часто разгонялъ сонъ и у этихъ суровыхъ людей, что остяцкій бардъ весьма фигурно выражаетъ словами: «хоть онъ и легъ на цвѣтныя ковры, (какъ будто) на ручкѣ топора, на ручкѣ ножа онъ лежалъ» или такъ: «будто онъ лежалъ на блошиномъ и вшивомъ мѣстѣ». И только къ утру усталость брала верхъ, и князь впадалъ въ глубокій сонъ. А между тѣмъ воины, согласно наказу, собирались на развѣтѣ за стѣнами города и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній снаряжали сани или лодки, смотря по времени года, и укладывали въ

нихъ разныхъ товаръ и цѣнныя вещи, предназначенныя для калыма и въ дары родственникамъ невѣсты: красное и черное сукно, шелкъ, серебряную утварь, кольчуги и т. д.

Богатырь вставалъ, одѣвалъ свои доспѣхи и, выйдя на улицу, клалъ 7 поклоновъ передъ «священнымъ столбомъ съ божескимъ ликомъ» (т̆урумъ в̆ан̆ма й jem̆ий̆ jux̆). Когда отрядъ былъ готовъ выступить въ путь, остающіеся дома старики, пришедшіе ихъ проводить, троекратно громко вскрикивали, какъ того требовалъ обычай. Въ былинѣ говорится: „Громкій крикъ, который принято кричать при отчаливаніи воиновъ, они крикнули. До вершины низкаго дерева и до середины высокаго онъ достигъ. Второй крикъ достигъ до пути пестрыхъ облачковъ; третій крикъ достигъ до Золотаго свѣта, Отца. Младшій мужъ сказалъ: «послушай, братъ, выступимъ теперь съ нашими воинами, съ нашими сватами со стриженными головами: до Отца нашего, Золотаго Свѣта, онъ достигъ, не наступить для насъ день пораженія и смерти»“.

Послѣ этого трогались въ путь, причемъ лѣтомъ они гребли сильными взмахами одного весла, которое опускали въ воду у носа лодки и вынимали изъ воды у кормы, зимой ихъ уносили быстроногіе олени, запряженные по два въ легкія санки.

Когда они проѣзжали мимо высокихъ мысковъ, жившій тамъ народъ ставилъ имъ, какъ богамъ, пѣнящіяся чаши въ жертву и приводилъ жертвенныхъ животныхъ. Кое-гдѣ и сами они дѣлали привалы, чтобы приносить жертвы богамъ и просить у нихъ «спинную и брюшную силу». Эти привалы продолжались обыкновенно не менѣе дня и служили въ то же время и отдыхомъ для уставшихъ гребцовъ.

Первыя встрѣчи съ людьми того княжества, въ которое былъ направленъ походъ, не всегда имѣли враждебный характеръ. Часто переговоры, которые велись обѣими сторонами относительно отдачи невѣсты и касательно размѣра калыма имѣли столь благопріятный исходъ, что все предпріятіе кончалось бракомъ пріѣзжаго князя съ дочерью мѣстнаго, и воины того и другого праздновали это событіе общимъ пиромъ. Подобные случаи, хотя и упоминаются въ героическихъ разсказахъ, но по своей обыденности не служили имъ темой, какъ другіе, не менѣе рѣдкіе случаи, когда никакіе переговоры не приводили къ желаемымъ результатамъ и когда мечъ долженъ былъ рѣшать споръ. Кровопролитіе во время сватовства было дѣломъ столь обычнымъ, что въ былинахъ слова «свадьба» (моі) и «сватъ», «поѣзжанинъ» (моі-хоі) очень часто употребляются рядомъ со словами «война» (т'а т') и «воинъ» (т'а т'-хоі), какъ бы въ качествѣ синонимовъ послѣднихъ, и, какъ слово «война», такъ слово «свадьба», имѣютъ одни и тѣ же эпитеты: ѱх-та, пір-та, что значитъ «безголовая», «безвозвратная». Это намъ и объясняетъ, почему женихъ, отпра-

вляясь сватать дѣвицу, не могъ ограничиться немногими людьми, а бралъ съ собою цѣлый отрядъ.

Возвратимся однако къ прежнему и опишемъ первоначальную встрѣчу двухъ князей, по одному героическому разсказу, гдѣ этотъ эпизодъ довольно подробно изложенъ. Когда воины послѣ продолжительнаго плаванія были вблизи вражескаго города, «ихъ увидѣли дальнзоркіе и слышали чуткіе ухомъ». Князь съ сыномъ вышли на пристань встрѣчать гостей, а пріѣхавшіе богатыри, между тѣмъ, подѣзжая къ берегу, показывали все свое умѣнье править лодкой, заставляя ее извиваться по водѣ подобно выдрѣ и въ знакъ бодрости духа своего «свистѣли изъ толстаго и тонкаго горла». На разстояніи выстрѣла изъ лука они остановили лодки и, уперевъ конецъ лука въ дно, выпрыгнули на берегъ, не боясь могущихъ быть козней. Князь пригласилъ ихъ въ большой домъ, предназначенный для сбора воиновъ и сватовъ, и далъ имъ двухъ женщинъ воду носить и кушанье варить и человѣка, чтобы дрова рубить. Кромѣ того, ихъ снабдили пищей и питьемъ. Несмотря на такой, повидимому радушный, пріемъ со стороны мѣстнаго князя Нанг-хуша, всетаки обѣ стороны остерегались другъ друга, такъ какъ взаимныя отношенія ихъ еще не выяснились. Тѣ и другіе выставили ночью караульныхъ, чтобы слѣдить за противниками. На разсвѣтѣ они начали вести переговоры.

Способы веденія войны были различны въ зависимости отъ характера противниковъ и отъ занимаемой ими позиціи. На малочисленнаго врага Остяки обыкновенно нападали стремительно, осыпая его при этомъ тучами стрѣлъ. Если ихъ нападеніе бывало отбито, они разбѣгались, но вскорѣ собирались и нападали снова. Обыкновенно же слабѣйшая сторона скоро падала духомъ и обращалась въ бѣгство. Только лучше организованные и вооруженные отряды Татаръ и Русскихъ могли съ успѣхомъ выдерживать атаки Остяковъ, превосходящихъ ихъ численностью.

Если приходилось имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ, расположившимся въ неукрѣпленномъ мѣстѣ, то остяцкая военная тактика того времени требовала не вступать съ нимъ въ открытый бой, а, улучшивъ минуту, застать его врасплохъ и произвести на него внезапное нападеніе. Чтобы этого вѣрнѣе достигнуть, нападающіе посылали впередъ развѣдчиковъ. Они должны были подкрасться къ непріятельскому стану и все вывѣдать. Въ качествѣ этихъ лазутчиковъ въ остяцкихъ былинахъ иногда выступаютъ кукушки. Въ ихъ образъ вѣще князья умѣли обращать свои шанки, бросая ихъ вверхъ. Ихъ же посылали въ качествѣ вѣстницъ, если требовалась скорая помощь отъ какого-нибудь союзнаго князя. Если сообщеніе кукушки было благопріятно нападенію, то весь отрядъ двигался впередъ, но столь осторожно, «чтобы ни

соринка, ни былинка не шелохнулась», какъ говорится въ былинѣ, и кровопролитіе кончалось истребленіемъ враговъ.

Но конечно такіа столкновенія не всегда оканчивались столь благопріятно для нападающихъ. Располагаясь на ночевку въ неукрѣпленномъ мѣстѣ и при томъ въ военное время, отрядъ для обезпеченія себя отъ внезапныхъ нападеній выставлялъ караульныхъ. Они постоянно смѣнялись. Тѣ же предосторожности соблюдались, если отряду приходилось дѣлать стоянку во вражеской странѣ. Въ нашемъ разсказѣ это такъ описывается: «если на одной сторонѣ какой-нибудь мужъ ложился, на другой сторонѣ какой-нибудь мужъ бодрствовалъ, и когда спавшій пробуждался, бодрствовавшій ложился. Въ чужой землѣ, на чужихъ водахъ ими въ слѣдствіе неизвѣстности овладѣваетъ страхъ». Эти караульные иногда замѣчали лазутчиковъ или самихъ подкрадывающихся воиновъ, будили своихъ, и тогда нерѣдко нападавшіе несли большой уронъ.

Сраженіе Остяки всегда начинали стрѣльбой изъ луковъ, при чемъ старались нанести врагу побольше вреда и потомъ уже мало по малу сходились и вступали въ рукопашную. Какъ всѣ дикіе народы, они не умѣли сражаться сомкнутыми рядами, а дрались въ разсыпную, причемъ каждый выискивалъ себя противника, чтобы съ нимъ схватиться.

Если въ числѣ враговъ имѣлись и князья, закованные въ кольчуги, то ихъ противники выжидали обыкновенно случая, когда разгоряченный боемъ богатырь снималъ ее, чтобы свободнѣе подышать и тогда мѣткая стрѣла пронзала его. Богатырь, однако, сознавая свою уязвимость безъ кольчуги, былъ тоже на сторожѣ и нерѣдко спасался отъ стрѣлы тѣмъ, что, услышавъ шумъ тетивы, приеѣдалъ или подпрыгивалъ къверху. Такъ дважды избѣгъ смерти въ одной былинѣ Іевръ-богатырь, но въ третій разъ стрѣла его пронзила, когда онъ одѣвалъ кольчугу черезъ голову и не слышалъ шума вражескаго лука. При подобныхъ же обстоятельствахъ остяцкій богатырь Салханъ, герой Демьянской области, убилъ самоѣдскаго князя, осаждавшаго остяцкій городокъ на мысу Каттида вѣнда ¹⁾. Остяки, преслѣдуемые Самоѣдами, засѣли въ городкѣ, и самоѣдскій князь во главѣ своихъ сталъ рубить палисады. Ему сдѣлалось жарко, онъ откинулъ назадъ верхъ своей кольчуги и обнажилъ при этомъ свой лобъ. Слѣдившій за нимъ Салханъ, пустилъ въ него стрѣлу сквозь прорубленное имъ отверстіе и тотъ палъ, пораженный въ переносѣ. Нападеніе Самоѣдовъ послѣ этого было отбито.

Иногда, если вражескій богатырь ни при какихъ условіяхъ не снималъ своего «душу спасающаго одѣянія», его противники молили Бога, чтобы онъ послалъ сильный жаръ, что Онъ обыкновенно, по своей милости, и исполнялъ

¹⁾ Находился около нынѣшней дер. Готиловой (Дем. вол.), которая отъ него и получила свое имя.

и богатырь легко пронзалъ своего беззащитнаго врага. Поразить богатыря даже при подобныхъ условіяхъ считалось все же большимъ подвигомъ.

Мечами остяцкіе богатыри повидимому не часто рубились на поединкахъ, а употребляли ихъ или для своей защиты или въ сраженіи съ простыми людьми, не имѣвшими подобнаго оружія. Богатырей же они рубили мечемъ почти только въ томъ случаѣ, если имъ удавалось захватить ихъ върасплохъ, напр. подкравшись сзади. Къ такому выводу по крайней мѣрѣ можно придти на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ героическимъ эпосомъ.

Состязаніе двухъ богатырей не всегда впрочемъ кончалось смертью одного изъ нихъ. Случалось, что, если оба противника не могли нанести другъ другу смертельной раны въ продолженіи долгаго времени, они расходились, давши взаимную клятву не сражаться впредь другъ съ другомъ, пока будутъ живы, «а, если кто изъ насъ нарушитъ эту клятву, говорили они, то пусть съ него сдерутъ его радужноотливающуюся головную кожу». Это тоже нѣсколько напоминаетъ западныхъ рыцарей, которые въ подобныхъ случаяхъ имѣли еще обыкновеніе мѣняться оружіемъ. Какой обрядъ они совершали при заключеніи клятвы здѣсь, въ этомъ разсказѣ, не упоминается, но изъ другихъ мы знаемъ, что при этомъ цѣловали пучій носъ и огонь¹⁾. При соблюденіи этого обряда вогульскій князекъ Китвор-отер заставилъ побѣжденных имъ Самоѣдовъ поклясться, что они впредь не будутъ дѣлать набѣговъ на его землю. Можетъ быть при этомъ цѣловали и медвѣжью морду или разрѣзали ее ножомъ, какъ оно нынѣ водится у Сибирскихъ Угровъ, какъ у язычниковъ, такъ и у крещеныхъ.

Убитаго врага лишали его доспѣховъ и побѣдитель бралъ ихъ себѣ. Иногда побѣжденный богатырь, умирая, самъ бросалъ ихъ врагу, чтобы не быть ограбленнымъ послѣ смерти, такъ, напр., поступилъ Іевръ-богатырь.

Чтобы доставить себѣ больше славы, а врагамъ униженія, побѣдители имѣли обыкновеніе снимать съ нихъ ихъ головную кожу (у х-с о х). Ея эпитетъ въ остяцкихъ былинахъ—«радужнымъ цвѣтомъ отливающаяся»—вѣроятно заимѣлъ отъ чернаго цвѣта ихъ волосъ, имѣющихъ дѣйствительно на солнцѣ радужную игру. Впрочемъ, дословный переводъ остяцкихъ словъ этого эпитета: соі во́лпай²⁾ миѣ неизвѣстенъ. Лишеніе головной кожи вѣроятно имѣло еще и другой мотивъ, именно основанный на своеобразномъ вѣрованіи Остяковъ въ загробную жизнь. Есть основаніе предполагать, что по ихъ понятіямъ душа человека, лишеннаго скальпа, окончательно умирала. Эти кровавые трофеи такъ же высоко цѣни-

¹⁾ Вѣроятно въ знакъ того, чтобы вода и огонь истребили клятвопреступника.

²⁾ „Подобная «зеркальцу» гагары (соі)“—по словамъ Остяковъ, есть точный переводъ этого выраженія. Соі, по Кастрену, *anas clangula*.

лись въ тѣ времена у Остяковъ, какъ еще отчасти теперь среди нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ Индійцевъ Сѣв. Америки. Уваженіе къ князю росло по мѣрѣ накопленія у него непріятельскихъ скальповъ. Съ другой стороны побѣжденный богатырь, если еще не терялъ сознаніе, всячески старался помѣшать своему противнику лишить его головной кожи. Вотъ какими словами обратилась къ остяцкому богатырю голова самоѣдскаго князя Сосъ-Турума—ей удалось спастись отъ него въ рѣчку: «Богатырь, носящій внушающую страхъ одежду изъ полотна многихъ земель, зачѣмъ пришелъ ты въ страну, куда не добаться даже звѣрю? Убѣгая отъ тебя и укрывая мою радужно-отливающуюся головную кожу, я прибѣгалъ къ сотнѣ уловокъ, ко всевозможнымъ уловкамъ. Если ты взойдешь сюда въ воду, то ты мужъ, живущій въ свѣтломъ міру, войдешь на много, много лѣтъ... Когда ты повернешь къ дому твою косатую, славную ¹⁾ голову, то среди дома полною мужей и женъ не говори, что тебѣ удалось содрать со стараго Сосъ-Турума его радужно отливающуюся головную кожу». Въ этихъ словахъ мы видимъ какъ бы торжество побѣжденного врага; они какъ бы говорятъ: «если все пропало, то хоть честь спасена».

Обычай скальпировать убитыхъ враговъ былъ въ прежнее время распространенъ не только у Остяковъ, но и у Вогульцевъ, о чемъ сообщаетъ г. Гондатти ²⁾, а также и у Самоѣдовъ, на что имѣются намеки въ героическихъ разсказахъ Остяковъ.

Есть нѣкоторыя указанія на то, что богатыри иногда съѣдали сердца своихъ побѣжденныхъ враговъ, причемъ они въ данномъ случаѣ руководились скорѣе желаніемъ, чтобы сила послѣдняго перешла къ нимъ, чѣмъ чувствомъ мести. Въ былинахъ подобнаго случая мы не встрѣчаемъ, а въ одномъ героическомъ разсказѣ Остяковъ Темлячевской волости. По этому преданію въ отдаленное время на мѣстѣ теперешнихъ юртъ Б. Атлымскихъ (Берез. окр.) проживалъ богатырь Сенгеповъ. Онъ чинилъ постоянные набѣги на ихъ землю и на страну по нижнему Иртышу. Однажды мѣстные жители собрались ему отомстить и пошли на него войной, но, придя туда, не застали его въ живыхъ. Имъ передали, что онъ умеръ въ слѣдствіе того, что сквозь него пролетѣла птица въ родѣ гагары, (т о р-в о ѣ); образъ ея, по ихъ мнѣнію, принялъ злой духъ. Тогда они отправились на кладбище, гдѣ онъ недавно былъ похороненъ, вырыли его и, вырѣзавъ у него сердце, крѣпкое какъ камень, разрубили его на части и съѣли. Этотъ единичный фактъ не имѣлъ бы самъ по себѣ значенія, какъ вообще все единичные случаи, если бы о подобныхъ обычаяхъ древнихъ Угровъ не

¹⁾ Здѣсь пропущенъ эпитетъ головы т а б ы й, смыслъ котораго темень и для инородцевъ.

²⁾ «Тр. Этн. Отд. О. люб. ест., антр. и этн.», кн. VIII, 88, стр. 64.

передавали намъ и другіе изслѣдователи ихъ. Напр. г. Гондатти ¹⁾—о прежнихъ Вогулахъ и лѣтописецъ Регинотъ ²⁾ относительно древнихъ Мадьяръ. И каждый изъ нихъ даетъ этому обычаю свое объясненіе: мнѣніе перваго изъ нихъ, согласное съ нашимъ предположеніемъ, приведено выше, а второй полагалъ, что сердца убитыхъ враговъ употреблялись Мадьярами, какъ лѣкарство.

Защитою укрѣпленныхъ мѣстъ служили валы, рвы, палисады, но такъ какъ и они не могли бы оказать большой помощи въ случаѣ нападенія въ распахъ, то горожане заблаговременно ставили дозорныхъ, для предупрежденія объ опасности. Иногда помѣщали ихъ на помостахъ, устроенныхъ на высокихъ столбахъ, поставленныхъ въ городѣ, какъ о томъ повѣствуетъ одно сказаніе. Эта предосторожность оказывалась не лишней въ мѣстности съ невольнѣ открытымъ кругозоромъ.

Употреблялся еще другой способъ для свѣдѣнія о приближеніи враговъ: поперекъ рѣки или воднаго бассейна, гдѣ былъ расположенъ городъ, протягивали бичеву или проволоку (сѣгомъ). Конецъ его находился въ городѣ. Враги, ничего не подозревая, наѣзжали на него и расшевеливали или даже умышленно перерѣзывали его, а граждане тотчасъ выступали противъ пришельцевъ. Въ одной изъ записанныхъ мною былинъ такая «вѣстовая» проволока была изъ золота (сорнѣй сѣгомъ) и имѣла толщину «мясиэтаго пальца». Г. Гондатти описываетъ шнуры съ навѣшенными на нихъ бубенчиками: по звону ихъ въ городѣ узнавали объ опасности.

Противъ людей, ѣдущихъ на лодкахъ, устраивали своего рода мины, втыкая въ воду не далеко отъ поверхности поперечный рядъ кольевъ, обращенныхъ остріемъ въ ту сторону, откуда ожидался врагъ ³⁾. Последніе, наѣзжая на нихъ сильными взмахами веселъ, ломали и опрокидывали свои лодки и дѣлались добычей стерегшихъ ихъ воиновъ. Особенно гибельны были подобныя засады для берестяныхъ лодокъ. Онѣ при этомъ неминуемо тонули, а люди, сидѣвшіе въ нихъ, часто изувѣчивались. Противъ этихъ берестяныхъ ладій также дѣйствовали лукомъ и стрѣлами. Славные богатыри впрочемъ пробивали съ легкостью и осиночки и топили ихъ.

Передъ началомъ войны горожане укрѣпляли свой городъ, исправляли валы, углубляли рвы и возводили новые палисады. Такъ надо понимать тѣ преда-

¹⁾ L. c. «Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ».

²⁾ Regino 889 (P. ss, I, 600) «...corda hominum, quos capiunt, particulatim dividente ve'uti pro remedio devorant». (въ «Зап. Ист.-Фил. фак.» ч. IX, стр. 318).

³⁾ Объ этомъ способѣ обороны мнѣ сообщили Ачирскіе Татары, которые, безъ сомнѣнія, суть потомки отатарившихся Вогульцевъ. Они живутъ въ сѣверной части Эскадбинской волости (Тоб. окр.).

нія о нѣкоторыхъ городкахъ, напр., про Вош-јега-вош¹⁾: онъ въ военное время выросталъ на 7 копьевищъ или 7 сажень,—и о другомъ городѣ Жам-вош—онъ имѣлъ «бабье сердце» и при открытіи войны уходилъ въ землю.

Укрѣпленные мѣста Остяки брали, смотря по обстоятельствамъ, или приступомъ или же голодомъ. Первый случай имѣлъ мѣсто, если приходилось воевать съ несильнымъ противникомъ или если городъ не былъ хорошо укрѣпленъ. Рвы и валы,—на сѣверѣ обыкновенно незначительныхъ размѣровъ,—оказывали лишь слабое сопротивленіе подступающему врагу. Лишь палисады, если они имѣлись, останавливали его настолько, чтобы дать возможность защитникамъ собраться съ силами и отбить приступъ. Добравшись до этихъ стѣнъ, богатыри выхватывали изъ за пояса свои огромные топоры и начинали сокрушать дерево. Но работа, не смотря на силу богатырей, врядъ ли подвигалась быстро впередъ. Кажется, не все простые люди имѣли топоры и большая часть изъ нихъ была обречена на бездѣйствіе. Защитники въ свою очередь не зѣвали и осыпали ихъ сверху градомъ стрѣлъ и валили на нихъ бревна. Скачываясь по откосу укрѣпленія, они увлекали съ собою внизъ и взбиравшихся воиновъ. По мнѣнію Остяковъ, отъ седьмага бревна не могъ уйти и самый проворный Самоѣдъ. Иногда же жителями, спрятавшимися въ городѣ, овладѣвалъ такой страхъ при видѣ многочисленныхъ враговъ, что они почти не были способны что либо предпринять, и тогда спасеніе всецѣло зависѣло отъ храбрости князя. Улучшивъ моментъ, онъ пронзалъ вражескаго вождя стрѣлой и тѣмъ производилъ временное смятеніе въ средѣ враговъ. Такимъ образомъ былъ спасенъ отъ нападенія Самоѣдовъ остяцкій городокъ на мысу Каттида въ н д а, какъ мы видѣли раньше. Когда самоѣдскій князь палъ пронзенный, стрѣлой Салхана, ободренные этимъ Остяки сдѣлали вылазку и нанесли врагамъ сильное пораженіе. Едва небольшая часть изъ нихъ спаслась бѣгствомъ. Крови было пролито такое количество, что, по словамъ мѣстнаго преданія, земля здѣсь окрасилась въ красный цвѣтъ, и этой красной землей Остяки долгое время красили свои лодки. Напротивъ, городъ князя Нанг-хуша былъ взятъ приступомъ сыновьями князя Ж а в е т т а-к ё т и е-х у і, такъ какъ стрѣлы защитниковъ его не могли причинить вреда богатырямъ, защищеннымъ кольчугами, и тѣ ворвались въ городъ.

Когда городъ былъ сильно укрѣпленъ и, вообще, если рассчитывали встрѣтить сильное сопротивленіе, его обыкновенно не рѣшались брать приступомъ, а окружали его и принуждали сидѣвшихъ въ немъ къ сдачѣ, что обыкновенно происходило скоро, такъ какъ Остяки запасовъ на случай войны не дѣлали. Иногда въ подобныхъ же случаяхъ осаждающіе брали городъ хитростью,

¹⁾ Расположенъ около р. Вош-јега, въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ (М. Конд. вол.)

напр., дѣлали видъ, что уходятъ, а сами устраивали засаду, въ которую попадали вышедшіе изъ города люди. Въ одной изъ имѣющихся у меня былинъ описывается осада крѣпкаго города князя Іевра (Харда-вош). Эпизоды ея столько интересны, что мы ихъ здѣсь вкратцѣ передадимъ. Трое князей изъ города Карыпѡспат-ѹрдат-вош, опасаясь кровавой мести со стороны двухъ эмдерскихъ князей, — у нихъ они убили отцевъ, — бросаютъ свой слабо укрѣпленный городъ и плывутъ по Кондѣ къ своему союзнику, богатырю Іевру. У него былъ на рѣкѣ Іеврѣ крѣпкій «мѣдный городъ», — съ устройствомъ его мы уже знакомы. Эмдерскіе князья преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. Когда тѣ заперлись вмѣстѣ съ мѣстными жителями въ крѣпости, они расположились за ея стѣнами и прервали всякое ихъ сообщеніе съ окружающей мѣстностью, гдѣ имѣлись озера, обильныя рыбой, и лѣса, полныя дичью. Вскорѣ въ оградѣ, гдѣ скопился народъ изъ двухъ городовъ, появился сильный голодъ. Когда осажденные, находясь въ крайности, не знали, что предпринять, надъ ихъ головами пролетѣлъ воронъ, державшій во рту рыбку. Тогда голодные жители не вытерпѣли и рѣшили, не смотря на присутствіе враговъ, выдти изъ за стѣнъ и отыскать рыбную рѣчку, а эмдерскіе, въ свою очередь, чтобы имъ не мѣшать, приняли образъ змѣй и легли у воротъ города. Тѣ вышли изъ за палисада, наловили въ Іеврѣ рѣкѣ массу рыбы и главный богатырь этой области, Іевръ, сталъ ее дѣлить. Но когда, вспотѣвъ, онъ снялъ кольчугу, его пронзила стрѣла одного изъ враговъ. Какъ только палъ ихъ самый сильный противникъ, они бросились на своихъ личныхъ враговъ, князей города Карыпѡспат-ѹрдат-вош, и убили младшаго изъ нихъ. Старшіе же спаслись только благодаря заступничеству самого Бога. Городъ же и прочій народъ остались невредимы, такъ какъ вся война была ими ведена лишь изъ кровавой мести къ названнымъ тремъ князьямъ.

Этотъ разсказъ имѣетъ для насъ еще другой интересъ. Онъ показываетъ, что остяцкіе князья иногда заключали между собою союзы или коалиціи, чтобы противостоять болѣе сильнымъ врагамъ. Изъ одного разсказа мы видимъ, что и Остяцкіе городки: находившійся на мысу Каттида вѣнда и Вош-жега-вош были союзниками, заключившими между собою оборонительный и отчасти наступательный союзъ. Въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, сторона, подвергавшаяся нападенію, выставляла на высокихъ шестахъ куски краснаго сукна въ видѣ флаговъ. Она тѣмъ давала знать своему союзнику объ опасности, ей угрожавшей. Вѣсть о появленіи красныхъ флаговъ быстро передавалась разбѣянными всюду рыболовами и охотниками съ одного мѣста въ другое и доходила до ихъ союзниковъ. Они тогда спѣшили на помощь утѣсненнымъ. Говорятъ, что и теперь горный берегъ Иртыша, гдѣ находится мысъ Каттида-вѣнда, отчасти видѣнъ въ ясные дни съ Конды, такъ что извѣстіе объ открытіи войны весьма скоро могло достигнуть до на-

ходившагося здѣсь городка, расположеннаго сравнительно недалеко отъ этой рѣки.

Эти союзы имѣли особенное значеніе при войнахъ съ Самоѣдами, а въ послѣдствіи съ Татарами и Русскими.

Самоѣды часто дѣлали набѣги большими ватагами въ 200—300 человекъ, и остаткіе князья не всегда могли имъ противопоставить соответственное число воиновъ. Кромѣ того нападенія свои они производили иногда столь стремительно, что часто заставляли Остяковъ въ расплохъ и не давали имъ времени собраться. Если же Самоѣды встрѣчали сильное сопротивленіе, то столь же быстро пропадали, захвативъ съ собою награбленное имущество и женъ Остяковъ и увозя ихъ стада оленей. Это особенно касалось зимняго времени, когда замерзшія озера, рѣки и болота открывали повсемѣстно пути и когда жители, даже предваренные объ опасности, не знали, съ какой стороны произойдетъ нападеніе. При такихъ походахъ Самоѣды всегда брали съ собой стада оленей. Съ ними они быстро переносились съ одного мѣста на другое и въ тоже время имѣли всегда пищу во время пути. Благодаря этому, Самоѣды были въ состояніи вести продолжительныя осады городковъ и принуждать ихъ жителей, не обезпеченныхъ въ провіантъ и отрѣзанныхъ отъ всего окружающаго, къ сдачѣ.

Набѣги свои Самоѣды производили и лѣтомъ, причемъ поднимались тогда на своихъ легкихъ, часто берестяныхъ, лодкахъ вверхъ по рѣкамъ. Пользуясь тѣмъ, что въ это время года все мужское населеніе занято рыбнымъ промысломъ, они незамѣтно подплывали къ стоянкамъ, грабили жилища Остяковъ и увозили съ собою ихъ женъ и дѣтей. Въ томъ же случаѣ, если ихъ встрѣчали Остяки въ превосходномъ числѣ, они бросались въ лодки и быстро исчезали, оставляя своихъ противниковъ позади, такъ какъ по суши перебѣгали черезъ всѣ перешейки и волоки, унося съ собою свои легкія ладьи, чего не могли сдѣлать Остяки, имѣвшіе сравнительно грузныя деревянныя лодки.

Своими набѣгами Самоѣды тревожили въ предѣлахъ Тобольскаго округа всю область нижняго Иртыша до Демьянки и область Конды, причемъ въ послѣдній край они спускались на ладьяхъ по р. Тапъ, впадающей въ Конду. У жителей Кондинскаго края они болѣе извѣстны подъ названіемъ «Тавдинскаго народа»: Тавда-јах (у Вог.—воі Тавдітта (?)).

Какъ мы видѣли, тактика Самоѣдовъ была тактикой многихъ другихъ кочевыхъ племенъ. Мы знаемъ, какой успѣхъ они часто имѣли при столкновеніи съ осѣдлыми народами, даже значительно болѣе образованными, чѣмъ были Остяки. Понятно, что для послѣднихъ было весьма важно имѣть союзниковъ, которые могли бы въ случаѣ необходимости увеличить ихъ военную силу и тѣмъ самымъ дать возможность во время отразить врага.

Во время завоеванія Русскими долины Иртыша и Оби казаки всюду встрѣчали значительныя скопища Остяковъ, составлявшихъ войска союзныхъ князей. Такъ князь Демьянской волости Нимнянъ собралъ въ свою обширную крѣпость до 2000 бойцовъ, причемъ въ качествѣ союзниковъ его были не только Остяки разныхъ мѣстностей, но и Кондинскіе Вогульцы. Далѣе исторія отмѣтила, что подъ Самарскимъ мысомъ казаки застали въ распλοхъ спящихъ Остяковъ и изрубили ихъ. Въ числѣ убитыхъ находился мѣстный князь Самаръ и его восемь союзныхъ князей.

ГЛАВА IX.

З а к л ю ч е н і е.

Былины—историческіе рассказы о подвигахъ богатырей, опоэтизированные народной фантазіей.—Ихъ реализмъ.—Куда дѣлись богатыри?—Взглядъ Остяковъ на этотъ предметъ.

Мы не будемъ долѣе останавливаться на выводахъ о жизни прежнихъ Остяковъ и ихъ міровоззрѣніи, на основаніи данныхъ былинь и героическихъ сказаній, напримѣръ, объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на упомянутые виды Остяцкой народной поэзіи. Ихъ можно разсматривать, или какъ произведенія народного творчества, въ основаніе котораго легло знакомство ихъ съ окружающимъ міромъ и ихъ представленія о богахъ и прежнихъ людяхъ, или какъ историческіе рассказы о подвигахъ прежнихъ князей, опоэтизированные фантазіей ихъ авторовъ и пѣвцовъ.

Мы склоняемся рѣшительно въ пользу этого послѣдняго мнѣнія. Доказательствомъ можетъ служить неподдѣльный реализмъ, что всюду проглядываетъ въ былинахъ. Всѣ ихъ географическія и топографическія данныя настолько вѣрны и точны, что позволяютъ намъ судить о мѣстахъ происшествія разныхъ событій. Самый типъ богатыря тоже вполне реаленъ. Если мы откинемъ нѣкоторыя фантастическія черты его характера и нѣкоторыя сверхъестественныя его способности, то мы будемъ имѣть передъ собой остяцкаго князька, мало чѣмъ отличнаго отъ тѣхъ, коихъ еще застали Русскіе при ихъ появленіи въ Зап. Сибири. Ихъ большая сила и лучшее физическое развитіе зависѣли отъ болѣе изобильной пищи и отъ лучшихъ условій жизни. Это представленіе объ ихъ большой силѣ и непобѣдимости зависѣло и отъ ихъ лучшаго вооруженія, которое они могли имѣть, благодаря своему сравнительному богатству. А что кольчуги и мечи у нихъ дѣйствительно имѣлись, показываютъ многочисленныя ихъ находки, а также свидѣтельство прежнихъ бытописателей этого края. Наконецъ, образъ жизни богатырей, ихъ занятія,

домашняя обстановка, все такъ сходно съ тѣмъ, что мы еще теперь застаемъ въ самыхъ глухихъ уголкахъ остяцкаго и вогульского края и съ тѣмъ, что еще недавно имѣло мѣсто въ теперь обрусѣвшихъ мѣстностяхъ, что нѣтъ никакой необходимости приписывать все это фантазіи народа.

Не безинтересно будетъ знать читателю, какова же была судьба остяцкихъ богатырей, о коихъ въ послѣдствіи уже ничего не упоминается. Нѣтъ сомнѣнія, они могли существовать только, пока врагами ихъ были столь же слабые противники, какъ и они. Когда же на югѣ появились Тюрки завоеватели, а въ послѣдствіе и Русскіе, то слава богатырей сразу померкла. Они не были въ состояніи вступить въ борьбу съ болѣе сильными и лучше вооруженными врагами и предпочитали сражаться наравнѣ съ прочими и въ случаѣ бѣды бѣжать вмѣстѣ съ ними, такъ какъ ихъ личныя военныя качества тутъ врядъ ли могли оказать имъ большую помощь. Съ этихъ поръ князьки стали утрачивать свою славу богатырей и свое обаяніе. Исчезло мало по малу то прежнее благоговѣніе Остяковъ къ своимъ князьямъ и замѣнилось болѣе равноправными отношеніями между обѣими сторонами. Народъ по прежнему признавалъ ихъ главами и слушался ихъ, пока это входило въ его интересы, въ противномъ же случаѣ дѣйствовалъ по своему.

Въ этомъ видѣ ихъ застаётъ исторія, и историкъ Фишеръ даетъ вѣрную характеристику остяцкаго князя XVI вѣка: «такой князекъ владѣлъ не полно-властно, ибо народъ имѣлъ столь же великое право на него, какъ и онъ на народъ; однако власть его въ рѣшеніи спорныхъ дѣлъ была больше, нежели другого». Немного времени спустя послѣ завоеванія Русскими С.-Западной Сибири большая часть остяцкихъ князей потеряла свое княжеское достоинство и сравнялась съ простыми людьми.

Сами же Остяки иначе объясняютъ исчезновеніе богатырей въ ихъ странѣ. Народъ не могъ, или вѣрнѣе не хотѣлъ, допустить превращенія славныхъ боготворимыхъ богатырей своихъ въ простыхъ смертныхъ. Въ умѣ его зародились разныя болѣе поэтическія объясненія ихъ исчезновенія. Нахожденіе въ лѣсахъ незамѣченныхъ ранѣе огромныхъ обломковъ камней, занесенныхъ еще въ ледниковый періодъ въ эту страну, гдѣ совершенно нѣтъ скалъ и камней, наводило Остяковъ на мысль, что вѣрно это ихъ богатыри, спасаясь отъ новой вѣры, приняли видъ этихъ камней. По ихъ разсказамъ, это случилось такимъ образомъ: когда стала распространяться христіанская вѣра, богатыри, вѣрные прежнимъ богамъ, стали удаляться въ болѣе глухія мѣста, но когда все это не помогало, и новая вѣра все дальше и дальше проникала въ ихъ страну, они убѣжали въ лѣса и тундры сѣвера и на западъ, на Уралъ, и превратились тамъ въ каменныя глыбы.

Нѣкоторые богатыри, судя по былинамъ, были взяты Богомъ на небо и

сдѣлались святыми. Имъ Остяки и теперь приносятъ жертвы и молитвы. Къ такимъ князькамъ принадлежатъ двое старшихъ сыновей князя города Кары-поспат-вош. Извѣстны они у нынѣшнихъ Кондинскихъ Остяковъ подъ именемъ Іега-теі-ігейен—«Старики съ гершины рѣчки», ибо настоящимъ ихъ жилищемъ считаются: старый городокъ Вош-јега-вош въ вотчинѣ Шумиловскихъ Остяковъ и небольшой холмъ въ дачѣ Нюркеевскихъ, расположенные вблизи мелкихъ рѣчекъ и въ извѣстномъ разстояніи отъ Конды.

За великихъ святыхъ, живущихъ теперь на небѣ, считаются въ Кондинскомъ краѣ и прежніе Нахрачинскіе богатыри Аі-ѳурт (вог. Віші-ѳтер), т. е. «Малый князь» и Ене-ѳурт—«Большой князь», именуемый Вогульцами Ја ны-кеныт-ан чых, т. е. «Старикъ съ большой шапкой», потому что въ такомъ видѣ его изображаютъ. Какъ при своей земной жизни они были великими воителями, такъ и послѣ перехода своего на небо они не перестали принимать участіе въ битвахъ. Въ виду того, что Остяки и Вогулы въ настоящее время войнъ не ведутъ, они являются союзниками Русскихъ въ ихъ войнахъ, истребляя въ видѣ «железныхъ волковъ» (карт јевра) ихъ враговъ ¹⁾. Но, вообще богатырей, удостоившихся чести быть взятыми на небо, немного.

Другіе просто умерли въ разныхъ мѣстахъ, дома или сражаясь съ врагами. Но, гдѣ бы и какимъ бы образомъ они не погибли, души ихъ и понынѣ витають надъ страной Остяковъ, посылають имъ удачу въ рыбной ловлѣ и на охотѣ ²⁾ и, будучи любимцами Бога, устраняють отъ нихъ многія бѣдствія, за что благодарные потомки молятся имъ, какъ добрымъ духамъ, и приносятъ имъ кровавыя жертвы и дары.

¹⁾ Кондинскіе Остяки увѣрены, что именно за эти услуги ихъ богатырей русскіе цари освободили ихъ отъ воинской повинности.

²⁾ Въ сказаніяхъ: јінк хут' тѣдыі аітта, хар таш тѣдыі аітта.—Зукв.: «водную рыбу въ изобиліи найти, лѣсной товаръ въ изобиліи найти».

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

На стр.	10	5 строка	снизу	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
» »	24	9	» сверху	отыйна	отыйна
» »	24	9	» сверху	урт	урт
» »	25	20	» »	н'урем	н'урем
» »	26	3	» снизу	кѡвлан	кѡвлай
» »	26	15	» »	сорн'ій	сорній
» »	28	18	» »	јіттай	јітай
» »	31	15	» »	хѡнын	хѡнын
» »	31	15	» сверху	тѣбын	тѣбын
» »	49	15	» снизу	іма	іма
» »	51	19	» »	ѹдед-ѹх	ѹдед-ѹх
» »	64	9	» »	улѹчивѣ	улѹчивѣ
» »	68	5	» »	dividente	dividentes

